РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
НОЯБРЬ
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1884 г.

СТР.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе).* **И. Житецкаго** 371

II. ЦЕРКОВЬ И ВИЗАНТІЙСТВО. **Ор. Миллера** 419

III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА 447

IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). *(Продолженіе)* . 478

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУНДЫ НА ЮГѢ РОССІИ. *(Продолженіе).* **П. Л—ва** . . 499

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Д. Я. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава. 1884 г.—*М.*—б) Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. 1. Кіевъ. 1884 г.—*К. Цыбульскаго.*—в) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.—*И. Малышевскаго.*—г) Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. Н. О. Сумцова. Харьковъ. 1885 г.—*О. Н.* 509

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ.—*В. Науменка.*—б) Давно забытая древнѣйшая кіевская святыня.—в) Сосѣдственно-пріятельское письмо Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу.—г) Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ.—*Бориса П—скаго.*—д) Еще объ одномъ портретѣ кисти Боровиковскаго.—*В. Чеважевскаго.*—е) Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ.—*О. Р. К—аго*—ж) Отвѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскимъ слобожанамъ.—з) Саврадимка. (Пѣсня).—Сообщ. *Алексѣй Грабина* 529

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 113—128

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

НОЯБРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПОДПИСКА
на ежемѣсячный историческій
журналъ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1885-й годъ.
(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехъ-лѣтнему опыту нашего изданія наши постоянные читатели могли удостовѣриться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтило для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости спеціальной разработки южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и прививается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безъуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстраго мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10** руб., на мѣстѣ **8** р. **50** к. На заграничную пересылку прибавляется **1** р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ Трехъ-святительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе) [1].

ГЛАВА 5-я.

Иностранцы въ южной Россіи XII — XVI в.

Литово-польское завладѣніе южно-русской страной, вліяніе котораго на соціально-бытовыя формы кореннаго населенія мы уже видѣли, имѣло и другое, не менѣе важное значеніе: *при подчиненіи южной Руси иноземной власти усилилась инородческая колонизація на ея территоріи.* Кромѣ представителей политико-административной власти въ краѣ — литовцевъ-поляковъ, въ предѣлы южной Руси началось переселеніе и другихъ инородцевъ: нѣмцевъ, евреевъ, молдаво-валаховъ и пр. Особенно сильна была такая колонизація въ польской половинѣ. Хотя въ эпоху татарщины Галиція, какъ провинція болѣе отдаленная отъ татаръ и болѣе самостоятельная (особенно при Даніилѣ Галицкомъ), потеряла туземнаго населенія менѣе другихъ южно-русскихъ областей и въ то-же время вознаграждала эти потери привлеченіемъ населенія изъ другихъ сосѣднихъ странъ; но много мѣстъ даже и здѣсь обезлюдѣло и оставалось впустѣ [2]), благодаря тому, что татары не переставали

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., сентябрск. кн., стр. 1—26.

[2]) Съ водвореніемъ поляковъ въ краѣ во второй половинѣ XIV, даже въ XV в. «пустыя мѣста находились напр. въ долинѣ Суходаль на Свижѣ, окрестно-

врываться отдѣльными группами въ край и дѣлать опустошенія. Польша, въ интересахъ прежде всего экономическихъ (что формулировалось тогда словами: «ижъ бы люди осѣдали и платы бы наши намъ ся повышали» [1]), стремилась всегда повысить плотность населенія и потому открывала двери въ свою страну для иноземныхъ поселеній, вслѣдствіе чего иноземная колонизація землевладѣльческая, торгово-промышленная и даже земледѣльческая, широкою волною вливалась въ теченіи всего польскаго періода въ западную половину южной Россіи въ видѣ поляковъ, нѣмцевъ, молдованъ и пр. Однако собственно соціально-политическія причины имѣли сравнительно малое значеніе на ростъ иноземной колонизаціи въ литовской половинѣ: этимъ путемъ въ первое время поселились на южно-русской территоріи лишь литовцы и татары, и только во вторую половину періода, когда вліяніе Польши сдѣлалось ощутительно для политической судьбы края, увеличивается инородческая колонизація, какъ въ разнообразіи представляемыхъ народностей, такъ и въ количествѣ самыхъ переселенцевъ.

Но въ дѣлѣ инородческой колонизаціи литовско-польскаго періода рядомъ съ политическими причинами стояли и другія, не менѣе важныя; главныя изъ нихъ: *религіозная пропаганда* и *торговля страны*. Оставляя пока разборъ первой [2]) изъ этихъ двухъ причинъ, мы скажемъ, и то только нѣсколько словъ, о второй.

Какъ извѣстно, южную Русь въ то время пересѣкали два главныхъ торговыхъ пути: одинъ по Березинѣ и Днѣпру, а другой

сти Вербижа до устья Щирка (въ Днѣстръ) и по этой рѣкѣ цѣлыя мили, окрестности р. Созань, впадающей въ Днѣстръ ок. Самбора, околицы ок. Пестрыня и надъ р. Утеранъ ажъ по Коломыю... Также на Подольѣ вездѣ опустѣвшія села, корчмы и дворы». Szaran., «Rys» et caet., стр. 52—53.

[1]) Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 72.

[2]) Какъ въ «литовско-польскій», такъ и въ предшествовавшій «лѣтописный» періодъ немаловажнымъ условіемъ вообще въ этнологической жизни южнорусcовъ было *вліяніе религіозное*, какъ по самому своему ученію, духу, такъ и по многочисленнымъ представителямъ различныхъ религіозныхъ пропагаторовъ; но мы, въ интересахъ цѣльности и единства вопроса, религіозную сторону южнорусской жизни (за все время съ IX и по XVIII в.) разсмотримъ въ той главѣ, когда религія получаетъ въ краѣ политическую роль и представляется не отдѣльными лицами или сословнымъ разрядомъ, а цѣлымъ народомъ, и когда она является однимъ изъ главныхъ мотивовъ борьбы за національную самостоятельность.

по Бугу и Днѣстру [1]). Сѣверныя оконечности обоихъ путей, находясь въ непосредственномъ владѣніи нѣмецкихъ рыцарей, сливались съ Балтійскимъ моремъ, тогда охваченнымъ торговлей ганзейскихъ городовъ, а южныя, проходя черезъ область кочевыхъ татаръ Новороссіи, примыкали къ Черному морю, на которомъ торговыми монополистами были тогда итальянцы—генуэзцы и венеціане. Взаимное перемѣщеніе товаровъ ганзейскихъ городовъ и балтійскихъ нѣмцевъ съ сѣвера на югъ и татарскихъ и итальянскихъ съ юга на сѣверъ—представляетъ преобладающій видъ торговли. Къ березиноднѣпровскому и днѣстровско-бугскому торговымъ путямъ примыкали въ роли подвозныхъ дорогъ болѣе второстепенные рѣчные или сухопутные пути—изъ Венгріи, Седмиградіи, изъ Польши, Великаго Новгорода, Москвы и пр. Кромѣ того проходила еще черезъ страну съ запада на востокъ большая торговая дорога изъ Азіи въ Европу. Такимъ образомъ, указанные пути дѣлали южную Русь торговою страною для всѣхъ окружающихъ ее народностей: на югѣ, кромѣ итальянцевъ и татаръ—греки (позже турки), молдаво-валахи и венгры, а на сѣверѣ, помимо нѣмцевъ, поляки, западно и сѣверно-руссы (новгородцы и москвичи). Каждая изъ странъ перечисленныхъ народностей принимала участіе, какъ въ лицѣ своихъ торговыхъ представителей, такъ и пуская въ торговый оборотъ предметы производства своей страны [2]).

Значительная часть товаровъ переходила черезъ страну, но часть оставалась на пути, какъ въ виду существованія въ средѣ обитателей запроса на привозимые предметы, такъ отчасти благодаря искусственнымъ мѣрамъ. Правительство южной Руси, глав-

[1]) Шаран., стр 146, 196.

[2]) Изъ Молдавіи шли: рогатый скотъ, лошади, овцы, бѣлки, кожи; изъ Седмиградіи серебро въ оправѣ, воскъ и куньи мѣха; изъ Венгріи вина, изъ Греціи рыба и «грѣцкій квасъ»; изъ Азіи и Татаріи—хлопокъ, ладанъ, лимоны, малвазія (родъ вина), шелковыя матеріи, конская сбруя, ковры и вообще такъ называемые *татарскіе товары* (Szaran., стр. 104—106); оттуда-же, а позже изъ Азіи, черезъ посредство Цареграда—восточныя издѣлія изъ кожи: сафьянъ, «тижмы и тебенки» и восточныя пряности: перецъ, дзиндзиваръ и шафранъ (Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I, 1407); изъ Москвы «контовные товары», отъ Балтійскихъ нѣмцевъ сукна и проч. товары (Шаран., стр. 196); изъ Польши—соль.

нымъ образомъ польское, видѣло въ торговлѣ не только средство удовлетворенія потребностей населенія и обогащенія городскихъ классовъ, но и одну изъ прибыльныхъ статей фиска, поэтому не переставало заботиться о ходѣ торговли. Заботы правительства касались удобствъ передвиженія [1]) и безопасности провозимыхъ товаровъ [2]), привлеченія внутрь страны иностранныхъ торговцевъ [3]) и *регулированія торговли.* Послѣдняя мѣра выражалась въ опредѣленіи торговыхъ путей [4]), по которымъ должны были двигаться торговые караваны, и въ обозначеніи торговыхъ пунктовъ, гдѣ перевозимые черезъ страну товары обязательно должны были продаваться въ теченіи опредѣленнаго срока и лишь по истеченіи его передвигаться дальше [5]). Вся торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ [6]): нѣмцевъ, армянъ, евреевъ, молдованъ, татаръ и пр.

Туземное населеніе въ это время часть своихъ силъ, остававшихся болѣе или менѣе свободными отъ производства предметовъ

---

[1]) Такъ, въ видахъ безпрепятственнаго сообщенія по рѣкамъ, большія рѣки на Руси и въ Польшѣ, напрнм. Днѣстръ, Бугъ, Санъ, Вислокъ и т. д. исключались изъ частнаго владѣнія; на рѣкахъ, протекающихъ черезъ частныя земли, запрещалось, подъ угрозою потери всего имущества, частнымъ владѣльцамъ устраивать безъ разрѣшенія короля заставы и ставилось необходимымъ условіемъ оставленіе прохода для судевъ.—Szaran. «Rys» et caet., стр. 42.

[2]) Ibid., стр. 147.

[3]) Ibid., стр. 145—146.

[4]) Въ 1345 г. кор. Казиміръ опредѣлилъ, напр., дороги, которыми купцы изъ нѣмецкихъ городовъ могли-бы ѣздить безопасно и безпрепятственно въ Русь и въ Польшу, именно такая дорога шла черезъ Казиміръ и Люблинъ до Владиміра, черезъ Бресть до Судоміра, также обозначена дорога изъ Торуня въ Венгрію и обратно.—Шаран., стр. 197.

[5]) Со времени русскихъ князей дано было такое исключительное право на склады товаровъ: Львову, Луцку, Володиміру. Польскіе короли подтверждають эти привилегіи. Въ 1365 г. издана была привилегія, чтобы купцы, перевозящіе товары изъ Венгріи, не миновали Кросна, города на галицкомъ Подгорьѣ.

[6]) На сколько торговлей въ южной Руси овладѣли иностранцы, видно изъ того, что на Руси ходила монета польская, русская, чешская и даже венгерская, какъ равнозначущія деньги. (Szaran. «Rys», стр. 108—109). Пошлина (мыто) собиралась: отъ нѣмецкаго веза—четыре гроша», отъ «армѣнскаго воза» шесть грошей.—Акты относящіеся къ исторіи южной Руси, т. I, стр. 30—32.

первой необходимости, должно было отдавать съ одной стороны на самоохраненіе отъ внѣшнихъ враговъ (татаръ, поляковъ, нѣмцевъ, молдаво-валаховъ и пр.), которые постоянно врывались во внутрь страны,—съ другой на борьбу (правда, пассивную, въ видѣ безпрестанныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто) съ высшими классами противъ ихъ стремленій къ экономическому, политическому и соціальному порабощенію низшихъ слоевъ. Производительность страны понизилась, даже сравнительно съ до-татарскимъ періодомъ, и внѣшняя *вывозная* торговля, которая преобладала въ лѣтописный періодъ, пришла въ упадокъ. Особенно это можно сказать о времени непосредственно слѣдующемъ за татарскимъ нашествіемъ; но чѣмъ дальше отъ начала періода, тѣмъ ростъ производительности страны увеличивается и предметами вывоза являются уже не только сырые продукты, какъ кожи, мѣха, воскъ, медъ, сало, масло, лѣсъ и т. п., но и предметы ремесленнаго производства: такъ изъ г. Львова вывозились косы, ножи, плуги, пояса, сукна, полотно[1]); изъ Кіева: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла, разныя металлическія издѣлія[2]) и пр. Производящимъ населеніемъ въ странѣ являлись какъ иностранцы, особенно нѣмцы[3]), такъ и южно-руссы; первые преобладали въ западной-польской половинѣ, вторые въ восточной-литовской.

Торговля транзитная, а равно и вывозная и внутренняя привлекала въ южную Русь многочисленныхъ иноземцевъ, которые, само собою разумѣется, скоплялись главнымъ образомъ въ тѣхъ городахъ, которые служили центромъ торговой дѣятельности. Такими городами можно назвать Львовъ, Кросно, Черновицы, Каменецъ-Подольскій, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Кіевъ и др. Въ этихъ городахъ существовали цѣлыя колоніи нѣмцевъ, армянъ, евреевъ и пр.

Такимъ образомъ, путемъ политическаго завладѣнія страной, путемъ торговой предпріимчивости и промышленной дѣятельности въ южной Руси въ литовско-польскій періодъ скопилось множество инородческихъ элементовъ; здѣсь проживали: татары, литовцы, поляки, молдаво-валахи, венгры, нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, турки, греки, цыгане, сарацины, чехи, западно и сѣверно-руссы.

---

[1]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 104.

[2]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., Кіевъ и пр., стр. 35—37.

[3]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 104—105.

Одни изъ этихъ инородцевъ явились въ край преимущественно по политическимъ тенденціямъ—это татары, литовцы и поляки; другихъ привлекла сюда торгово-промышленная дѣятельность, таковы: нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, греки, западно и сѣверно-руссы; въ поселеніи третьихъ можно отмѣтить тѣ и другіе мотивы, напр. у молдаво-валаховъ, венгровъ и турокъ. Распредѣленіе иноземнаго населенія по территоріи южной Руси было далеко неравномѣрно: польская половина болѣе обильна была иностранцами, чѣмъ литовская; города включали въ число своего населенія болѣе значительный % иноземцевъ, чѣмъ села: въ послѣднихъ находились главнымъ образомъ поселенія только нѣмцевъ и поляковъ и лишь въ незначительномъ числѣ другія народности. Наконецъ, отношеніе различныхъ инородцевъ къ туземцамъ было не одинаково: тогда какъ одни поддавались вліянію кореннаго населенія, ассимилировались съ нимъ, какъ сѣверно и западно-руссы, литовцы и отчасти татары,—другіе, напротивъ, подчиняли своему вліянію южно-руссовъ, какъ поляки и нѣмцы; третьи наконецъ нейтрализировались во взаимныхъ этнологическихъ воздѣйствіяхъ,—армяне, евреи. Но помимо такихъ, болѣе или менѣе однородныхъ особенностей, каждая народность имѣла свои индивидуальныя оригинальности—во времени вселенія въ край, въ самыхъ поселеніяхъ, въ этнологическихъ отношеніяхъ къ коренному населенію, что мы и укажемъ при разсмотрѣніи каждой народности отдѣльно.

Съ XIII ст. въ южной Россіи, какъ извѣстно, поселились *татаро-монголы*. Самое близкое къ истинѣ мнѣніе о происхожденіи татаро-монголовъ—мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ нихъ этнографическій конгломератъ, въ основу котораго легли монголы, какъ господствующая родовая орда, а массу составили разные подчиненные народы тюркскаго племени. Сами монголы принадлежатъ къ алтайской группѣ народовъ, представителей которой мы видимъ съ одной стороны въ финскомъ племени, съ другой—въ китайцахъ. Первоначальное мѣсто ихъ жительства было въ центральной монгольской возвышенности отъ южныхъ сибирскихъ горъ до границъ Китая. Въ извѣстномъ отношеніи монголы были народъ цивилизованный, именно съ замѣтнымъ отпечаткомъ китайской культуры. Въ XIII ст. движеніе монгольской орды, захватывавшее на пути изъ Азіи разныя народности, достигло предѣловъ южной Руси, гдѣ смѣналось и

поглотило половцевъ и остатки печенѣговъ [1]). Кромѣ воинственныхъ отрядовъ, которые (съ 1237 по 1243 г.) опустошали южную Русь, значительная масса татарскихъ кочевниковъ поселилась въ степяхъ по восточной и южной окраинамъ, въ теперешнихъ малорусскихъ губерніяхъ: херсонской екатеринославской, таврической, воронежской, Области войска донскаго, почти во всей харьковской, и отчасти курской, полтавской, черниговской, въ южныхъ частяхъ кіевской, подольской губерній и вѣроятно въ аккерманскомъ уѣздѣ бессарабской (въ Буджакѣ).

Послѣ такъ называемаго паденія Золотой Орды образовались между другими двѣ орды: ногайская и крымская. Первая возникла въ 1260 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра, вторая гораздо позже (между 1407 и 1411 гг.)—на правой [2]). Но ранѣе этого здѣсь существовало съ перваго времени нѣсколько отдѣльныхъ ордъ, подъ начальствомъ особыхъ темниковъ, которые наблюдали за покорностью завоеванныхъ странъ [3]). Такъ въ Понизьѣ образовался обширный улусъ, извѣстный съ XIV ст. подъ именемъ Подольскаго, темники котораго представляли собою верховную власть надъ южно-русской страной [4]). Отсюда-же, изъ степей, выходили конные отряды татаръ и опустошали изъ года въ годъ то ту, то другую часть южно-русской страны до конца разсматриваемаго періода. Власть татаръ, какъ извѣстно, опредѣлилась не одинаково для всей страны: такъ болоховскіе города, извѣстные подъ именемъ городовъ, «сидящихъ за татарами» или «людей татарскихъ» [5]), были въ непосредственномъ управленіи татаръ; прочія-же области управлялись черезъ посредство русскихъ князей, и ихъ зависимость реально выражалась въ посылкѣ военной помощи татарамъ [6]) и въ платѣ дани, называвшейся «татарщина» [7]) или «ордынщина». Всѣ эти внѣшнія условія связи татаръ-половцовъ съ южно-руссами сближали ихъ

[1]) Иловайскій, стр. 393.
[2]) Германовъ, см. выше.
[3]) Иловайскій, стр. 39[illegible]
[4]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 146—147
[5]) Ипатск. лѣтоп., стр. 555.
[6]) Ипатск. лѣт., стр. 578, 585, 588 и др.
[7]) Акты, относящіеся къ исторіи южной Руси, т. I, 1501 г., стр. 343.

взаимно: частые набѣги татарскихъ шаекъ, при которыхъ неизбѣжно было взятіе туземнаго населенія въ плѣнъ, перемѣщали часть населенія изъ внутреннихъ областей страны въ среду кочевниковъ, особенно послѣдняя участь постигала женщинъ и ремесленниковъ [1]), а собираніе дани обратно вызывало первыя поселенія татаръ внутри страны, среди южно-руссовъ; это были баскаки, которые проживали во всѣхъ областяхъ южной Руси, напр. въ Кіевѣ, въ Давыдъ-Городѣ минской губерніи [2]), въ подольскихъ городахъ и пр. Другой путь для сближенія и потомъ для поселенія татаръ среди южно-руссовъ были совмѣстныя войны: кромѣ указанныхъ уже случаевъ соединенія южно-русскихъ военныхъ силъ съ татарскими, по требованію послѣднихъ, было и обратное явленіе, что татары приглашались на помощь русскими и литовскими князьями [3]). Обычай приглашенія татаръ для временной помощи перешелъ рано въ содержаніе постоянной стражи изъ татаръ въ городахъ; такъ полки татарскіе служили на дворѣ Льва и въ столичномъ городѣ: «того князя яко прибочная стражь поселилася около замку» [4]). Аналогичное положеніе занимали частію и военно-плѣнные татары: такъ часть татаръ, плѣненныхъ Витовтомъ, образовала изъ себя военные отряды, которые исполняли опредѣленныя военныя обязанности [5]), почему начальники ихъ надѣлены были землями наравнѣ съ прочими земянами страны [6]), а въ XVI ст. они были уравнены въ

---

[1]) *Шараневичъ*, стр. 172, 326.—Рубруквисъ, посолъ франц. короля, и его товарищи (1255 г.) слышали, что татары «тѣхъ жителей, которые не въ состояніи болѣе давать золото и серебро, угоняли въ неволю со всѣми ихъ семействами и заставляли пасти свои стада. Татарскія кочевья наполнялись подобными толпами плѣнниковъ изъ разныхъ народовъ, по видимому болѣе всего русскими людьми».—Илов., стр. 402.

[2]) Арх. Анатолій, «Воспоминаніе о древнемъ православіи западной Руси», 1867 г., стр. 25.

[3]) Ипатск. лѣт., 1280 г., стр. 581. *Шараневичъ*, 1352 г., стр. 100, 119, 172.—*Chodeniecki*, «Historija stołecznego Królewstwa Galicyi i Lodomeryi miasta Lwowa. Lwów, 1865 г., стр. 43. Акты, относ. къ ист. южной Россіи, т. 2, 1533 г., стр. 327.

[4]) *Шараневичъ*, стр. 119.

[5]) Ibid., стр. 326.

[6]) Акты южной Россіи, т. II. № 113, стр. 142. т. V, № 3, стр. 360—363

правахъ со шляхетствомъ [1]); но другая часть изъ тѣхъ-же татаръ по мѣсту поселенія и по своимъ занятіямъ (извозъ, огородничество, красильство) [2]) по отношенію къ администраціи сравнялась съ городскими или сельскими жителями южной Россіи [3]). Поселялись татары внутри страны и по инымъ мотивамъ, напр. какъ непосредственные участники въ тогдашней южно-русской торговлѣ; этого типа татаръ мы находимъ въ Кіевѣ [4]), Львовѣ, Кременцѣ [5]) и другихъ городахъ, лежащихъ на пути транзита товаровъ изъ Азіи въ Европу. Районъ поселеній татаръ на территоріи южной Руси не опредѣлялся какими нибудь областями; ихъ можно было встрѣтить вездѣ: кромѣ указанныхъ уже выше мѣстъ, поселенія татаръ были въ землѣ берестейской [6]), на Волыни (въ Острогѣ), а также въ Подоліи [7]). Число внутри живущихъ татаръ въ литовско-польскій періодъ было довольно значительно: такъ однихъ потомковъ татаръ поселенныхъ Витовтомъ въ XVI в. было болѣе 10,000 семействъ. На значительность контингента татаръ указываютъ и неоднократныя упоминанія въ актовомъ матеріалѣ о проживавшихъ внутри литовскаго княжества татарахъ [8]) и между прочимъ актъ о воспрещеніи женщинамъ вступать въ сожитіе съ жидами, турками и татарами [9]), о томъ-же говоритъ и фактъ возмущенія кіевлянъ въ 1455 г. противъ проживающихъ въ городѣ татаръ [10]). Совмѣстная вѣковая жизнь татаръ съ южно-руссами вела, само собою разумѣется, къ ихъ взаимному вліянію, выразившемуся между прочимъ въ ассимиляціи первыхъ. Свидѣтелями послѣдняго явленія между прочимъ служатъ нѣкоторыя южно-русскія фамиліи, родоначальниками которыхъ были татары. Кромѣ фамилій Шаблов-

---

[1]) Акты южн. Россія, т. 1, стр. 178; Бершадскій, стр. 292, 293.

[2]) Бершадскій, стр. 392—3.

[3]) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.

[4]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

[5]) Шараневичъ, стр. 198, 385.

[6]) Ibid., стр. 288, Кукольникъ, стр. 44.

[7]) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.

[8]) Акты южн. Россія, т. I, стр. 142; т. III, стр. 125.

[9]) Ibid., т. III, стр. 20.

[10]) Шараневичъ, стр. 441.

скихъ [1]), Глинскихъ [2]), Кобизычей, Фыцовъ, о татарскомъ происхожденіи которыхъ мы уже говорили, можно указать еще обрусѣвшихъ татаръ среди городскаго и сельскаго сословій: напр. мѣщане г. Бреста—Щасные-Богушевичи [3]), Иванъ Татарчанинъ въ г. Пинскѣ [4]), Марко Татаринъ въ селѣ Бобровичахъ пинскаго повѣта [5]). Извѣстно также, что часть Витовтовыхъ татаръ приняла христіанство и слилась съ туземцами [6]). Сближеніе между южноруссами и татарами приняло послѣ вѣковаго сосѣдства и болѣе широкое вліяніе: оно коснулось и татарскаго населенія, кочевавшаго по южной границѣ страны, что рельефно замѣтно на такъ называемой «Подольской Ордѣ»: проживавши здѣсь до 1362 г., когда остатки ихъ удалились въ Крымъ, подольскіе татары зажили осѣдлою жизнью, стали заниматься земледѣліемъ, а главное—приняли славяно-русскій языкъ [7]). Нѣтъ основанія предполагать аналогичнаго вліянія на татаръ, кочевавшихъ на границахъ съ Кіевщиной, въ южныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ древней Сѣверской земли, гдѣ кочевыя орды были перемѣнныя, но въ извѣстномъ вліяніи осѣдлаго населенія нельзя отказать и здѣсь, тѣмъ болѣе, что татары ко 2-й половинѣ XV в. начали не только возвращаться къ пастушескому быту, но среди нихъ появились даже задатки гражданскихъ стремленій [8]). Дальнѣйшему сближенію южно-руссовъ съ татарами поставили препятствіе турки, которые, подчинивъ своей верховной власти южно-русскихъ татаръ, сдѣлали ихъ въ тоже время ревностными послѣдователями Магомета.

[1]) Акты, т. V, № 5, стр. 350—363.

[2]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 21—22.

[3]) Акты, изд. въ Вильнѣ, т. VI. стр. 272—3.

[4]) «Писцов. кн.», ч. 1, стр. 69.

[5]) Ibid., ч. 2, стр. 121.

[6]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 111.

[7]) Стрыйковскій, путешествуя спустя 200 лѣтъ послѣ удаленія татаръ изъ Подоліи по берегамъ Дуная, встрѣтилъ въ Добруджѣ и около Силистріи татарское осѣдлое и земледѣльческое населеніе, большинство котораго говорило еще на славянскомъ языкѣ. И вотъ между этими татарами сохранилось преданіе, которое объясняетъ причину своихъ бытовыхъ особенностей тѣмъ, что предки ихъ жили нѣкогда долго въ Подоліи. — Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества, стр. 144—149.

[8]) Житецкій П., стр. 286.

Далеко глубже и шире, чѣмъ у татаръ, произошло сближеніе съ южно-руссами *литовцевъ*. По выводамъ сравнительной филологіи изъ всѣхъ неславянскихъ народовъ Европы литовцы ближе всѣхъ стоятъ къ славянскому племени [1]): они принадлежатъ не только къ одной съ славянами индо-европейской семьѣ, но даже и къ одной вѣтви—«славяно-литовской». Первоначальная исторія жизни литовскаго племени темна еще болѣе, чѣмъ славянъ, и сравнительная филологія утверждаетъ только, что періодъ европейской жизни его никакъ не меньше, чѣмъ послѣднихъ, и что, по всей вѣроятности, и самое отдѣленіе славянъ отъ литовцевъ произошло уже на европейской территоріи. Съ давняго времени литовцы жили въ той-же приблизительно области [2]), что и въ историческое время, сосѣдя такимъ образомъ постоянно съ славяно-руссами, и хотя по скуднымъ свѣдѣніямъ византійцевъ-римлянъ за ними можно прослѣдить до временъ Геродота, но историческимъ народомъ они дѣлаются лишь съ X в., когда съ ними начинаютъ сталкиваться южно-русскіе славяне. Сначала литовцы выступаютъ въ страдательной роли, что мы уже и видѣли въ «лѣтописномъ періодѣ», но XIII—XIV в. роль ихъ измѣняется: ихъ власти подпадаютъ всѣ осѣдлые народы сѣверо-западной и южной Россіи. Около этого времени литовцы подраздѣлялись на 8 этнографическихъ группъ: эстовъ, ливовъ (летголовъ), жемгалу (semigalia), корсь (куроны), жмудь, литву, пруссовъ и ятвяговъ [3]). Для южной

---

[1]) Близость литовцевъ къ славянамъ обыкновенно представляется при пособіи слѣдующей таблицы:

Европ. отдѣлъ арійск. (индо-европ.) племен.	А) Первая половина, заселившая с.-в. Европы	1-я вѣтвь —	германцы.
		2-я в. —	славяне.
			литовцы.
	Б) Вторая половина, занявшая юго-з. Европы	1-я в. —	пелазги.
			кельты.
		2-я вѣтвь —	греки.

[2]) Напр. у Птоломея галинды и судены, эти два колѣна пруссовъ, помѣщены въ сосѣдствѣ съ венедами.

[3]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 5; Ипатск. лѣт., стр. 492, 503, 526, 531, 540, 544, 537—8, 549, 551—[illegible], 561, 574, 577, 579, 580, 590 и др.

Россіи имѣли значеніе главнымъ образомъ три вѣтви: жмудь, литва и ятвяги. Жмудь и литва обитали въ центрѣ поселеній литовскаго племени, именно первая на нижнемъ теченіи Нѣмана и на его притокахъ: Дубиссѣ и Невяжѣ и на поморіи, у его устья, а вторая на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокѣ Виліи [1]; поселенія-же ятвяговъ, примыкая къ южнымъ окраинамъ собственной Литвы, врѣзывались узкимъ клиномъ между славянскими племенами: мазовшанами и дреговичами, достигая до западнаго Буга, вверхъ по теченію этой рѣки, до сѣверныхъ предѣловъ волынскаго княжества [2]); именно они занимали пространство между двумя большими рѣками—на сѣверѣ Нѣманомъ, на югѣ Наревомъ, на с.-з. до верховьевъ Ленки и Нетты, на востокъ до верховья Нарева и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки [3]). Всѣ свѣдѣнія о литовцахъ показываютъ, что они находились въ періодѣ первобытнаго проживанія, подчиняясь въ своихъ бытовыхъ особенностяхъ исключительно вліянію природы: у нихъ не оказывается даже и зародыша государственности [4]), отмѣчаемаго, между прочимъ, возникновеніемъ городовъ. Какъ мы уже видѣли раньше, съ самаго начала объединенія русско-славянскихъ племенъ, южныя пограничныя поселенія литовцевъ начинаютъ посѣщаться русскимъ войскомъ; посѣщенія эти постепенно усиливаются, а вслѣдъ за войскомъ сюда стремится и русская колонизація изъ южно-русскихъ предѣловъ. Отъ столкновеній съ южно-руссами терпятъ прежде всего ятвяги: они уступаютъ часть своей территоріи побѣдителямъ, идутъ въ глубь страны въ область лѣсовъ и болотъ и, видимо, количественно уменьшаются. Съ конца XII ст. литовцы начинаютъ терпѣть давленіе и въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ новыхъ сосѣдей—нѣмцевъ, которые устремились сюда съ неудержимой энергіей религіозныхъ неофитовъ [5]) и къ концу XIII ст. успѣли подчинить себѣ съ одной стороны—пруссовъ, съ другой—латышей и жемга-

---

[1]) Антоновичъ, ib.

[2]) Антоновичъ, стр. 6.

[3]) «Этнографическій сборникъ», 1858 г., вып. III; «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

[4]) Антоновичъ, стр. 7—8.

[5]) Ibid., стр. 15.

ловъ [1]). Но центральныя племена—литва и жмудь, находившіяся внѣ района завоевательныхъ опустошеній славяно-руссовъ и нѣмцевъ, успѣли создать за это время вокругъ себя болѣе или менѣе прочный государственный строй [2]), благодаря которому, они не только даютъ отпоръ нѣмцамъ, но и начинаютъ нападать на южноруссовъ. Являясь сюда сначала въ качествѣ союзниковъ при междоусобныхъ войнахъ князей, они со второй половины XII ст. начинаютъ занимать то положеніе относительно южной Руси, какое на юго-востокѣ принадлежало половцамъ [3]). Нашествіе монголовъ послужило на пользу литовцамъ: сосѣди славяно-руссы заслонили собой ихъ отъ опустошенія монголовъ, которымъ препятствіе къ тому-же ставила еще и природа страны—лѣса и болота, а обезсиленные въ это время южно-руссы не могли уже ставить препятствій для движенія литовцевъ на югъ [4]). Такимъ путемъ литовцы выступили изъ понѣманскихъ земель и подчинили себѣ въ теченіи одного вѣка (1250—1350) всю сѣверо и юго-западную Русь, такъ что Литва въ это время простиралась отъ моря Балтійскаго до Чернаго, отъ Буга до Смоленска [5]). Основнымъ ядромъ литовскаго государства съ первой половины XIII ст. служила Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Гродномъ, Слонимомъ, Волковыйскомъ, т. е. земли кривичей, и къ нему уже съ XIV в. стали приставать разныя южно-русскія области, и около 1340 или 1341 г. вся южная Русь соединилась подъ властію литовскихъ князей [6]), со второй половины XIV ст. за Литвой укрѣплены: княжества туровское, брянское, черниговo-сѣверское, волынское, кіевское съ частью Подоліи [7]), а около XV в. границы раздвинулись до устьевъ Днѣпра

[1]) Ibid., стр. 17.

[2]) Дашкевичъ, стр. 113.

[3]) Ibid.

[4]) Плано-Карпини утверждаетъ, что на пути изъ Волыни въ Кіевъ (1245 г.) онъ находился въ постоянной опасности отъ литовцевъ, которые часто нападаютъ на русскую землю. Антоновичъ. стр. 25.

[5]) Первольфъ, стр. 17, «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ», Спб. 1865 г., стр. XXVI.

[6]) Смирновъ, «Споръ Литвы съ Польшей», стр. 21.

[7]) Антоновичъ, «Истор. Вел. кн. Лит.», стр. 7; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, стр. 29.

и Днѣстра [1]). Но въ обширномъ районѣ великаго княжества литовскаго собственно литовцы занимали земли только на верхнемъ Нѣманѣ [2]), именно оба берега нижней Виліи и нижняго Нѣмана до Юрбурга, а оттуда правый берегъ послѣдняго, иначе часть нынѣшней виленской, ковенской и сувалкской губерній [3]); въ подчиненной-же южной Руси изъ литовцевъ находились по городамъ литовскіе намѣстники (князья, воеводы, старосты) [4]) и литовскіе гарнизоны [5]), и вообще большая часть должностей въ русскихъ областяхъ была замѣщена природными литовцами [6]). Трудно на основаніи отрывочныхъ данныхъ установить фактъ колонизаціи южно-русской страны литовской народной массой; но по всѣмъ видимостямъ такая колонизація была, хотя и не въ широкихъ размѣрахъ; на это, между прочимъ, указываютъ такія названія поселеній, какъ Jadvigi, Прусье, Литовка, Прусаны, Старый Литвиновъ—въ Галиціи; Пруски, Литовцновъ кременецкаго уѣзда, Пруски въ острожскомъ, Жмудча въ ковельскомъ, Литва въ луцкомъ, Жмудь въ холмскомъ [7]) и пр.; и очень возможно, что значительная часть изъ нихъ была поселеніями плѣнныхъ литовцевъ, что нерѣдко было въ началѣ періода. Кромѣ плѣна, были и другіе пути переселенія въ южную Русь: такъ напр. Тройденъ во второй половинѣ XIII в., ограждая границы своихъ земель со стороны Волыни, по-

---

[1]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества, стр. 150.

[2]) Перкольфъ, стр. 17, Антоновичъ, 156.

[3]) Кукольникъ, стр. 25.

[4]) Такъ въ Кіевѣ ок. 1470 г. былъ первымъ кіевскимъ воеводою литвинъ католикъ Мартынъ Яневичъ Гаштольдъ (Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 25); Черниговомъ и Трубчевскомъ управлялъ при Ольгердѣ Дмитрій Ольгердовичъ старшій, другой Дмитрій Корибутъ Ольгердъ младшій получилъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ князя Стародуба сѣверскаго, упоминается племянникъ Ольгердъ Патрикій Нарамунтовичъ (Голубьевъ стр. 201). Около этого же времени вся Подоль перешла въ руки братьевъ Коріатовичей.

[5]) Въ XIV ст. Лобартъ, завоевавши часть Галиціи, «засадилъ въ литовскіе городы свои залоги» (Шараневичъ, стр. 425); логично предполагать, что когда Витовтъ послалъ Ивана Ольгимунтовича въ Кіевъ и далъ ему «держати Кіевъ» въ 1396 г., то вѣроятно при немъ была и литовская «залога», на которую онъ и опирался въ своемъ правленіи.

[6]) Документы при книгѣ Шараневича, LXXVI, стр. 283.

[7]) Дашкевичъ, стр. 89.

селилъ въ русскихъ пограничныхъ городахъ колонистовъ прусско-литовскаго племени [1]); въ пинскомъ староствѣ были литовскія поселенія: литва князя Чарторыйскаго [2]) это очевидно, были поселенцы на земянскомъ участкѣ, а г. Мозырь нѣкоторое время служилъ своего рода Сибирью литовскою, куда ссылали всѣхъ преступниковъ [3]). Но главный путь для колонизаціи южной Россіи литовцами было вселеніе въ край литовскаго дворянства. Распредѣляясь по странѣ неравномѣрно, какъ мы уже говорили выше, литовско-дворянская колонизація захватывала не только заселенные пункты, но она быстро подвигалась и въ области, опустошенныя татарами и вновь заселенныя южно-русскимъ населеніемъ [4]). При феодально-аристократическомъ строѣ литовскаго общества въ ту эпоху, пребываніе въ южной Россіи литовскихъ представителей въ видѣ князей, старостъ, а также поземельныхъ владѣльцевъ сопровождались поселеніемъ здѣсь значительнаго контингента литовскаго простонародья, въ видѣ двора, слугъ, земледѣльцевъ и т. п. Такъ съ поселеніемъ въ Подоліи братьевъ Коріатовичей сюда направились толпы колонистовъ изъ сѣверныхъ областей Литвы [5]), и весьма вѣроятно предположеніе, что литовское населеніе размѣстилось въ подольскихъ городахъ, которые были построены Коріатовичами, какъ Смотричъ, Бакота, Каменецъ [6]); аналогичное-же происхожденіе, можно думать, имѣли и тѣ литовцы, которые въ XVI в. оказываются въ кіевской землѣ [7]). Скудость указаній на поселенія литовцевъ среди южно-руссовъ объясняется еще тѣмъ, что они рано теряютъ свои рѣзкія національныя оригинальности и сливаются съ кореннымъ населеніемъ. Ранѣе другихъ исчезаютъ *ятвяги*, какъ ближайшіе сосѣди южно-руссовъ, съ которыми больше всего происходило враждебныхъ и дружескихъ столкновеній; именно ятвяги

---

[1]) Антоновичъ, «Исторія Великаго княжества Литовскаго», стр. 36; Ипатск. лѣт., стр. 577—579.

[2]) «Писцовая книга», т. 1, стр. X.

[3]) Анатолій арх., «Воспоминаніе», стр. 12.

[4]) Житецкій, стр. 285—286.

[5]) Ibid.

[6]) Смирновъ, стр. 41.

[7]) Акты, относящіеся къ западной Россіи т. II, 1507, № 30, стр. 34.

сходятъ со страницъ источниковъ уже въ 1282 г. [1]); они частію переселились въ глубь литовской страны, а частію расплылись въ средѣ новыхъ на Подлясьѣ польскихъ и южно-русскихъ колонистовъ. Та-же судьба постигла, только позже, и всѣ другіе литовскіе элементы, обитавшіе между южно-руссами. Долгія взаимныя военныя отношенія то враждебныя [2]), то союзныя [3]), торговыя сношенія [6]), и главнымъ образомъ вѣковая совмѣстная жизнь, вызвавшая семейныя связи [4]), и принятіе христіанства [5]) отъ русскихъ, сблизило литовцевъ и южно-руссовъ. Сближеніе это состояло въ культурномъ подчиненіи первыхъ послѣднимъ, что выразилось ярко въ принятіи литовцами русскаго языка, который вошелъ во всеобщее употребленіе отъ княжескаго дворца до хижины земледѣльца; русскій языкъ для литовцевъ сдѣлался языкомъ дипломатическимъ, судебнымъ, а главное семейнымъ [6]). Къ концу разсматриваемаго періода литовскій этнологическій элементъ теряетъ свое индивидуальное существованіе въ южной Россіи.

Совершенно иная судьба сложилась для *поляковъ*. Въ началѣ разсматриваемаго періода поляки обитаютъ какъ сосѣди внѣ внутренней жизни южной Россіи, потомъ получаютъ вліяніе въ западной половинѣ края, а къ концу періода расширяютъ свое значеніе до крайнихъ восточныхъ и южныхъ предѣловъ южной Руси. Самымъ сосѣднимъ мѣстомъ къ поселеніямъ поляковъ (ляховъ) было такъ

---

[1]) Исчезновеніе ятвяговъ въ періодъ выступленія на историческую сцену другихъ литовскихъ отраслей было главнымъ поводомъ къ появленію мнѣнія, что они народъ отличный отъ литовцевъ: такъ ихъ считали за отрасль сарматовъ, тождественную съ япсоматами (или яцыгами), которая забрела съ Дона въ Полѣсье до IV в. по Р. Х.— «Этнографическій сборникъ», т. II и «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

[2]) Напр., годы войнъ южно-руссовъ съ литовцами по Ипатск. лѣт., 1227, 1241, 1248, 1251, 1252, 1253, 1276, 12, 77 и др.

[3]) Ипатск. лѣт., 1249, 1252 и т. д.

[4]) «Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ», «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», 1862 г., стр. 181.

[5]) Извѣстно, напр., что 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями Литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за князей русскихъ. Ibid., августъ, стр. 25.

[6]) Ibid., стр. 181.

[7]) Ibid., стр. 128—188.

называемое Подлясье, что теперь сѣдлецкая губернія и часть гродненской, и эта область южно-руссовъ естественно раньше другихъ частей увидѣла польскую власть и польское населеніе, затѣмъ подчиняетя польской власти Галиція и позже другихъ (въ 1434 г.) Подолія. Послѣднія двѣ области южной Руси, принадлежа къ польскимъ владѣніямъ, входили въ составъ Малой Польши подъ именемъ трехъ воеводствъ: белзскаго, русскаго и подольскаго. Волынь въ теченіи всего періода переходила нѣсколько разъ отъ литовцевъ къ полякамъ и обратно, то по частямъ, то цѣликомъ, пока наконецъ не произошло въ концѣ періода окончательнаго политическо-административнаго сліянія Литвы съ Польшей, когда политическая власть Польши охватила и всѣ прочія части южной Руси. Политическое завладѣніе у поляковъ шло параллельно съ этнографическимъ воздѣйствіемъ. Дѣло въ томъ, что тогда Польша по интеллектуальному и политическому развитію стояла выше южно-русскихъ провинцій, ослабленныхъ духовно-историческими невзгодами; въ то-же время она была, сравнительно съ южно-русскими и литовскими областями, густо населена, и въ обществѣ польскомъ произошло уже то сословно-экономическое неравенство, которое выражается въ обѣдненіи массы населенія, и потому въ Польшѣ уже назрѣли соціально-экономическія потребности выселенія части своего населенія безъ ослабленія своего политическаго строя и этнографическаго единства. Но съ запада, сѣвера и даже съ сѣверо-востока Польшу окружало крѣпкое кольцо тевтонскихъ поселеній, могущественныхъ нравственною и политическою силою, и потому естественно, что у нея явилась политическая миссія въ подчиненіи себѣ ослабленныхъ предшествовавшими событіями южно-русскихъ, богатыхъ природными дарами областей, куда она могла постоянно и постепенно съ пользою для центральной страны сбывать часть своего населенія. И послѣднее дѣйствительно сразу хлынуло значительною волною въ южно-русскій край въ разнообразныхъ видахъ: сюда стремились польскіе дворяне (шляхта), сюда везли свои товары польскіе торговцы, или мѣщане, переселялись и бѣжали польскіе крестьяне, сюда-же направлялось и польское войско. Польское населеніе наполняло замки, переполняло города и примѣшивалось къ кореннымъ обитателямъ въ сельскихъ поселеніяхъ. Политическая, административная и даже экономическая сила переходила къ польскому населенію. Прежде всѣхъ, конечно,

являлось въ край польское войско: оно окружало польскихъ князей [1]) и позже польскихъ намѣстниковъ [2]) въ странѣ. Вслѣдъ за войскомъ является въ странѣ польское шляхетство: короли польскіе съ цѣлью обезпеченія границъ и увеличенія дохода короны отъ увеличенія населенія раздавали въ награду за военныя заслуги земли, и въ числѣ получавшихъ земельныя награды были, конечно, польскіе шляхтичи [3]). Сначала раздавались и цѣлые повѣты и отдѣльныя села на ленномъ правѣ [4]) (которые, впрочемъ, скоро переходили въ потомственное «дѣдичное» владѣніе), подъ условіемъ, чтобы лица, получившія лены, служили на войнѣ съ условленнымъ числомъ «лучниковъ», «копейниковъ» или «рыцарей конныхъ» [5]). При этомъ нерѣдко земли отбирались отъ прежнихъ русскихъ владѣльцевъ и раздавались полякамъ [6]). Другимъ побужденіемъ при раздачѣ земель была временная нужда королей въ деньгахъ, когда послѣдніе подъ

---

[1]) Въ 1327 г. Болеславъ Тройденовичъ, первый князь польскій въ Галиціи, окружилъ себя иноземнымъ войскомъ, въ составъ котораго входили главнымъ образомъ поляки; въ 1366 г. Казиміръ, «яко знамя своей верховной власти», по словамъ Шараневича, «оставилъ засаду *польскую* въ Владимірѣ, а подля где которыхъ жерелъ и въ Луцку» (Шараневичъ, 123); въ 1385 г. въ г. Дрогичинѣ была «залога» Мазовецкая. Ibid., 241.

[2]) Въ 1446 г. Теодоръ Бучацкій, староста подольскій, занялъ замки литовскіе на Подольѣ: Меджибожье и Хмѣльникъ и засадилъ ихъ *коронными полками.* Ibid., стр. 416.

[3]) *Szaran.* «Rys» стр. 45—47. Такъ Казиміръ «какому-то Пакославу и его потомкамъ въ мужской и женской линіи отдалъ городъ Решавъ съ цѣлымъ его повѣтомъ, какъ онъ былъ обозначенъ еще при русскихъ князьяхъ, со всѣми селами, «свободами», «ужитками» и пр.

[4]) На такомъ правѣ «rzeszowski obwód» вмѣстѣ съ городомъ отданъ былъ Якову Пакославу, дѣдичу изъ Стожискъ; самборскій повѣтъ Спитку изъ Мельштина, щебрешинскій повѣтъ братьямъ Горайскимъ, жидачевскія земли роду Ходоровскихъ, перемысльскій повѣтъ роду Быбельскихъ и проч.—Szaranewicz, «Rys», стр. 56—57.

[5]) Въ XV в. на Подольѣ осѣло много рыцарей польскаго происхожденія, «надѣлени добрами». Шараневичъ, 132, 347.

[6]) Шараневичъ, 367. Напримѣръ, при Ягеллѣ, по смерти волынскаго намѣстника Ѳедушка, по происхожденію русскаго князя, его русскія «дѣдичныя» области были раздѣлены и достались польскимъ войтамъ и «русская земля пріобрѣла нѣсколько крупныхъ, принадлежащихъ польской народности дѣдичей». Ibid., стр. 368.

залогъ за занятыя деньги отдавали цѣлые города [1]), въ которые и переселялись польскіе владѣльцы [2]).

Третій путь для вселенія въ страну шляхты представлялся въ полученіи разныхъ должностей, съ которыми связывалось также владѣніе землями, селами и разными доходами [3]). Помимо указанныхъ путей польское шляхетство по личнымъ экономическимъ побужденіямъ стремилось въ край южно-русскій, который манилъ ихъ своими природными богатствами [4]), особенно такіе благодатные уголки, какъ Подолье и Поднѣстровье, гдѣ польскіе шляхтичи стремились пріобрѣсть не одни должности, но и недвижимыя имѣнія. Въ числѣ средствъ для реализированія своихъ стремленій были браки поляковъ съ дочерьми коренныхъ владѣльцевъ или владѣтельныхъ шляхтичей [5]).

Въ XV в. въ предѣлахъ польской Руси обитало уже много фамилій польскихъ и частію ополяченныхъ туземцевъ [6]), изъ нихъ болѣе крупные были дворяне мало-польскіе, а мелко-помѣстные мазовецкіе; послѣдніе концентрируются на меньшихъ участкахъ, главнымъ образомъ въ белзскомъ воеводствѣ (въ древнихъ червен-

---

[1]) Такимъ образомъ, былъ отданъ во владѣніе Петру изъ Шамотулъ г. Яворовъ; замки Львова, Галича и Жидачева находились въ залоговомъ владѣніи до выкупа въ рукахъ Одровонжей, а Каменца-Под. въ рукахъ Бучацкихъ и т. д. Szaran. «Rys.», стр. 48.

[2]) Въ 1393 г. Ягайло за 20,000 грошей города Подоліи передалъ пану Спиткови, воеводѣ краковскому, который и переселился въ Подолье въ числѣ первыхъ польскихъ владѣльцевъ. Шараневичъ, стр. 286.

[3]) Въ 1390 г. Ягайло, взявши города Витольда—Городно, Бресть, Каменецъ полѣсскій и пр., поручилъ управленіе ими польскимъ шляхтичамъ; Брестъ отданъ былъ Гинцъ-Роговскому, Каменецъ Зиморату Москаржовскому (Шараневичъ, стр. 277). Тоже повторялось и въ Подоліи. Ibid., стр. 327.

[4]) Сммашкевичъ, стр. 12.

[5]) Такъ князья Рациборскіе изъ Силезіи сдѣлались владѣльцами Яворова, получивъ въ приданое за дочерью Винцента изъ Шамотулъ; такое-же происхожденіе владѣній въ краѣ Мышковскихъ и др. Szaran., «Rys», стр. 20, 21 и 22.

[6]) Напримѣръ фамиліи: Chodecz, Тарлы, Сѣнинскіе, Гербурты, Гадуанки, Ходоровскіе, Кердѣевичи, Лопатки, Гольшанскіе (Szaran. «Rys», 10—11), Одровонжи, Струси, Ланцкоронскіе, Гумѣцкіе, Кожуховскіе, Дыняковскіе, Замойскіе, Каменецкіе, Бучацкіе, Бржескіе, Язловецкіе, Лянцкоронскіе, Ходецкіе, Мелецкіе, Претвичи, Потоцкіе, Шафранцы, Фирлеи, Синявскіе, Олесницкіе и мн. др.—Симашкевичъ, стр. 12, 76, 111, 118.

скихъ городахъ); польское дворянство, особенно знатное, являлось въ край, по обыкновенію со своимъ дворомъ, нерѣдко весьма многочисленнымъ [1]).

Второй слой польскаго населенія, явившійся въ край въ этомъ періодѣ, представляли *польскіе горожане*. Города, какъ торгово-промышленные центры, въ то время представляли главныя доходныя статьи государства и потому они обратили на себя преимущественное вниманіе польскихъ властей: старые города расширялись, населялись новымъ, болѣе активнымъ населеніемъ, многія села обращались въ города, основывались также и новые города, и всѣ они надѣлялись льготами и правами; добиваясь роста городовъ и городскаго населенія, польская власть предоставляла непосредственныя заботы, подъ условіемъ разныхъ льготъ (магдеб. права) и экономическихъ выгодъ, своимъ намѣстникамъ, частнымъ владѣльцамъ, монастырямъ и пр. Естественно, что быстро ростущіе города колонизировались новымъ пришлымъ населеніемъ, среди котораго численное превосходство принадлежало полякамъ. Кромѣ городовъ Львова, Галича, Каменца, въ которомъ польское населеніе было несомнѣнно, его нужно предполагать и во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые въ разсматриваемый періодъ получили магдебургское право или вновь основались [2]).

Польское населеніе жило въ самыхъ городахъ, а также селилось вокругъ городовъ—въ предмѣстьяхъ, потому что вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ города надѣлялись разными угодьями: лѣсами, полями, водами и пр., и войты поселяли на дарованныхъ пустошахъ колонистовъ, по большей части прибывшихъ изъ Польши [3]).

---

[1]) Напримѣръ, *Спитко* сопровождалъ на Подолье великолѣпный дворъ; при немъ состояли дворяне: маршалокъ Бернаръ, Прокопъ писарь (notarius), Преславъ скарбникъ (Thesaurarius), Николай чашникъ (pincerna) и много иныхъ пановъ польскихъ на его дворѣ, помимо многочисленной польской прислуги. Шараневичъ, стр. 287; Сиашкевичъ, стр. 17.

[2]) Это города: Жидачевъ, Новый Самборъ, Дрогобичъ, Красно, Стрый, Святынь, Червоногродокъ, Холмъ, Бужескъ, Теребовль, Белзъ, Кузаковъ, Дунаевъ, Глиняны, Краснополье, Радымно, Дубецко, Тирова, Грубѣшовъ, Красноставъ, Соколь (Шараневичъ, стр. 352, 383—384), Смотричъ, Брацлавъ (Сиашкевичъ, стр. 36, 77) и т. д.

[3]) Шараневичъ, стр. 385.

Въ городахъ-же поселялись и польскіе торговцы, хотя они въ числѣ и въ богатствѣ уступали другимъ иноземцамъ, какъ нѣмцы и армяне.

Существовало въ предѣлахъ южной Руси и польское *сельское населеніе*. Дѣло въ томъ, что съ присоединеніемъ къ Польшѣ обширныхъ и богатѣйшихъ земель южно-русскихъ и съ переходомъ большинства этихъ земель въ частное владѣніе, потребовалось и большее количество рабочихъ рукъ для ихъ эксплуатаціи, между тѣмъ этой потребности не могли удовлетворить коренные обитатели—южноруссы, такъ какъ южно-русская страна была менѣе густо населена, чѣмъ Польша, къ тому-же населеніе постоянно рѣдѣло вслѣдствіе войнъ и татарскихъ набѣговъ, и потому естественно, что въ южную Русь явился запросъ на иноземныя рабочія силы и этимъ открылся доступъ для польскихъ крестьянъ: «сюда тянуло польское крестьянство, привлекаемое обѣщаніемъ широкихъ льготъ, свободы и такъ называемой *воли*» [1]).

Не удивительно поэтому, что во второй половинѣ XV в., когда рабочее населеніе съ распростертыми объятіями принималось землевладѣльцами въ южно-русскихъ предѣлахъ, польскіе крестьяне охотно бросали свои старыя мѣста и стремились въ южную Русь искать новыхъ поселеній и свободы. Эмиграція эта принимаетъ такіе широкіе размѣры, что въ «Велико-Польшѣ» пустѣли цѣлыя села: «оставался только помѣщикъ и халупникъ, кмети шли на Подолье и Украину. Даже солтысы, корчмари, млынари, крестьяне-собственники брели искать счастья на южныхъ земляхъ Руси» [2]). Особенно богато было польскимъ сельскимъ населеніемъ Подлясье, которое врѣзывалось въ среду польскихъ поселеній и естественно постоянно и ранѣе другихъ областей (съ первой половины XIV ст.) населялось польскими крестьянами [3]); были также

[1]) Przyborowskiego, «Włościanie u nas i gdzie indziej. Szkice historyczne, 1881 г. Wilno. стр. 94.

[2]) Ibid.

[3]) Жители польскихъ областей, говоритъ г. Шараневичъ, а именно люблинской и судомірской... ужитковали отъ тогды (съ первой половины XIV ст.) глубокимъ супокоемъ. Выкореняючи лѣсы, посѣлялись тутъ, трудилися земледѣліемъ и привели тіи околицы въ цвѣтучее состояніе. Такъ поляки обôчь руссинôвъ

польскіе крестьяне и въ галицкой области и въ Подоліи [1]), и даже внѣ польскихъ владѣній въ Литвѣ, на Волыни и Украинѣ [2]). Въ литовской половинѣ южной Руси находимъ мы значительное количество поляковъ и въ числѣ горожанъ, особенно на Волыни. Какъ въ городахъ польско-русскихъ провинцій поляки имѣли отдѣльно отъ южно-руссовъ и другихъ народностей своего особаго бургомистра и радцевъ, такъ было и въ нѣкоторыхъ городахъ Волыни, напримѣръ въ Брестѣ [3]), въ Луцкѣ [4]); были поляки также въ Кременцѣ [5]), Ровно [6]), въ Кіевѣ, хотя въ послѣднемъ городѣ, кажется, одни польскіе купцы [7]). Поселенію какъ польскихъ крестьянъ, такъ и польскихъ ремесленниковъ и купцовъ въ литовской половинѣ южной Руси едва-ли встрѣчались какія-нибудь формальныя препятствія. Нѣсколько иныя обстоятельства сопровождали здѣсь поселеніе дворянскаго класса—шляхты. Проникать въ предѣлы Литовскаго Княжества польско-шляхетскій элементъ началъ главнымъ образомъ со времени политическаго соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ при Ягайлѣ. Сюда явилось польско-католическое духовенство во вновь учрежденныя «парахвіи», тогда-же поляки начали получать должности и велико-княжескіе уряды [8]), хотя еще и при Витовтѣ въ литовскую Русь переселялись поляки съ разными привиллегіями [9]). Но какъ польское духовенство, такъ и польскіе дворяне являлись въ край со своими политико-религіозными и соціальными

вникали чѣмъ разъ глубше въ стороны Падбужанскъ». Шараневичъ, стр. 138; П. Житецкій, стр. 274—275, Антоновичъ «Исторія Великаго Княжества Литовскаго», стр. 110.

[1]) Przyborowski, стр. 94, П. Житецкій, стр. 278, Szaran. «Rys», стр. 55—59.

[2]) Ibid.

[3]) Акты, изданныя виленской коммиссіей, т. VI, стр. 26—27, 47—48.

[4]) Многіе судебные акты изъ этого города начинаются словами: «жаловалися намъ войтъ мѣста Луцкаго и вси мѣщане—ляхове и «русь».—Акты, относящіеся къ Западной Россіи, т. I, стр. 110.

[5]) Шараневичъ, стр. 395.

[6]) Szaran., стр. 600.

[7]) Антоновичъ, Ист. Вел. кн. Лит., стр. 37.

[8]) Шараневичъ, стр. 271, 348.

[9]) Бобровскій, Часть 1-я. «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края, стр. XLVIII.

традиціями, которыя противорѣчили порядкамъ южной Руси, а потому скоро явился протестъ противъ этого класса поляковъ, слѣды котораго отчетливо видны въ ограниченіи поземельныхъ польскихъ владѣній и административныхъ должностей. При самомъ заключеніи политической уніи въ 1386 г. было, между прочимъ, условлено, чтобы житель Литовскаго Княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польшѣ, а поляки въ Литовскомъ Княжествѣ [1]); потомъ аналогичныя ограниченія съ литовской стороны постановлялись постоянно въ теченіи всего періода [2]) и даже занесены въ позднѣйшіе статуты послѣ люблинской уніи [3]). Но это нѣсколько только сдерживало поселенія въ южной Руси поляковъ: польское землевладѣніе въ краѣ могло утверждаться путемъ браковъ, а потомъ и въ тѣ промежутки, когда части литовско-русскихъ областей подпадали полякамъ, что случалось нерѣдко въ предѣлахъ Волыни; здѣсь прежде всего и больше всего появился польскій дворянско-землевладѣльческій классъ, отсюда уже польско-дворянская колонизація шла и далѣе на востокъ—въ области Кіевщины, лѣво-бережной Украины и пр. Интенсивность вообще польской колонизаціи въ странѣ въ общихъ чертахъ можетъ быть измѣрена расширеніемъ католицизма, увеличеніемъ католическихъ епархій и монастырей, такъ какъ католицизмъ шелъ въ странѣ рядомъ съ разселеніемъ поляковъ, и въ этомъ отношеніи мы находимъ довольно вѣрныя указанія. Напримѣръ въ Подоліи уже около 1375 г., по мнѣнію г. Симашкевича, была католическая епископія [4]), ибо въ это время достаточно увеличилось число католиковъ пере-

[1]) Ibid., стр. XL.

[2]) Въ 1457 г. Казиміръ подтвердилъ, что во всѣхъ земляхъ Литовскаго Княжества ни должностей и достоинствъ, ни имѣній не будутъ получать чужеземцы, а только природные жители здѣшнихъ областей—русинъ да литвинъ. Потомъ это подтверждено въ 1569 г.—Максимовичъ, т. I, стр. 153, въ 1507 г. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 34.

[3]) Въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г., раздѣлъ 3-й, въ артикулѣ 12 постановлено, чтобы не раздавать достоинствъ, имѣній и староствъ чужеземцамъ, заграничникамъ и сосѣдямъ великихъ князей литовскихъ, но все это давать «только Литвѣ, Руси, Жмуди, родичамъ старожитнымъ».—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ города Вильна, Трокъ и пр., стр. XVIII—XIX.

[4]) Симашкевичъ, стр. 20.

селившимися сюда польскими семействами, и было уже тогда въ подольской епископіи «три парахвіи»: въ Каменцѣ, Смотричѣ и Червоногродѣ [1]); въ 1450 г. возникла парахвія въ м. Зиньковѣ летичевскаго повѣта, на самомъ сѣверо-восточномъ концѣ Подоліи [2]); около половины XVI в. въ Подоліи уже было восемь католическихъ парафій [3]) и самый отдаленный брацлавскій повѣтъ имѣлъ католическій костелъ: католицизмъ и его епископіи въ тоже время показываютъ, что польское населеніе было и въ тѣхъ областяхъ, которыя не подчинились еще непосредственно польской коронѣ, именно за предѣлами Галиціи и Подоліи: такъ мы знаемъ, что въ XVI в., кромѣ львовской, галицкой и каменецкой епископіи, были еще луцкая, перемышльская, холмская и кіевская [4]).

Такимъ образомъ, въ литово-польскій періодъ поляки несомнѣнно жили на всей обитаемой тогда южно-руссами территоріи, но только не въ одинаковомъ количествѣ: % поляковъ чувствительно понижался съ запада на востокъ.

Аналогичное, въ смыслѣ сохраненія своей національной оригинальности съ поляками, положеніе заняли въ литовско-польскій періодъ *нѣмцы*. Съ концомъ XII и началомъ XIII ст. на сѣверо-западныхъ окраинахъ земли литовской поселились нѣмцы и немедленно проявили завоевательную тенденцію подъ видомъ религіозной пропаганды католицизма. Но эти религіозные нѣмецкіе рыцари-воины по профессіи, имѣя связь и поддержку себѣ во всемъ католическомъ мірѣ и живя у прибрежьевъ Балтійскаго моря, естественно оказались хозяевами балтійской торговли. И потому понятно, что устремляясь въ страну язычниковъ литовцевъ съ оружіемъ въ рукахъ, они являлись въ христіанскія области сначала поляковъ, а потомъ литовцевъ и южно-руссовъ вмѣстѣ съ товарами и коммерческими счетами. Сношенія южно-русскихъ областей мирнаго торговаго характера съ нѣмецкимъ орденомъ завязываются очень рано, особенно съ городомъ Торунемъ, и эти связи идутъ параллельно съ сношеніями съ ганзейскими городами [5]). Этимъ путемъ

---

[1]) Ibid., стр. 36.

[2]) Ibid., стр. 63.

[3]) Ibid., стр. 93.

[4]) Ibid., стр. 25.

[5]) Шараневичъ, стр. 121, 149

прежде всего нѣмецкое населеніе переходило въ южную Русь, и можно думать, что приливъ нѣмцевъ торговцевъ былъ значителенъ, ибо помимо того, что южная Русь лежала на торговой дорогѣ отъ нѣмцевъ къ Черноморью и въ Татарію и представляла естественный рынокъ, здѣсь еще искусственно создавались условія для увеличенія этого вида населенія: и русскіе князья до татаръ и въ періодъ татарскій, и особенно польскіе короли, а частію и литовскіе великіе князья приглашали нѣмецкихъ торговцевъ въ южно-русскія владѣнія, обезпечивали имъ безопасность личную и имущественную, учреждали для нихъ разныя привилегіи [1]). Нѣмецкіе торговцы появились за этотъ періодъ во всѣхъ болѣе или менѣе участвующихъ въ торговлѣ южно-русскихъ городахъ, а въ нѣкоторыхъ, напр. во Львовѣ, совершенно монополизировали торговлю [2]). Тогда-же въ городахъ усилился и другой типъ нѣмцевъ ремесленниковъ. Началось поселеніе ихъ, какъ мы уже знаемъ, еще въ лѣтописный періодъ, теперь же оно, съ подчиненіемъ Галицкой Руси Польшѣ усилилось [3]), и скоро главная роль въ промышленности края стала принадлежать имъ [4]). Рядомъ съ торгово-промышленнымъ населеніемъ по южно-русскимъ городамъ жили еще нѣмцы въ видѣ войска. Какъ прежде въ войскахъ галицко-русскихъ князей, такъ еще больше въ войскахъ польскихъ королей всегда было много нѣмецкаго элемента [5])—это между прочимъ наемное войско, извѣстное

[1]) Ibid., стр. 135, 145—146, 219.

[2]) Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Съ 1496 году въ многихъ привилегіяхъ на магдебургское право южно-русскимъ (литовскимъ) городамъ говорится о новыхъ колонистахъ (advenae), очевидно нѣмцахъ, такъ какъ войтами такихъ городовъ, напр. Бѣльска, назначаются нѣмцы; они-же вмѣстѣ съ шведами оказываются откупщиками таможенныхъ пошлинъ, и въ руки нѣмцевъ поступаютъ нѣкоторые изъ конфискованныхъ домовъ и дворовъ еврейскихъ. Бершадскій стр. 400.

[3]) Вызывали ремесленниковъ нѣмецкихъ въ край какъ южно-русскіе князья, такъ и польскіе короли.—Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Chodeniecki, стр. 45.

[4]) Szaran., «Rys», стр., 104—106.

[5]) Такъ въ войскѣ перваго князя польскаго Болеслава Тройденовича было много нѣмцевъ, которыхъ мы находимъ подъ двумя именами «Нѣмцевъ» и «Слезанцевъ» (Шараневичъ, стр. 158). Въ 1497 г. въ войскѣ короля Яна, когда онъ ходилъ на молдаванъ, находились пруссаки.—Szaran., стр. 66.

подъ именемъ жолнеровъ. Оставляя въ завоеванныхъ на Руси городахъ свои гарнизоны, короли польскіе часто поселяли тамъ именно *нѣмецкое войско*[1]). Большинство изъ нѣмецкаго гарнизона, по минованіи надобности въ немъ, удалялось, но нѣкоторая часть оставалась здѣсь навсегда. Такъ существуетъ мнѣніе, что «нѣмцы во Львовѣ суть потомками королевскихъ жолдаковъ, которымъ будто-бы король по первомъ уже завоеваніи Львова повѣрилъ стражу городскую»[2]). Указаннаго типа нѣмецкое населеніе проживало во всѣхъ городахъ западной половины южной Руси, а также въ значительной части восточной, напр. въ г. Бѣльскѣ[3]), Луцкѣ[4]), Кременцѣ[5]), Ровно[6]) и пр. Не находимъ въ этотъ періодъ нѣмцевъ только въ поднѣпровскихъ городахъ, хотя направленіе торговли заставляетъ предполагать ихъ и въ такихъ торговыхъ центрахъ, какъ Кіевъ. Нѣмцы-горожане, кромѣ отправленія военныхъ обязанностей и помимо занятій торговлею и ремеслами, занимались еще земледѣліемъ, такъ какъ города, надѣленные правомъ магдебургскимъ, всегда владѣли внѣ городскихъ поселеній «ленами», «пустошами», лѣсами и пр. Сверхъ того нѣмцы, въ качествѣ частныхъ лицъ, рано начали пріобрѣтать земельную собственность, и во второй половинѣ XV в. въ земляхъ русскихъ было уже много внѣ городскихъ поселеній осѣдлыхъ нѣмцевъ, которые покупкою или черезъ закладъ владѣли земельными имуществами[7]); въ восточ-

---

[1]) Въ 1340 г. Казиміръ въ русскихъ городахъ (Перемышлѣ, Любачевѣ, Туставѣ, Галичѣ, Теребовлѣ и Львовѣ) «оставилъ для обезпеченія новаго порядка *нѣмецку зисаду*»; во время Владислава Опольскаго «залога, зложена съ Силезановъ, всажена была по головныхъ городахъ русскихъ» (Szaran., стр. 158, 252). Въ 1342 г. Казиміръ Великій «zaprowadził do Lwowa osadę niemców, którzy woyskowo pod chorągwiami iego służyli» (Chodeniecky, стр. 38); по Зиморовичу нѣмецкое войско, въ это время поселенное, равнялось 1200 лицамъ мужскаго пола.—Шараневичъ, стр. 152.

[2]) Ibid., стр. 199. Казиміръ многихъ нѣмцевъ изъ львовскаго войска... «jako wysłużonych żołnierzy na żyzne pola zaprowadził.—Chodeniecky, стр. 42, 70.

[3]) Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

[4]) Шараневичъ, стр. 340.

[5]) Ibid., стр. 345.

[6]) Szaranewicz, «Rys», стр. 100.

[7]) Ibid., стр. 38. Напримѣръ, въ Ходоровѣ есть ланъ нѣмца Kotha въ «Kąkolnikach», упоминается «słodownia» нѣмца Альберта; также были нѣмцы въ

ной Галиціи въ разныхъ краяхъ поселились нѣмцы, рядомъ съ шляхтою, на мелкихъ грунтахъ (ланахъ) и нѣмцамъ-же тогда отдавали нерѣдко въ аренду опустѣвшіе дворы давнихъ бояръ русскихъ, превративши ихъ въ фольварки [1]). Скоро въ польской Руси нѣмцы появляются и въ числѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ [2]). Но важнѣе всего, что въ литовско-польскій періодъ положено было начало той *сельской* нѣмецкой колонизаціи, которая въ южной Россіи практиковалась особенно въ XVIII в. и которая была главнымъ путемъ для нѣмецкой здѣсь колонизаціи. Желая увеличить народонаселеніе, заселить пустопорожнія и оставленныя (благодаря набѣгамъ татаръ, литвы и молдаво-валаховъ) жителями земли и развить государственное богатство, короли, равно какъ и монастыри и богатая шляхта старались привлечь въ польскія владѣнія иностранцевъ колонистовъ, издавая въ то-же время для нихъ совершенно-отдѣльное льготное положеніе. Нѣмецкіе крестьяне и мѣщане, страдавшіе въ западной Европѣ подъ феодальнымъ гнетомъ, цѣлыми массами устремлялись въ сосѣднія богато-одаренныя природою земли. Главнымъ образомъ переселялись въ южную Русь нѣмцы изъ Силезіи или изъ земель Нѣмецкаго Ордена [3]). Особенно богато было переселенцами время Казиміра Великаго. Заселеніе шло въ двухъ видахъ: или выдавалась частному лицу привилегія на заселеніе села или на устройство замка [4]), или колонисты приглашались непосредственно къ поселенію на томъ или другомъ

селахъ около Галича—Ульрихъ изъ Ладухи, Дитрихъ Кромеровскій, былъ фольваркъ въ Жидачахъ Эрнеста изъ Срокъ и его-же пашня въ Ланахъ. Ibid., стр. 77,

[1]) Ibid., стр. 78.

[2]) Таковы были, напр., дѣдичи или тенетаріи—Николай Клайнъ изъ Бабчица, Штекертъ изъ Срокъ, Конрадъ изъ Вратиславицы, Гунтеръ изъ Букачевки, Тобіашъ Куната изъ Семенова, Мартинъ Майзель изъ Старой Бобрки, Эрнестъ изъ Ланки, Павелъ Шавраза, Гратъ и т. д. «Rys» Szaran., стр. 38.

[3]) Шараневичъ, стр. 199.

[4]) Напр. Казиміръ выдалъ въ 1336 г. привилегію нѣмцу Бертольду Шенвальдъ на основаніе села Родимо на 40 ланахъ. Аналогичное-же происхожденіе въ самборскомъ округѣ мѣстечка Фельштинъ, заложенное въ 1382 г., при королѣ венгро-польскомъ Людовикѣ фамиліей Гербуртовъ изъ Силезіи. Ibid., стр. 119, 234.

участкѣ [1]). Въ послѣднемъ случаѣ различались поселенцы на обрабатываемыхъ уже земляхъ («przaśnym gruncie»), или на земляхъ, которыя нужно было еще выкорчевывать: различіе заключалось въ числѣ льготныхъ годовъ отъ повинностей, которыя давались вообще на 8—20 лѣтъ [2]). Отдѣльныя нѣмецкія колоніи были разбросаны по всей области польской Руси, но особенное обиліе ихъ было на Подгорьѣ, на склонахъ и равнинахъ прикарпатскихъ. Сельская, нѣмецкая колонизація въ это время существовала въ южной Руси исключительно въ ея польской половинѣ; въ литовской-же части можно предполагать нѣмецкія колоніи развѣ по сѣверной границѣ [3]).

Конечно, въ то смутное время, когда страна страдала отъ нападеній и въ краѣ не хватало средства для обезпеченія мирной дѣятельности, страдало на ряду съ прочимъ населеніемъ и нѣмецкое [4]), почему иногда по частямъ и оставляло южно-русскіе предѣлы,—особенно это можно сказать о торговомъ классѣ; но скоро выгоды соціально-экономическія, а равно и разныя льготы и привилегіи съ избыткомъ пополняли убыль [5]). Кромѣ торговыхъ при-

[1]) Такъ Казиміръ призывалъ нѣмецкихъ колонистовъ нарочито, а тѣхъ, которые добровольно приходили, благосклонно принималъ, надѣлялъ ихъ «ланами» и «общарами» и заохочивалъ разными способами до корчеванья лѣсовъ, высушиванья болотъ и основанія новыхъ селъ или обновленію запустѣлыхъ. Шаран., ibid., стр. 199.

[2]) Szaran., «Rys», стр. 84.

[3]) Антоновичъ, «Исторія великаго княжества литовскаго», стр. 110.

[4]) Такъ въ 1376 г. войска литовскія, жмудскія и русскія соединились съ волынцами и подѣлившись на загоны, перешли Санъ, опустошили цѣлое Подгорье и въ длину и въ ширь, города и села, а прежде всего костелы были сожжены, мирные жители—туземцы и колонисты, которые въ великомъ числѣ поселились на Подгорья... были плѣнены. Шараневичъ, стр. 218.

[5]) Напр., въ 1343 г. Димитрій Детко, намѣстникъ русскихъ краевъ, даетъ знать о томъ купцамъ города Торуня, что страна успокоена и чтобы какъ прежде за русскихъ князей, такъ и теперь приходили въ русскія области и ничего не опасались. Ссылаясь на давнишнія права, данныя имъ нѣмецкимъ купцамъ еще предшественниками его русскими князьями, обезпечиваетъ Димитрій тѣмъ торунскимъ жителямъ, которые-бы захотѣли поселяться во Львовѣ съ обычною годовою платою, «дѣдитство» (hereditatem liberam) давнихъ за русскихъ князей пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтаемыхъ имуществъ, съ изъятіемъ однако тѣхъ потерь, которыя купцы нѣмецкихъ городовъ... во время внутреннихъ неурядицъ понесли, Шараневичъ, стр. 162.

виллегій, нѣмцы, поселяясь въ южно-русскихъ владѣніяхъ, распоряжались на основаніи своего нѣмецкаго права и дѣлались полными хозяевами земли. Такимъ образомъ нѣмецкое населеніе росло и пріобрѣтало силу въ странѣ, особенно-же въ большихъ городахъ, какъ во Львовѣ [1]) и Галичѣ, которые за это время совершенно онѣмечились [2]). Значеніе нѣмцевъ не ограничилось торгово-промышленною областью, гдѣ они были главными хозяевами, но коснулось и сферъ административно-юридической и религіозной. Изъ среды нѣмцевъ очень часто попадаются лица въ средѣ краевой администраціи [3]); юридическіе акты писались также на половину по нѣмецки [4]); даже проповѣди въ костелахъ шли на двухъ языкахъ—польскомъ и нѣмецкомъ [5]). Однако и господствовавшая въ польской Руси нѣмецкая стихія въ теченіи всего литовско-польскаго періода, къ концу періода начала уступать мѣсто польской, и эта уступка зависѣла не отъ одного численнаго возрастанія поляковъ, но и отъ этнографическаго подчиненія послѣдними нѣмцевъ; если въ началѣ періода, пока еще въ западной половинѣ южной Руси, были этнологически, политически и культурно сильны южно-русскіе элемен-

---

[1]) Во Львовѣ, по выраженію г. Шараневича, «нѣмецкія родины множились въ теченіи времени и надавали житію горожанъ львовскихъ черезъ многіи лѣта характеръ нѣмецкой стихіи» (Шараневичъ, стр. 199). Нѣмцамъ Львовъ обязанъ учрежденіемъ «ustanowień gminnych, składów handlowych i cechów rzemieślniczych» (Chodenecki, стр. 40).

[2]) Зиморовичъ, писатель XVIII в., дѣлитъ исторію Галича на 3 періода: русскій до 1340 г., *нѣмецкій* до 1548 и потомъ уже польскій до присоединенія къ Австріи.

[3]) Такъ въ XV в. судьею былъ Петръ Голомбекъ изъ Земноводы или Доброводы; послѣ него и судьи Яна земскимъ судьею былъ тоже нѣмецъ Гунтеръ изъ Сенявы, потомъ видимъ нѣмцевъ въ числѣ должностныхъ лицъ городскихъ во Львовѣ: Конрада Стеныхера, Бартоломея Гакеля, Петра и Матвѣя Голдаста, Мартына Вассердъ-Брода, Николая Чомберга, Станислава Кларреча и т. д. Szaran., «Rys», стр. 38, Chodenecki, стр. 27.

[4]) Chodenecki, стр. 83. Великій князь волынскій Дмитрій Любартовичъ пишетъ грамоту на нѣмецкомъ языкѣ.—Шараневичъ, стр. 152.

[5]) Ibid., стр. 83.

ты, можно замѣтить сближеніе нѣмецкое черезъ брачные союзы съ послѣдними [1]), то позже аналогичное сближеніе произошло съ поляками: совмѣстное жительство, аналогичность привилегированнаго положенія и идентичность религіозная (католичество) у нѣмцевъ съ поляками сближали эти двѣ народности, а политическія преимущества поляковъ давали имъ силу надъ нѣмцами и подчиняли ихъ: послѣдовали, какъ всегда, семейныя связи, а вслѣдъ затѣмъ принятіе нѣмцами польскихъ обычаевъ, одежды и пр. и численность нѣмцевъ черезъ это ассимилированіе съ поляками видимо уменьшилась [2]). Впрочемъ такое сліяніе можно отмѣтить лишь въ городахъ, можно его еще предполагать въ земледѣльческомъ классѣ, но въ сельской массѣ нѣмцы стояли изолированно по своимъ бытовымъ оригинальностямъ.

По соціальному положенію въ южной Руси къ нѣмцамъ близко стояли *армяне*. Хотя послѣдніе могли являться, какъ отдѣльныя лица въ краѣ рано, уже въ XI в., когда они были между сосѣдними румынами [3]); но собственно переселеніе армянъ въ южную Русь началось въ концѣ XIII в., когда, по завоеваніи Арменіи татарами, значительная часть ихъ перешла въ Старый Крымъ (Эски-Крымъ) и оттуда въ Червонную Русь [4]); сюда-же они проникли черезъ Константинополь и Молдаво-Валахію. Переселеніе шло постоянно и незамѣтно, но были и переселенія большими группами: такъ значительныя переселенія армянъ въ южную Русь можно предполагать около 1342 и 1418 гг., и хотя есть мнѣніе, что въ первое время они могли поселиться отдѣльными самостоятельными поселеніями, какими напр. въ Подоліи могли быть деревни «Ормяне» и «Ормянки», лежащія недалеко отъ г. Каменца [5]); но вѣроятнѣе всего, что армяне непосредственно прежде всего появились

---

[1]) Шараневичъ, стр. 39.

[2]) Ibid., стр. 83.

[3]) Палаузовъ, «Румынскія государства—Валахія и Молдавія». Спб. 1859 г. стр. 20.

[4]) Смирновъ. «Исторія Галицкаго», стр. III.

[5]) Палаузовъ, Румын. госуд., стр. 20.

[6]) Смашкевичъ, «Римское католичество и его іерархія въ Подоліи». Кам. Под. 1872 г. стр., 227.

въ городахъ, куда тянуло ихъ преобладающее занятіе—торговля. Въ литовско-польскій періодъ армяне находились въ Галиціи въ гг. Львовѣ[1]), въ Галичѣ, Язловцѣ и въ Снятынѣ[2]); на Волыни въ Кременцѣ, Луцкѣ, Ровно и пр. [3]); въ Подоліи въ Каменцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ[4]); въ Кіевщинѣ—именно въ Кіевѣ[5]). Въ городахъ армянскія поселенія тогда составляли отдѣльныя колоніи или кварталы, напр. во Львовѣ[6]), но часто они жили вмѣстѣ съ южно-руссами. Судя по количеству церквей, число армянъ было значительно; такъ армянскія церкви въ предѣлахъ только Подоліи были въ Каменцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ[7]); съ 1363 г. армяне имѣли своего епископа, который жилъ во Львовѣ[8]). Благодаря особенному характеру того времени, когда постоянная борьба дѣлала почти всѣхъ обитателей воинами, часть и армянъ находилась въ войскахъ русскихъ князей и позже—польскихъ королей[9]); но преобладающее и даже исключительное ихъ занятіе была торговля внутри русскихъ городовъ и съ разными странами: такъ черезъ нихъ происходила связь съ восточными землями[10]); имъ тоже можно приписать торговыя сношенія Россіи съ Крымомъ, а также съ Константинополемъ. Скоро армяне въ городахъ Галиціи и польскихъ провинціяхъ Волыни и Подоліи, а можетъ быть и въ Кіевщинѣ стали представлять большую и вліятельную часть торговаго населенія, скопили въ своихъ рукахъ большія богатства и пріобрѣли значительныя привилегіи, и на ряду съ нѣмцами явились владѣль-

---

1) Шараневичъ, стр. 138.

2) Ibid., стр. 198.

3) Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127; Шараневичъ, стр. 100, 340, 395.

4) Сиишкевичъ, Римск. католичество и пр., стр. 227.

5) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

6) Szaran. «Rys», стр. 41—32. По словамъ Ходевецкаго Львовъ раздѣлялся на три части, изъ которыхъ восточную занимали русскіе, южную жиды, а сѣверную татары и армяне. Chod., стр. 23.

7) Сиишкевичъ, ibid.

8) Шараневичъ, стр. 198.

9) Chodeniecki, стр. 26, 32.

10) Шараневичъ, стр. 145.

цами земельныхъ угодій и селъ[1]); съ тѣмъ вмѣстѣ они достигли довольно высокаго значенія въ краѣ[2]). Нѣтъ у насъ данныхъ, указывающихъ на этнографическое смѣшеніе армянъ съ *краевыми* народностями южной Россіи, но есть факты, наводящіе на мысль объ изолированномъ ихъ положеніи: кромѣ самостоятельной церковной іерархіи и отдѣльности поселеній въ нѣкоторыхъ городахъ, армяне имѣли въ большихъ городахъ свой отдѣльный судъ[3]) и составляли изъ себя отдѣльное высшее городское общество; такъ напр. во Львовѣ армяне самостоятельно принимали французскаго посла де-Лануа, давали для него балъ съ танцами и поднесли ему цѣнные подарки[4]).

Упадокъ общей жизни въ странѣ въ эпоху татарщины пропорціонально ослабилъ *еврейское населеніе*, и хотя нѣтъ данныхъ для утвержденія, что еврейское населеніе въ періодъ грозной татарщины исчезло совершенно на территоріи южной Руси, но несомнѣнно, что новое и болѣе обильное заселеніе евреями южной Руси произошло въ періодъ литовско-польскій и сопровождалось переходомъ этого края подъ власть Польши и что какъ густота населенія, такъ и значеніе здѣсь евреевъ было гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ. Въ составѣ еврейскаго населенія теперь различаются рельефно двѣ этнографическія группы: евреи-караимы и евреи-талмудисты, или раввинисты. Первые переселялись постепенно, отдѣльными единицами въ южную Русь, изъ Крыма въ XIII, XIV в.[5]), а въ 1363 г., послѣ похода Ольгерда въ Крымъ, караимы въ значительномъ числѣ семей вышли изъ Крыма, были гостепріимно приняты литовскими князьями и поселились сначала въ Трокахъ, а оттуда уже перешли въ волынскіе города, главнымъ образомъ въ Луцкъ[6]), откуда еще позже разселились на западъ—въ Галицію, и на востокъ—въ Приднѣпровье.

1) Szaran., «Rys», стр. 37. Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

2) Такъ армянинъ Иванко изъ Львова «dostępuje godności królewskiego powiernika». Szaran. «Rys», стр. 37.

3) Смирновъ, стр. III.

4) «Путешествіе де Лануа». «Вѣстникъ зап. Россіи» 1861 г., стр. 44.

5) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.

6) Шараневичъ, стр. 230.

Главное занятіе евреевъ-караимовъ была торговля, но ни своею численностью, ни своимъ вліяніемъ караимы не имѣли для страны того значенія, какое пріобрѣли евреи-талмудисты, переселившіеся въ страну изъ западной Европы, главнымъ образомъ изъ Германіи [1]). Съ начала и до конца періода шло переселеніе евреевъ, хотя и не съ равной силой; замѣтно, что оно увеличивается съ XIV в. во время усиленія и расширенія литовскаго государства на востокѣ и польскаго—на западѣ южной Руси. Особеннымъ покровительствомъ еврейской колонизаціи отмѣчены въ польскомъ королевствѣ Казиміръ Великій, а въ литовскомъ—Витовтъ и Ягелло [2]). Общее направленіе колонизаціи съ запада на востокъ: чѣмъ восточнѣе область южной Руси, тѣмъ позже появляются въ ней евреи, такъ что напр. во Владимірѣ-Галицкомъ евреи уже были въ 1288 г. [3]), тогда какъ въ Пинскѣ они появляются лишь въ началѣ XVI ст. [4]). Прежде всего евреи поселялись въ городахъ, особенно замѣтныхъ торгово-промышленной дѣятельностью, изъ нихъ потомъ переходили въ менѣе населенныя и богатыя поселенія, пока наконецъ не достигали и деревень. Въ XIV в. евреи были во многихъ городахъ галицкой Руси: во Львовѣ [5]), Володимірѣ [6]), Галичѣ и пр.; на Волыни въ Брестѣ, Луцкѣ [7]), Кобринѣ [8]) и пр.; въ XIV в. находимъ уже ихъ въ Подоліи: въ Каменцѣ [9]), Смотричѣ и пр., въ Кіевщинѣ, именно въ г. Кіевѣ [10]), а въ XVI в. и въ Пинскѣ, Клецкѣ и пр.; такъ что къ началу XVI в. можно указать еврейскія поселенія даже по лѣвую сторону Днѣпра, напр. въ Путивлѣ [11]). Что касается общей численности евреевъ, то сравнительно она была не велика: напр. въ г. Кобринѣ, принадлежавшемъ къ берестейскому воеводству, особенно обильномъ тогда евреями, послѣднихъ въ 1563 г. было

[1]) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.

[2]) Ibid.

[3]) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.

[4]) Бершадскій, стр. 347.

[5]) Шараневичъ, стр. 198.

[6]) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.

[7]) Бершадскій, стр. 200.

[8]) Акты, издаваемые виленской коммисіей, т. V, 1888 г., стр. 153, 157.

[9]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 37.

[10]) Бершадскій, стр. 261, 345, 408.

[11]) Ibid., стр, 254.

всего 30 семействъ, да за рѣкою Муховцомъ еще 4 семьи[1]); въ мѣстечкѣ Дубочинѣ 19 семей[2]), въ м. Городцѣ, въ 20 верстахъ отъ Кобрина, 3 семьи[3]); около того-же времени въ г. Пинскѣ мужчинъ евреевъ было всего 39 человѣкъ[4]). По разсчету г. Бершадскаго въ предѣлахъ литовскаго княжества во второй половинѣ XV в. было евреевъ всѣхъ половъ и возрастовъ отъ 10 до 12,000 человѣкъ[5]); немногимъ гуще еврейское населеніе было и въ южнорусскихъ провинціяхъ Польши. Какъ горожане, евреи несомнѣнно принимали участіе въ торговлѣ[6]), но видно, что въ то время сильная конкуренція нѣмцевъ, армянъ, венеціанъ и пр. инородцевъ не давала простора еврейству, и оно спеціализировало свою дѣятельность на *арендаторствѣ* или откупахъ и *ростовщичествѣ;* по крайней мѣрѣ актовой матеріалъ особенно оттѣняетъ въ еврействѣ эти занятія. Евреи были арендаторами *мельницъ*[7]), *таможенъ* («мыто») и *кабаковъ* («капщина»[8]), *«соляныхъ пошлинъ»*[9]), перевозовъ[10]) и т. п. доходныхъ статей. Еще многочисленнѣе указанія на ростовщическую дѣятельность евреевъ съ XIV по XVI в.[11]). Однако, одновременно мы видимъ евреевъ въ качествѣ владѣльцевъ поземельной собственности[12]) и даже болѣе—занимающихся земледѣліемъ[13]).

---

[1]) «Ревизія кобринской экономіи», стр. 14.

[2]) Ibid., стр. 136—145.

[3]) Ibid., стр. 261—263.

[4]) «Писцовая книга», стр. III.

[5]) Бершадскій, стр. 331—335.

[6]) Ibid., стр. 283, 408; Chodenecki, стр. 26.

[7]) «Археографическій Сборникъ» 1582 г., стр. 56; Акты, изданные виленской коммис., т. V, стр. 153; т. VI, стр. 33.

[8]) «Ревизія кобринской экономіи, стр. IV, 14, 135—145; Акты, изданные виленской коммис., т. VI, стр. 67; т. V, стр. 12—14, 153; Szaran., стр. 35—36.

) Акты, изданные виленской коммис., т. III, стр. 157, 114, 419.

[10]) Бершадскій, стр. 245—246, 402—404.

[11]) Въ статутѣ польскаго короля Казиміра III, данномъ въ Вислицѣ въ 1347 г., стр. 82, находится спеціальная статья о «Лихвѣ жидевской». Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I. Спб. № 2, стр. 18; тоже самое стр. 20, № 27; Бершадскій, стр. 238, 408—409.

[12]) Бершадскій, стр. 239, 404—406.

) Такъ въ 1563 г. изъ 130 уволокъ пахатной городской земли въ г. Кобринѣ «евреи обрабатываютъ 8 уволокъ». «Ревизія кобринской экономіи,

Землевладѣльцами евреи дѣлались или благодаря пожалованію за личныя услуги королю и князьямъ[1]), или по праву мѣщанъ[2]), или черезъ покупку[3]), но чаще земля дѣлалась ихъ собственностью за долги. Есть указанія, что евреи занимались и ремеслами[4]), хотя по мнѣнію г. Бершадскаго послѣднее занятіе можно найти главнымъ образомъ у литовскихъ евреевъ, такъ какъ польскіе евреи «пашни, ани ремесства жадного не робять, только торгують»[5]). Но въ общемъ евреи въ то время представляли *денежную аристократію* въ странѣ, изъ среды которой уже тогда выдѣлялись видные капиталисты; напр. во Львовѣ жидъ Шахно, Волчко, Нотко, жидъ и жидовка Іорданы[6]); въ Луцкѣ—Цѣханъ Левановичъ, Іенько Глухій; въ Брестѣ—братья Янковичи, Рабиновичи; въ Кіевѣ—Насакъ, Шимиичъ, Рижко и т. д.[7]). Скопленія металлическихъ богатствъ въ рукахъ евреевъ вызывали правительство, какъ польское, такъ и литовское, въ періоды финансовыхъ затрудненій облагать евреевъ денежными повинностями въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ прочее населеніе[8]). Съ другой стороны къ евреямъ нерѣдко при-

---

стр. IV. Около того же времени пинскіе жиды—Лейзаръ Марковичъ съ братьями имѣли свою землю въ селѣ Посвиничахъ, полученную ими отъ боярь... Воловичей *въ заловъ*. При новомъ измѣреніи земли ихъ были отобраны, и жиды получили наравнѣ съ остальными мѣщанами съ чиншевой платой уволоки. «Писцовая книга», т. I, стр. 103. Тоже самое повторилось и въ селѣ Качахъ.—Ibid., стр. 127; Бершадскій, стр. 239, 407.

[1]) Бершадскій, стр. 367, 404, 406.

[2]) «Писцовая книга», т. I, стр, 103.

[3]) Ibid., стр. 103, 127, 406.

[4]) Бершадскій, стр. 238, 409.

[5]) Ibid., стр. 407.

[6]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 351, 361.

[7]) Бершадскій, стр. 398.

[8]) Напр. въ 1456 г. и въ 1472 г. въ польской Руси, въ виду укрѣпленія крѣпостей, былъ сдѣланъ чрезвычайный сборъ по два гроша отъ каждой гривны стоимости объявленныхъ капиталовъ, а съ евреевъ по 4 гроша (Szaran. «Rys», стр. 36); или въ 1568 г. собрана была спеціальная денежная подать со всѣхъ «жидовъ», въ панствѣ Великаго Княжества Литовскаго мешкаючихъ... съ мужчинъ, женскаго пола и дѣтей». Собраніе грам. и актовъ городовъ Вильны, Трокъ и

бѣгали при денежныхъ затрудненіяхъ, какъ государственные сановники, такъ и князья и короли [1]). Послѣднее обстоятельство въ связи съ развивающеюся замкнутостью еврейской общины [2]) помогало къ созданію среди самого еврейства меньшинства аристократіи и рядовой бѣдноты [3]). Такая организація еврейства препятствуетъ уясненію соціально-политическаго положенія евреевъ въ южно-русскомъ обществѣ въ литовско-польскій періодъ: евреевъ въ этотъ періодъ то призывали и надѣляли особыми привилегіями, сравнительно съ кореннымъ населеніемъ [4]), то ограничивали въ мѣстахъ поселенія [5]), то поголовно изгоняли изъ страны [6]). Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ инородцевъ въ литовско-польскій періодъ евреи болѣе другихъ органически слились съ страной, хотя и не повсюду и не во все время они занимали одинаковое положеніе: многое въ ихъ соціальномъ положеніи зависѣло отъ общихъ сословныхъ распорядковъ, а равно и отъ мѣстныхъ (напр. городскихъ) привилегій. Съ начала періода, когда еще въ южной Руси не организовалось сословное распредѣленіе и когда сами евреи не выставили еще рѣзко своихъ этнографическихъ и соціальныхъ оригинальностей,—они, какъ и прочіе инородцы, являются въ краѣ людьми вольными, свободными подданными великокняжескими и подчиняются непосредственно князьямъ или королю и установленнымъ отъ него властямъ; но потомъ постепенно евреи по мѣсту жительства и по занятіямъ примыкаютъ къ мѣщанамъ, но въ личныхъ правахъ сравниваются со шляхтою [7]) и кромѣ того пользуются нѣкоторыми отдѣль-

вр., стр. 171, а въ 1577 г. объявлено о взносѣ евреями податей исключительно золотою монетою». Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. III, стр. 221.

[1]) Бершадскій, стр. 254, 261

[2]) Бершадскій, стр. 230, 264, 336—337, 343, 345—348, 383.

[3]) Ibid., стр. 396—401.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 2-й, стр. 221. Акты, изданные вил. ком., т. V, стр. 151.

[5]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 3-й, стр. 296.

[6]) Ibid., т. 2, стр. 30; Бершадскій, стр. 250—264.

[7]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 2, стр. 4; т. 1,

ными привилегіями, какъ подсудность евреевъ земскому праву [1]), отдѣльность налагаемыхъ повинностей [2]), автономность еврейскихъ общинъ и пр. Въ польскихъ провинціяхъ южной Руси положеніе евреевъ было менѣе благопріятно: тамъ существовало гордое шляхетство, которое дѣлило власть административно-политическую съ королемъ, а потому евреи, какъ сильные конкурренты по богатству, поддерживая королей, пользовались въ это время ненавистью шляхты, которая на своихъ сеймахъ выражала ее въ видѣ разныхъ, нерѣдко оскорбительныхъ ограниченій еврейскихъ правъ, напр. относительно костюма, украшеній и пр. Къ концу періода враждебность къ евреямъ замѣчается и въ литовской половинѣ [3]) не только въ высшемъ классѣ, но и въ мелкомъ мѣщанствѣ [4]), замѣтны даже слѣды и этнографическаго сближенія съ южно-русскимъ населеніемъ, выражавшагося въ перемѣнѣ іудейства на православіе и на католицизмъ. Случаевъ этого рода указывается значительное количество, но всѣ они относятся не къ рядовому еврейству, а къ богатой группѣ откупщиковъ [5]), которые получали черезъ это преимущества, сравнительно со своими единовѣрцами. Видно, что и здѣсь побуждали ассимилироваться привилегіи и матеріальныя выгоды; особенно это замѣтно въ періодъ изгнанія евреевъ изъ Литвы (1495—1503), когда въ южной Руси появилось множество откупщиковъ изъ *«новокрещеныхъ»* [6]). Такого типа евреи, конечно, сливались съ высшими классами южно-русскаго общества. Что касается еврейской массы, то вліяніе южно-руссовъ коснулось ея со стороны оффиціальнаго языка, который у евреевъ, по крайней мѣрѣ въ Литвѣ, былъ русскій [7]) и фамильныхъ прозвищъ; фамиліи Зубецъ, Рыбчикъ, Глухій, Момотливый, Кравчикъ, Самотыка, Рыжко,

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 221.

[2]) Акты, изд. вил. ком., т. V, стр. 137—138.

[3]) Бершадскій, стр. 415.

[4]) Ibid., стр. 416.

[5]) Ibid., стр. 254, 260; были впрочемъ переходы въ христіанство евреевъ и среди землевладѣльцевъ, но не крупныхъ. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 174.

[6]) Ibid., стр. 261.

[7]) Ibid., стр. 394—395.

Сирота, Козакъ и т. д. были весьма распространены между евреями и носятъ несомнѣнныя черты южно-русской народности.

Къ народамъ, посѣщавшимъ южную Русь и поселявшимся здѣсь по торговымъ мотивамъ, принадлежали *итальянцы*, именно генуэзцы и венеціанцы, до появленія турокъ въ Европѣ овладѣвшіе морскою торговлею на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Монголо-татары не поставили имъ преграды: они прежде другихъ завязали торговыя сношенія съ кочевыми властителями и проникли со своими товарами и съ художниками-мастерами въ глубь европейской Татаріи, въ столицу на Ахтубѣ, г. Сарай, гдѣ въ 40 — 50 годахъ находили, да и теперь еще находятъ монеты и разныя издѣлія итальянцевъ и гдѣ остатки построекъ носятъ несомнѣнные слѣды работы итальянскихъ ремесленниковъ. Но центральною областью торговой дѣятельности итальянцевъ оставалось по прежнему сѣверное побережье Азовскаго и Чернаго морей. Въ XIV ст., по договору (1313 г.) съ ханомъ Узбекомъ, венеціанцы утвердились окончательно въ г. Танѣ (гдѣ теперь Азовъ); но раньше ихъ на сѣверо-восточныя оконечности Азовскаго моря проникли генуэзцы, которые имѣли свои факторіи и поселенія, какъ по восточному берегу Азовскаго моря[1]) (Тамань), такъ и по всему сѣверному побережью Чернаго моря, главнымъ образомъ у устьевъ рѣкъ, а также на Крымскомъ полуостровѣ[2]). Указанные пункты постоянно были заняты колоніями итальянскими, которыя безпрестанно находились въ сообщеніи со своей метрополіею[3]). Торговый обмѣнъ итальянцы, конечно, вели и съ прибрежными татарами, но это не ставило имъ препятствія подниматься вверхъ по рѣкамъ и проникать въ глубь южной Руси. Скудные источники изъ интересующей насъ эпохи указываютъ на пребываніе генуэзцевъ и венеціанцевъ (или просто «Влаховъ») какъ въ восточной, такъ и въ западной половинѣ страны. Такъ въ Кіевѣ,

[1]) *Брунъ*, стр. 205—206, 213, 223.

[2]) «Путешествіе де-Лануа», «Вѣстникъ Западной Россіи», стр. 47.

[3]) На пребываніе итальянцевъ въ значительномъ числѣ на побережьяхъ Азовскаго и Чернаго морей указываетъ между прочимъ обиліе морскихъ картъ объ этихъ мѣстахъ, которыя находятся въ наше время въ итальянскихъ библіоте-

напр., генуэзцы имѣли на Подолѣ свой торговый дворъ[1]); такіе-же дворы находились и по всему Днѣстру—въ гг. Аккерманѣ, Бендерахъ, Сорокахъ, Хотинѣ[2]) и, конечно, въ Подоліи и Галиціи[3]); можно предполагать итальянцевъ и въ городахъ сѣверной Волыни, такъ какъ есть указанія, что они проживали въ центральныхъ областяхъ литовскаго княжества, напр. въ г. Вильнѣ[4]). Какъ видно по судебнымъ актамъ, итальянцы, по крайней мѣрѣ въ Галиціи, являются не только въ видѣ торговцевъ, но и какъ арендаторы соляныхъ копей русскихъ или заставъ, и даже хозяевами земельныхъ участковъ. Такъ Христофоръ Wlach de S-to Romulo арендовалъ заставу львовскую и русскія соляныя копи въ Дрогобичу; Nicolaj de Stradom арендовалъ заставу городскую, а Wlach Samys пріобрѣлъ «тенутное» село Лубны, которое прежде было отчиною фамиліи Ходечъ[5]) и т. д. Но приливъ населенія изъ Италіи въ южную Россію и самыя сношенія между этими странами прекратились съ завоеваніемъ турками Константинополя, а съ подчиненіемъ крымской орды турецкимъ султанамъ при Менгли-Гиреѣ положенъ былъ конецъ итальянскимъ поселеніямъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ: Менгли-Гирей съ помощью турокъ овладѣлъ всѣми итальянскими колоніями и постройками; укрѣпленія ихъ частію были разрушены, а частію заняты татарами[6]).

Молдаво-валахи съ XIII в.[7]) сосѣдятъ съ южно-руссами; они занимаютъ съ этого времени область отъ Днѣстра и далѣе на западъ до венгерскихъ поселеній и на югѣ отъ южныхъ предѣловъ галицкихъ южно-руссовъ до Чернаго моря. Эта территорія пережила всѣ перипетіи той этнографической сутолоки, какую мы очертили

кахъ: у Бруна такихъ картъ отмѣчено 8 въ промежуткѣ съ 1318—1497 г.; Брунъ, стр. 74—77).

[1]) *Антоновичъ*, «Кіевская Старина», стр. 37—42.

[2]) Ibid., 32.

[3]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 35.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи зап. Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

[5]) *Szaran*. «Rys» et caet., стр. 38—39.

[6]) *Антоновичъ*, «Исторія В. Кн. Лит., стр. 22.

[7]) Существуетъ однако мнѣніе, что «волохи» еще до татаръ обитали внутри страны между южно-руссами, что напримѣръ «Болоховскіе князья»

по отношенію къ южно-руссамъ въ доисторическій и лѣтописный періоды со своими, конечно, особенностями. Въ завоевательный періодъ Рима страна молдаво-валаховъ входила въ составъ римской имперіи подъ именемъ Дакіи, и сюда направлена была римская колонизація; позже здѣсь мы видимъ и готовъ, гунновъ, обровъ, болгаръ, венгровъ, а равно печенѣговъ и половцевъ,—въ лѣтописный періодъ въ Поднѣстровьѣ являются поселенія южныхъ славяно-руссовъ, которыя доходятъ до Чернаго моря; съ нашествія монголовъ и сюда проникаютъ татары, а вслѣдъ за тѣмъ во второй половинѣ XIII ст. поселяются и теперешніе обитатели—валахи и молдаване. Они вышли сюда изъ прикарпатскихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ валахи обитали гораздо ранѣе IX в.[1]) Валахи переселились изъ вакарашскаго удѣла Венгріи во время нашествія монголовъ на Венгрію[2]), а молдаване полустолѣтіемъ позже изъ марпароншскаго удѣла[3]) и заняли прилегающія къ южной Россіи пространства, такъ что въ непосредственномъ соприкосновеніи съ южно-руссами находились только поселенія молдаванъ. При отмѣченной нами выше смѣнѣ народностей, изъ которыхъ каждая оставляла послѣ себя несомнѣнно часть своего населенія и слѣды своей этнологической оригинальности, доживнихъ до нашей эпохи обитателей Молдаво-Валахіи нужно представлять не цѣльною въ генеалогическомъ отношеніи народностью, а этнографическимъ конгломератомъ, въ которомъ видное мѣсто занимало романское наслѣдіе, сохранившееся въ названіи румыновъ, общемъ для молдаванъ и валаховъ. Ошибочно было бы предполагать, что переселеніе двухъ народностей совершалось въ одинъ разъ: отмѣченные факты указываютъ вѣроятнѣе всего на переселеніе правящихъ классовъ и утвержденіе политико-административной власти молдаво-валаховъ въ по-днѣстровской области, гдѣ существовали уже румынскія поселенія. Роскошные луга должны всегда быть привлекательны для этого народа, который велъ въ то

были волошскаго происхожденія.— *А. С. Петрушевичъ.* «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія», Львовъ, 1882 г., стр. 50 и др.

[1]) Ibid., стр. 45—46.

[2]) Палаузовъ, стр. 22.

[3]) Ibid., стр. 63.

время скотоводо-пастушескую жизнь [1]) въ горахъ Трансильваніи и Мармороша, и совершенно естественно, что они спускались въ богатыя растительностью долины и расселялись здѣсь въ теченіи многихъ лѣтъ. Сначала «валахи» обитали между южно-руссами, пока, размножившись, не вытѣснили давнихъ господъ [2]), отбросивъ ихъ поселенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и не основали самостоятельнаго «государства» Молдавіи, которое въ первое время, имѣя своихъ отдѣльныхъ воеводъ, признавало верховную власть венгерскаго короля. Окрѣпши на новомъ мѣстѣ, валахо-молдавы, или сами, а не то и въ союзѣ съ татарами, дѣлали частые набѣги на сосѣднія южно-русскія поселенія [3]). Но это не мѣшало однако существованію мирныхъ отношеній между южно-руссами и молдаво-валахами, а съ тѣмъ вмѣстѣ прибыванію поселеній послѣднихъ въ южной Россіи. Между прочимъ молдаво-валаховъ мы находимъ въ войскѣ литово-русскихъ князей: такъ Коріятовичи, переходя въ Венгрію, оборону своихъ городовъ въ Подоліи оставили южно-руссамъ и «валахамъ» [4]), а въ 1432 г. литовское войско противъ поляковъ, предводительствуемое Ѳедоромъ Острожскимъ, состояло изъ южно-руссовъ, *«валаховъ»*, бессарабовъ и татаръ [5]). Въ 1422 г. изъ г. Каменца литовскаго въ числѣ провожатыхъ де-Лануа находились 2 татарина, 16 россіянъ и «валаховъ» [6]). Однако, гораздо большій приливъ волошскаго населенія въ страну происходилъ черезъ торговыя сношенія. Молдаво-Валахія съ XIV ст. была посред-

[1]) Шараневичъ, стр. 185.

[2]) Сознаніе о томъ, что «волохи» заняли территорію, прежде заселенную южно-русскими, видно, жило въ населеніи и перешло къ польской власти: такъ въ 1424 г. Ягайло, убѣждая Сигизмунда идти въ Молдавію и Бессарабію, говорить: «волохи вдерлися въ край и вытиснувши давнихъ и правовитыхъ жителей руссиновъ), поселились въ урожайной и плодоносной землѣ». Шараневичъ, стр. 341.

[3]) Въ 1436 г. Брацлавъ былъ взятъ молдаванами (Шараневичъ, стр. 392); въ 1448 г. молдаване и татары напали на подольскую землю (стр. 420), въ 1475 г. молдаване нападаютъ на южную Русь вмѣстѣ съ татарами и турками. Szaran. «Rys» et caet., стр. 45 и т. д., стр. 109; Смолькевичъ, стр. 369; Chodenecki, стр. 68, 78.

[4]) Шараневичъ, стр. 282.

[5]) Ibid., стр. 376.

[6]) Путешествіе де-Лануа, стр. 46.

ницею въ торговлѣ южной Россіи съ Чернымъ моремъ и Венгріей [1]), при чемъ въ передвиженіи товаровъ принимали участіе и валахо-молдаване, которые и проживали въ южной Руси по своимъ торговымъ дѣламъ. Такихъ торговцевъ изъ валаховъ мы находимъ во Львовѣ [2]), Кіевѣ [3]), въ Кременцѣ и въ другихъ городахъ [4]); здѣсь молдаво-валахскіе купцы поселялись надолго и выстраивали на городскихъ земляхъ свои дома [5]). Кромѣ того были поселенія въ южной Руси молдаво-валаховъ не торговцевъ: напримѣръ въ 1388 г., по грамотѣ польскаго короля Владислава-Ягелла Ольгердовича, г. Галичъ съ волостью былъ отданъ молдавскому воеводѣ Петру [6]) въ обезпеченіе денежнаго займа [7]); около 1456 г. молдавскій канцлеръ (logothet) Михаилъ съ братьями Давидомъ и Дюмой «z calą rodziną swą i z dworom» вышелъ изъ Молдавіи, а Казиміръ выдалъ ему привиллегію на поселеніе въ г. Каменцѣ или въ городахъ Коломыѣ и Дрогобичѣ на Покутьи, на пріобрѣтеніе собственности, веденіе торговли и пр. [7]). Вообще въ польскій періодъ молдавскіе дворяне (бояре) получали отъ правительства земельныя владѣнія въ южной Россіи, и поселенія ихъ въ ту пору можно предполагать на территоріи теперешней южной Руси въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи, въ Буковинѣ, Галиціи и отчасти въ юго-западной части подольской губерніи, хотя отдѣльные случаи поселенія ихъ видны и въ восточной части южной Руси, напримѣръ фамилія «Влахи» встрѣчается въ XVI ст. среди горожанъ пинскихъ [8]). Съ XIV ст. выходцы изъ Молдавіи и Валахіи стали селиться значительными

---

[1]) «Купцѣ спроваджали выробы нѣмецкихъ по-балтицкихъ городовъ на Русь и черезъ Русь въ Молдавію до Сучавы, а оттолѣ въ землю угорскую и татарскую и наоборотъ гандель съ Татаріей и съ угорскими краями шолъ такожъ черезъ Молдавію до Львова, а оттолѣ до нѣмецкихъ прибалтицкихъ городовъ». — Шараневичъ, стр. 322.

[2]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

[3]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 27—37.

[4]) Шараневичъ, стр. 395.

[5]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

[6]) Акты, относящіеся къ ист. западной Россіи, т. I, стр. 22.

[7]) Szaran. «Rys» et caet, стр. 45. Въ 1396 г. въ с. Ступницѣ около Самбора жилъ воевода молдавскій, ibid., стр. 58.

[8]) «Писцовая кн.», т. I.

поселеніями въ южной части галицкихъ Карпатъ, гдѣ они пользовались особымъ *волошскимъ правомъ.*

Кромѣ разсмотрѣнныхъ народностей другія націи имѣли незначительное количество своихъ представителей въ южной Россіи, и о нихъ сохранилось немного свѣдѣній. Къ такимъ народностямъ принадлежатъ: сарацины, венгры, турки, греки, сѣверо и западно-руссы, чехи, сербы, цыгане и остатки прежнихъ южно-русскихъ кочевниковъ, какъ половцы, «черкасы» и печенѣги. Поселенія последнихъ можно предполагать въ карпатскихъ горахъ, на Покутьѣ и въ Буковинѣ, именно тамъ, гдѣ теперь обитаютъ *гуцулы.* Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ мнѣніи, что гуцулы—потомки древнихъ *узовъ* или лѣтописныхъ торковъ [1]) въ смыслѣ этнографическаго слiянія ихъ съ давно обитавшими южными славяно-руссами. Если въ теперешнемъ названіи карпатскихъ горцевъ трудно узнать лѣтописныхъ узовъ (печенѣговъ), то слѣды поселенія другаго сроднаго съ ними народа—«черкасъ» (т. е. одного изъ прикавказскихъ полукочевыхъ народовъ) сохранились прежде всего, какъ въ названія южно-руссовъ, которыхъ москвичи именовали до конца XVIII в. «черкассами», такъ и въ г. Черкасахъ (кіевск. губ.), гдѣ по преданію при Витовтѣ были поселены плѣненные «пятигорскіе черкасы» [2]). Что касается *половцевъ*, то мы ихъ встрѣчаемъ въ началѣ этого періода въ средѣ войска южно-русскихъ князей [3]). Кромѣ половцевъ, еще прежде, до монголовъ, служившихъ въ войскахъ князей, можно предполагать, что часть ихъ переселилась въ періодъ самаго нашествія въ галицкую область [4]), гдѣ они постепенно какъ

---

[1]) *Вашилевичъ*, «Гуцулы, обитатели восточной отрасли Карп. горъ», стр. 18—23.

[2]) Въ 1545 г. жители г. Канева объявили чиновникамъ, описывавшимъ украинскіе замки такое преданіе: «отъ початку Черкасъ и Канева, уходы по всимъ тымъ рѣкамъ вольни были каневцамъ, бо яко князь великій литовскій Гедыминъ (слѣшалъ съ Витовтомъ), завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ, и *Черкасы Пятигорскіе*, и приведши черкасовъ часть съ княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снѣпородѣ (въ бассейнѣ р. Сулы), а иншихъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидять». — *Антоновичъ*, «Исторія В. Кн. Лит., стр. 65.

[3]) «Ипатск. лѣт.», 1243 г., стр. 528, 1249 г., стр. 535, 1251 г., стр. 538, 1252 г., стр. 542, 1253 г., стр. 543.

[4]) Г. Шараневичъ видитъ половцевъ въ болоховскихъ князьяхъ: «Болоховскіе князи, говоритъ онъ, были и всего половецкаго племени, которіи зручившися остали въ областяхъ межи Днѣпромъ и Богомъ». — Шараневичъ, стр. 104.

бы растворились въ средѣ окружающаго населенія. Позже, въ эпоху польско-литовскаго владычества мы уже не встрѣчаемъ половцевъ. Наоборотъ, другой народъ кочеваго типа—*цыгане* появились въ предѣлахъ южно-русскихъ именно во второй половинѣ періода. Они прикочевали къ намъ изъ Молдавіи, гдѣ они появились въ началѣ XV в. [1]) изъ Турціи и тогда-же перешли и въ южную Русь.

Кромѣ указанныхъ народностей азіатско-восточнаго происхожденія (печенѣги, черкесы, половцы и цыгане), къ этому циклу нужно отнести еще *сарацинъ* (или суражцевъ). Хотя мы встрѣчаемся съ этимъ народомъ еще въ лѣтописный періодъ, однако трудно опредѣленно сказать, какой изъ восточныхъ народовъ нужно разумѣть подъ этимъ именемъ. Въ одномъ случаѣ сарацинами называются татары [2]), въ другомъ—арабскіе купцы [3]); г. Смирновъ сарацинъ отождествляетъ съ суражцами и считаетъ ихъ жителями торговаго города Судака (Sugdaja) или древне-русскаго Суража близь г. Балаклавы въ Крыму [4]), а Ходенецкій сарацинъ отождествляетъ съ турками [5]). Кажется, названіе «сарацины» по южно-русскимъ источникамъ литовско-польскаго періода носитъ то неопредѣленное содержаніе, какое въ наше время названіе нѣмцы въ устахъ южно-русскаго простонародія; сарацинами назывались тогда едва-ли не разные представители восточныхъ народовъ. Извѣстія о сарацинахъ, а равно и о суражцахъ относятся къ XIII и XIV вв., въ позднѣйшихъ-же источникахъ они или скрываются подъ другими

[1]) Палаузовъ, стр. 19—20.

[2]) Курфирстъ бранденбургскій Людовикъ въ письмѣ къ магистру нѣмецкаго ордена 1556 г. говоритъ, что литовцы вмѣстѣ съ сарацинами (т. е. татарами) и русинами напали на землю короля польскаго (Шараневичъ, стр. 179). Де-Лануа въ своемъ путешествіи называлъ сарацинами татаръ. Вѣстникъ юго-западной Россіи, стр. 45.

[3]) «Левъ, обновивши городъ Львовъ, населилъ его купцами изъ востока—сараценами и изъ ганзейскихъ городовъ прибывшими нѣмцами», и г. Шараневичъ считаетъ этихъ сарацинъ арабами... «Сарацинѣ, т. е. *арабы* купцѣ, прибывшіе зъ востока».—Шараневичъ, стр. 145.

[4]) По Смирнову Судакъ въ то время былъ складомъ товаровъ, шедшихъ изъ Азіи въ Европу, а потому естественно, что суражане проживали тогда во Львовѣ, Владимірѣ, Луцкѣ—городахъ, которые принимали участіе въ азіатской торговлѣ.—Смирновъ. «Исторія галицкаго княжества».

[5]) Chodenecki, стр. 27.

названіями, или-же дѣйствительно болѣе не проникаютъ въ предѣлы южной Руси, благодаря туркамъ и подчиненнымъ имъ крымцамъ, порвавшимъ сношенія Востока съ Европою. Хотя сарацинъ (подъ которыми въ этомъ случаѣ разумѣются татары) мы видимъ и въ южно-русскихъ войскахъ [1]), но исключительное занятіе ихъ была торговая дѣятельность. Съ этою цѣлью они проживали въ Луцкѣ, Владимірѣ, Львовѣ и другихъ торговыхъ городахъ. Въ послѣднемъ городѣ ихъ именемъ называлась долго улица, теперешняя Заравенская; здѣсь они жили вмѣстѣ съ евреями и разомъ съ послѣдними изгнаны были за городъ «за хульныя рѣчи противъ Христа и похищеніе христіанскихъ дѣтей [2]). Численность ихъ была невелика въ южной Руси, да едва-ли сарацины въ большинствѣ случаевъ не были временными обитателями.

Сарацинъ смѣнили нѣкоторымъ образомъ *турки*, которые со второй половины XV в. начинаютъ влiять на судьбы южной Руси. Около 1475 г. они завоевали Кафу, Килію, Бѣлгородъ, почти всю Бессарабію и подчинили себѣ крымскихъ татаръ [3]), и съ того времени съобща съ татарами и молдаванами стали дѣлать набѣги или наѣзды на Галицію и Подолію. Но почти одновременно съ турецкими солдатами въ южной Руси являются турецкіе купцы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ [4]) и въ другихъ литовско-русскихъ городахъ княжества [5]), а равно и въ польско-русскихъ.

Изъ западно-европейскихъ народовъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже выше, продолжали обитать въ южной Россіи прежде всего *венгры*. Знакомые намъ уже по лѣтописному періоду *венгры* или *угры* теперь имѣли вліяніе на судьбы южно-русскаго населенія, и то только на Галицію, въ теченіе весьма непродолжительнаго времени: именно, къ концу XIV в. (1374) они на нѣкоторое время политически соединялись съ Польшей и завладѣли черезъ нее Галиціей [6]). Съ момента политическаго завладѣнія венграми галицкой

[1]) Шараневичъ, стр. 179; Chodenecki, стр. 32.

[2]) Chodenecki, стр. 27.

[3]) Szaran. «Rys», стр. 45; Chodenecki, стр. 60.

[4]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., кн. I, стр. 37.

[5]) Акты, относ. къ з. Р., т. III, стр. 20; Акты вил. ком., т. V, стр. 12—14.

[6]) Еще ранѣе черезъ династическій бракъ между 5-ти-лѣтнимъ сыномъ венгерскаго короля Андрея и 2-хъ-лѣтней дочерью краковскаго князя Лешко, Гали-

Русью при Людовикѣ венгерскомъ, войска угорскія, состоявшія изъ венгровъ и силезцевъ, смѣнили въ городахъ и замкахъ польскіе гарнизоны, именно въ Кременцѣ, Олескѣ, Лопатынѣ, Снятынѣ, Рогожинѣ, въ Перемышлѣ, Ярославлѣ, Городкѣ, Теребовлѣ, Галичѣ и обоихъ замкахъ г. Львова [1]). Тогда-же много городовъ и областей, а также мѣстечекъ и селъ на Руси роздано было угорскимъ панамъ [2]), и такимъ образомъ явились здѣсь венгерскіе землевладѣльцы; позже, въ 1383 г., Ядвига, въ качествѣ королевы Венгріи, Галиціи и Лодомеріи, выдала грамоту одному изъ венгерскихъ воиновъ на владѣніе селомъ въ саноцкой землѣ [3]), такъ что венгерскіе этнографическіе элементы мы должны предполагать, хотя и въ незначительномъ количествѣ, въ галицкомъ высшемъ землевладѣльческомъ классѣ и, какъ остатки венгерскихъ гарнизоновъ, между горожанами.

Въ литовско-польскій періодъ продолжали посѣщать южную Русь *греки;* они проникали, между прочимъ, въ Кіевъ [4]); были несомнѣнно и во Львовѣ, гдѣ искали себѣ убѣжища многіе жители Константинополя по разрушеніи его турками [5]). Появленіе въ южныхъ степяхъ монголовъ и процвѣтаніе на Черномъ морѣ итальянской торговли ослабили значеніе грековъ въ южно-русской торговлѣ; одновременно съ этимъ ослабѣло вліяніе ихъ на религіозно-культурную жизнь южно-руссовъ: здѣсь ихъ смѣнили католики—нѣмцы и православные—*сербы.* Послѣднихъ мы встрѣчаемъ въ польскій період въ числѣ землевладѣльцевъ южной Руси; но главный контингентъ сербы, какъ раньше болгары, дали въ среду русскаго духо-

---

ція составляла въ теченіи 2—3 лѣтъ часть венгерскаго королевства; въ XIV в. при Людовикѣ Венгерскомъ повторилось политическое господство венгровъ. Указанные историческіе моменты въ жизни Галиціи имѣютъ то значеніе, что на нихъ венгры основывали всегда свои политическія притязанія на эту горно-русскую область и, какъ увидимъ, предъявили ихъ и въ концѣ XVIII в., чѣмъ и облегчили легализированіе отпаденія этой части южной Руси отъ ея восточной половины присоединеніемъ Галиціи къ австрійской монархіи.

[1]) Шараневичъ, стр. 233.

[2]) Ibid., стр. 234.

[3]) Смирновъ, II т.

[4]) Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37.

[5]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 95, 105; Chodenecki, стр. 56.

вeнства, и потому вліяніе сербовъ въ этотъ періодъ ограничилось областью церкви и богослужебнаго языка [1]). Гораздо шире было вліяніе въ южной Руси другаго славянскаго народа—*чеховъ*. Этотъ славянскій народъ въ разсматриваемое время игралъ въ западной Европѣ роль весьма аналогичную съ тою, какая въ XVIII в. стала принадлежать швейцарцамъ, именно, чехи доставляли своимъ сосѣдямъ, нѣмцамъ, települ угрaмъ, полякамъ и южно-руссамъ наемныя войска. Чешскія «роты» встрѣчаются, какъ въ польской, такъ и въ литовской половинѣ южной Руси и являются здѣсь, такъ сказать, организаторами регулярнаго войска [2]). Но здѣсь, въ южно-русскомъ войскѣ, чехи, какъ и другіе воины, принимали участіе и въ администраціи страны: такъ въ 1327 г. при Болеславѣ въ г. Львовѣ разныя должности отданы были полякамъ, нѣмцамъ и чехамъ [3]), а также, вѣроятно, получали изъ рукъ королей и земельные участки. Къ концу періода вліяніе чеховъ расширяется: они принимаютъ участіе въ культурно-религіозной жизни страны, и слѣды этого остались какъ въ духовной литературѣ южной Руси, такъ и въ языкѣ юридическо-административномъ.

Гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію ко всѣмъ другимъ народностямъ, указать элементы *сѣверо-западныхъ* и *сѣверо-восточныхъ славянъ* въ средѣ южно-руссовъ, что зависитъ какъ отъ бѣдности письменныхъ памятниковъ у этихъ народовъ, такъ еще болѣе отъ выродственной близости ихъ съ туземцами, которая мѣшаетъ ихъ выдѣленію. Еще раньше (см. гл. IV), при разсмотрѣніи этнографическаго состава высшаго землевладѣльческаго сословія литовской Руси, мы уже указали на присутствіе западно и сѣверно-руссовъ между земянами, но они несомнѣнно были и внѣ этой сферы; такъ встрѣчаемъ новгородскихъ купцовъ въ галицкихъ и волынскихъ городахъ [5]), московскихъ купцовъ—въ Кіевѣ [6]) (черезъ который шла

---

[1]) Перволъфъ, стр. 277—282.

[2]) «Ипатск. лѣт.», стр. 488; Перволъфъ, стр. 163; Шараневичъ, стр. 152, 234

[3]) Chodenecki, стр. 53.

[4]) Перволъфъ, стр. 251—252.

[5]) Шараневичъ, стр. 115.

[6]) Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37; *Соловьевъ*, «Исторія Россія, т. V, стр. 223.

дорога изъ Москвы въ Константинополь) и въ другихъ литовскихъ городахъ [1]). Но самое сильное общеніе южно-руссовъ съ сѣверно-руссами было на сѣверо-восточныхъ границахъ, гдѣ поселеніе тѣхъ и другихъ соприкасалось и гдѣ происходили безпрерывныя взаимныя сношенія [2]), чего мы и коснемся въ слѣдующей главѣ.

И. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Кукольникъ, стр. 65; Соловьевъ, т. V, стр. 219—220.

[2]) Акты относящ. къ ист. западной Россіи, т. I, гг. 1456, 1486, 1492, стр. 71 и слѣд.; т. II, г. 1509, стр. 60, 62, 66, 143; 1534 г., стр. 327.

ЦЕРКОВЬ и ВИЗАНТІЙСТВО [1].

> Одно только невѣжество можетъ смѣшивать церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.
> *Хомяковъ.*

(Памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева).

Кто не помнитъ того единодушнаго горестнаго участія, какимъ ознаменовались въ Кіевѣ проводы въ безвременную могилу ученаго, имя котораго до тѣхъ поръ оставалось едва-ли не для большинства нашего общества если и не совсѣмъ незнакомымъ, то мало и смутно извѣстнымъ. На профессоровъ духовныхъ академій привыкли у насъ смотрѣть, какъ на такихъ специіалистовъ особаго покроя, которые рѣшительно составляютъ для общества отрѣзанный ломоть. Правда, покойный Терновскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоромъ университета, но вѣдь онъ читалъ и въ немъ опять такую «мертвую специіальность», какъ церковная исторія! Вѣдь и для большинства тѣхъ, которые, казалось-бы, такъ единодушно—осмысленно провожали въ могилу Достоевскаго, остается вовсе неяснымъ, какую

[1]) Извѣстный нашъ мыслитель, Вл. С. Соловьевъ своею эксцентричною, хотя искренно проводимою и поддерживаемою мыслію о необходимости для насъ новой уніи съ Римомъ, въ видахъ оживленія и упорядоченія нашей церкви, давно вызывалъ и насъ на отвѣтъ, такъ какъ этою мыслію онъ рѣшительно подрывалъ значеніе той вѣковой борьбы нашего народа съ папствомъ, которая составляетъ самый жизненный нервъ его исторіи и въ большей части ее наполняетъ. Трудно

громадную силу не только составляла въ прошедшемъ, но и должна будетъ составлять въ будущемъ именно *церковь* во всей чистотѣ ея кореннаго отличія отъ *государства*, хотя авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ» усиленно налегалъ на это въ самыхъ зрѣлыхъ своихъ трудахъ. Большинство читателей видѣло въ этомъ у знаменитаго романиста-психолога только болѣзненную причуду, которая должна быть просто устранена изъ его произведеній. Но если вопросъ *о церкви* непосредственно связанъ съ оффиціальнымъ положеніемъ автора, то ему окончательно трудно дождаться вниманія большинства. Вниманіе это можетъ быть возбуждено только какимъ-нибудь слухомъ о разладѣ автора съ оффиціальнымъ его положеніемъ, о внесеніи имъ въ свой трудъ чего-то будто совсѣмъ посторонняго, тѣмъ только и способнаго возбудить общественный интересъ. Покойный Ф. А. Терновскій, независимо отъ офиціальнаго своего положенія и обстоятельствъ своей служебной карьеры, заслуживаетъ полнаго вниманія общества какъ ученый, который живѣйшимъ образомъ принималъ къ сердцу вопросъ о церкви во всей его чистотѣ.

Въ некрологѣ Ф. А. Терновскаго въ «Новомъ Времени» оказалась важная опечатка—пропускъ: въ перечнѣ трудовъ покойнаго не приведенъ послѣдній и самый важный его трудъ: «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ», трудъ, появившійся, какъ извѣстно, въ Кіевѣ въ 1883 г., и на обложкѣ коего мы чита-

---

однакожъ было-бы намъ, стоя на строго исторической, притомъ ограниченной почвѣ, возражать г. Соловьеву, витающему въ широкой области отвлеченныхъ умствованій. Тѣмъ охотнѣе даемъ мы мѣсто настоящей статьѣ уважаемаго. О. О. Миллера, какъ попыткѣ принципіальнаго разрѣшенія того вопроса о свободѣ и независимости церкви, ея цѣльности и единствѣ, который ходомъ событій выдвинутъ былъ съ особою силою въ исторіи западно-русской церкви и категорически, вопреки толкованію г. Соловьева, разрѣшенъ въ памятную эпоху введенія уніи (См. въ август. кн. Кіев. Стар. 1884 г. ст. О. И. Левицкаго: Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII ст.). Не смотря на подборъ фактовъ, ограниченный лишь излюбленною идеею автора, не смотря на узкія рамки, въ какихъ представляется истинный союзъ церкви съ государствомъ, и неточность нѣкоторыхъ его выводовъ, напр. объ участіи кіево-могилянской коллегіи въ развитіи идеи цезарео-папизма, статья эта послужитъ, надѣемся, новымъ опроверженіемъ той искусственно созданной мысли объ уніи съ Римомъ, примѣненіе которой въ исторіи нашего народа стоило ему такой тяжкой борьбы, страданій и цѣлыхъ потоковъ крови. Ред.

емъ: приготовляется къ печати *синхронистическое изложеніе византійской и славяно-русской церковной исторіи отъ 842 по 1453 г.* Неожиданная смерть на 46 году жизни помѣшала автору издать это продолженіе своего труда. Если оно сохранилось, какъ надобно думать, въ его бумагахъ, то рано или поздно оно появится на свѣтъ Божій. А пока лучшею данью покойному будетъ— постараться выяснить существенныя черты той капитальной части его труда, которая появилась еще при его жизни. Это очень кстати и потому, что трудъ покойнаго даетъ основаніе отвѣтить на вопросъ, недавно поднятый В. С. Соловьевымъ въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества», съ такой стороны, которой, кажется, не касался никто изъ его возражателей.

Какъ видно изъ посмертныхъ отзывовъ о Терновскомъ и какъ не трудно заключить изъ его собственнаго труда, покойный былъ *человѣкъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово *человѣкъ* должно быть устранено, какъ опасный соблазнъ, изъ государственной сферы, по мнѣнію другихъ, едва-ли не такимъ-же соблазномъ служитъ оно и въ сферѣ церковной. Прочтите напримѣръ сочиненія—неоспоримо талантливаго г. Леонтьева: «Византизмъ и Славянство» и «Наши новые христіане», и вы убѣдитесь въ послѣднемъ (набросокъ отвѣта г. Леонтьеву можно найти въ записной книжкѣ Достоевскаго) [1]. Терновскій былъ другаго мнѣнія—и, встрѣчая въ строѣ восточной имперіи черты, носившія на себѣ отпечатокъ нечеловѣческій, прямо признавалъ ихъ нехристіанскими, хотя-бы тѣ, въ комъ онѣ проявлялись, оффиціально числились въ свое время «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Какъ поборникъ человѣчества въ его христіанскомъ, *обожествленномъ* смыслѣ, покойный не могъ быть причастенъ тому фарисейству, тому религіозному лицемѣрію, которое каждогодно осуждается въ церкви за заутренею великаго вторника чтеніемъ евангелія отъ Матоея: «горе вамъ книжники и фарисеи лицемѣры» (гл. XXIII). Онъ понимаетъ, что фарисейство ведетъ къ тому, что прямо надо назвать, horribile dictu, религіозной безнравственностью. Въ этомъ отношеніи онъ прямо сходится съ Хомяковымъ въ его

---

[1]) Въ 1 т. Полнаго Собранія его сочиненій.

такъ мало у насъ оцѣненныхъ «Запискахъ о всемірной исторіи» (т. III и IV полнаго собранія сочиненій Хомякова).

«Язычество признало побѣду христіанства, но не умерло, говорить Терновскій; напротивъ того оно вошло въ христіанское общество со всѣми своими страстями и пороками. При наплывѣ въ христіанское общество людей, которые принимали новую вѣру только потому, что это было выгодно, нравственные идеалы христіанства помутились. Не было мучителей, не было костровъ и лютыхъ звѣрей, къ которымъ можно было-бы броситься, чтобы стяжать вѣнецъ мученическій, но за то не было и вѣнца» (стр. 62—63).

О томъ, какимъ образомъ переходъ въ христіанство могъ стать *выгоднымъ*, и о пагубномъ дѣйствіи обращенія христіанства въ государственную религію такъ убѣдительно говорилъ Хомяковъ, и остается только удивляться, что Терновскій не ссылался на него.

«Признаніе ученія апостольскаго, читаемъ мы въ «Запискахъ» Хомякова, вѣрою государственною имѣло важныя послѣдствія, мало и даже едва-ли замѣченныя историческою критикою. Древній Римъ назначалъ себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительно единственнымъ богомъ для всѣхъ гражданъ. Такова причина, почему не было возмущенія противъ введенія христіанства императорами... Императоръ, какъ представитель имперіи, имѣлъ законное право назначить новаго и отставить старыхъ боговъ. Θеодосій пользовался тѣмъ-же правомъ и дѣйствовалъ, самъ того не замѣчая, въ томъ-же нехристіанскомъ смыслѣ. Высокое понятіе о личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи, обязательной извнѣ... Не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ; ибо не церковь благословляется государствомъ, но государство церковью... Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т. е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ... глубокія требованія христіанина отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властію и идея государства истинно христіанскаго исчезала изъ

сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ» (487—48).

«Уши, закрытыя для проповѣди евангельской, открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане—мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ льстецовъ... Обращеніе Константина продлило на многіе вѣка существованіе византійской имперіи, но имперія не спаслась отъ гибели, потому что сама (т. е. какъ государство) она не приняла христіанства (479). Мертвое тѣло эллиноримлянина давило христіанина» (564).

Сначала церковь усиленно заботилась о томъ, чтобы христіанство принималось вполнѣ свободно, по внутреннему убѣжденію, чтобы переходъ въ него не соединялся ни съ какими житейскими выгодами. Объ этомъ обстоятельно говорится въ недавно напечатанномъ прекрасномъ трудѣ одного изъ питомцевъ московской духовной академіи, г. Киндрисова: «О свободѣ совѣсти въ древней церкви». Авторъ только нѣсколько увлекается, стараясь взвалить всю вину развитія поощрительнаго начала на свѣтскую власть, тогда какъ и сама церковная іерархія мало по малу стала выказывать готовность прибѣгать не только къ поощреніямъ, но и къ преслѣдованіямъ за вѣру. «Христіанскій міръ (говоритъ Терновскій) заботился не столько объ очищеніи себя отъ моральной языческой порчи, сколько о расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ языческаго міра и объ окончательномъ, хотя-бы даже насильственномъ, подавленіи сего послѣдняго» (102). Не долго продолжалась та пора, памятникомъ которой остались золотыя слова «христіанскаго Цицерона»—Лактанція: «къ религіи нельзя принуждать. Ничего нѣтъ столь добровольнаго, какъ религія. Религія—дѣло по преимуществу добровольное, и нѣтъ никакой необходимости, которая заставила-бы кого либо чтить то, чего онъ не хочетъ. Можно только притвориться, но нельзя въ самомъ дѣлѣ захотѣть насильно» (103). Въ томъ-же духѣ высказывался и св. Григорій Богословъ: «я признаю законнымъ не принуждать, а убѣждать, и нахожу это болѣе полезнымъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою, какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучей рукою... при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное всегда твердо, потому что связано неразрѣшимыми узами любви». Но образъ мыс-

лей св. Григорія, по замѣчанію Терновскаго, далеко не всѣми православными былъ раздѣляемъ (125). Такіе, согласные съ нимъ и съ Лактанціемъ, настоящіе церковные дѣятели, какъ Василіи Великіе и Іоанны Златоусты, все болѣе и болѣе становились рѣдкими. Христіанскій призывъ человѣчества къ свободному, внутреннему единству находилъ слишкомъ сильный отпоръ въ томъ началѣ единства внѣшняго, принудительнаго, которое воплотилось въ міродержавномъ Римѣ, этомъ увѣнчаніи зданія, возведеннаго классическою древностью. Какъ богатымъ, по слову Христову, трудно войти въ царство небесное, такъ и сытые сыны классической культуры не легко попадали въ тѣ спасительныя сѣти, которыми смиреннымъ галилейскимъ ловцамъ предстояло уловить вселенную. Но не даромъ совершилось чудо Пятидесятницы, не даромъ всяческіе, пренебрегаемые греко-римскимъ міромъ, варвары услышали апостоловъ проповѣдующими на всевозможныхъ, отверженныхъ имъ языкахъ. Эти-то варвары главнымъ образомъ и восприняли то новое вино, которое трудно-бы было вмѣстить мѣхамъ старымъ.

«Если мы припомнимъ, говоритъ Терновскій, изъ какихъ сложныхъ элементовъ слагалась іерархія и церковная литература въ своемъ золотомъ вѣкѣ, если мы припомнимъ, что Оригенъ, Аѳанасій, Кириллъ, Антоній, Пахомій и др. были египтяне, Синезій—уроженецъ Киринеи, Ефремъ, Ѳеодоръ, Іоаннъ Златоустъ, Ѳеодоритъ—сирійцы, Василій Великій, Григорій Кесарійскій—армяне, Григорій Богословъ—армяно-каппадокіецъ, то мы поймемъ, какимъ оскудѣніемъ въ церковной литературѣ и жизни должна была отозваться монополія іерархическаго и богословскаго авторитета, усвоеннаго себѣ греками съ VII ст. Благодаря этой узкой національной исключительности (такъ знакомой намъ изъ исторіи болгарскаго вопроса и такъ несообразной съ универсальнымъ характеромъ христіанства) церковная жизнь византійской имперіи стояла ниже гражданской, которая постоянно освѣжалась отъ притока другихъ національностей, болѣе грубыхъ, но менѣе изжившихся» (406). Ради этой-то узкой національной исключительности покойный митрополитъ Макарій въ своей исторіи русской церкви и назвалъ грековъ «нѣмцами древней Руси». Съ этой національною исключительностью Византіи вовсе не согласовалось великое дѣло славянскихъ первоучителей, потому-то едва-ли и сытыхъ грековъ, во всякомъ случаѣ

находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстной славянской стихіи. Если дѣло это и допущено было Византіею въ политическихъ видахъ, какъ средство отвлечь славянъ отъ церковнаго подчиненія западу, то не даромъ уже въ X вѣкѣ Черноризцу Храбру пришлось защищать это дѣло отъ предубѣжденныхъ въ своей исключительности грековъ. Но вѣдь эти византійскіе греки сами себя величали *Ромеями,* вѣдь государственнымъ языкомъ Византіи была латынь: обѣ стихіи классическаго міра сливались въ имперіи, не даромъ называвшейся восточною *римскою.* На это давно уже обращено вниманіе В. И. Ламанскимъ, хотя нашъ многоуважаемый славистъ и не выводитъ отсюда всего того, что, казалось-бы, должно быть выведено. Дѣло въ томъ, что хотя недавно насъ приглашали «призвать къ себѣ Рюрика изъ Рима», но на самомъ дѣлѣ подобнаго рода «Рюрикъ» давно уже проникъ къ намъ чрезъ Византію, и намъ не только не нужно обзаводиться новыми, а нужно напротивъ того совершенно раздѣлаться съ прежнимъ—съ римскою стихіею византійства. Эта римская стихія сказалась уже, какъ положительно утверждалъ Хомяковъ, въ самомъ провозглашеніи христіанства государственною религіею со всѣми его неудобными для церкви слѣдствіями. Въ этомъ провозглашеніи, какъ и въ дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ дѣла церкви, слышался императоръ—понтифексъ, и не даромъ такой ловкій оппортунистъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, счелъ полезнымъ указать на это Петру, обзаводившемуся съ другой стороны графами римской имперіи [1]). Между тѣмъ считавшіе себя опекунами и покровителями церкви византійскіе императоры плохо вслушивались въ богослужебный стихъ: «елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся». Можно-ли признать «облеченнымся во Христа» Ѳеодосія Великаго, если въ силу его приказанія (можетъ быть слишкомъ усердно выполненнаго) убито было въ ипподромѣ нѣсколько тысячъ солунянъ, и Амвросій Медіоланскій, какъ прямой представитель церкви, долженъ былъ

[1]) Крайне тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ газетный отчетъ о диспутѣ въ петербургской духовной академіи, на которомъ будто-бы проводилась мысль о *народности* въ направленіи Ѳеофана. Ужь *не народенъ-ли* послѣ этого и Ст. Яворскій, котораго «Камень Вѣры» приняли подъ защиту прямые іезуиты?! Или не къ еретическимъ-ли трудамъ должно отнести диссертацію Ю. Ѳ. Самарина?!

воспретить ему входъ во храмъ. Но тотъ-же Θеодосій съ другой стороны, по замѣчанію Терновскаго, обнародовалъ свое исповѣданіе вѣры, какъ обязательное для всѣхъ подданныхъ, въ указѣ, имѣвшемъ тонъ военнаго деспотизма: «мы желаемъ, чтобы всѣ подвластные намъ народы, содержали вѣру, преданную римлянамъ св. апостоломъ Петромъ» (121). Послѣднее-же слово его было: «я на враговъ Іисуса Христа смотрю, какъ на своихъ собственныхъ» (129), другими-же словами, онъ готовъ былъ и ихъ избивать, какъ тѣхъ, которыхъ велѣлъ избить въ циркѣ. За это-то у нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, допускавшихъ такое смѣшеніе Божьяго съ кесаревымъ, Θеодосій величается царемъ всехвальнымъ, оставившимъ по себѣ приснопамятную славу (134).

Можно-ли считать «облекшимся во Христа» Юстиніана, если при усмиреніи бунта въ Константинополѣ воины его избили до 30,000 византійцевъ, виноватыхъ и правыхъ (269), а для отлученія императора отъ церкви только не нашлось втораго Амвросія?

Можно-ли признать «облекшимся во Христа» Льва Θракіянина, возведеннаго на престолъ Аспаромъ и приказавшаго потомъ умертвить этого самаго Аспара вмѣстѣ съ двумя его сыновьями? Между тѣмъ, такъ какъ Аспаръ былъ аріанинъ, а Левъ строго православный и другъ духовенства, то исторія воцаренія Льва и его отношеній къ Аспару излагается у церковныхъ писателей въ благопріятномъ для императора видѣ (237).

Дѣло въ томъ, что духъ Амвросія Медіоланскаго и Василія Великаго, какъ и духъ Лактанція и Григорія Богослова, этихъ прямыхъ дѣятелей *церкви* или настоящаго *православія*, постепенно оскудѣвалъ не только на римскомъ западѣ, но и на греко-римскомъ востокѣ. Между тѣмъ съ кровавою памятью Льва Θракіанина связанъ установленный при немъ въ пятницу Пасхи праздникъ Живоноснаго источника, подобно тому, какъ съ неменѣе кровавою памятью болѣе поздняго и политически знаменитаго государя связанъ праздникъ всемірнаго Воздвиженія Животворящаго Креста съ его умилительнымъ богослуженіемъ. Когда церковь оглашается пѣніемъ тропаря: «спаси Господи люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруя», невольно приходитъ на память, что тропарь этотъ пѣлся предъ Иракліемъ, который освободилъ изъ персидскаго плѣна и снова во-

друзилъ на поклоненіе вѣрнымъ крестъ Господень (при немъ и установленъ праздникъ Воздвиженія), но царствованіе котораго началось съ того, что онъ велѣлъ отсѣчь своему предшественнику Фокѣ руки и ноги, а затѣмъ изрѣзать его живымъ на куски! Говорить-ли о томъ, какъ вдова Праклія и его сынъ, по опредѣленію благовѣрнаго синклита, отправлены были въ ссылку—она съ урѣзаньемъ языка, а онъ съ урѣзаньемъ носа? Вспоминать-ли о Константинѣ Погонатѣ, урѣзавшемъ носы своимъ двумъ братьямъ и послѣ этого продолжавшемъ, какъ-бы въ насмѣшку, въ теченіи 12 лѣтъ титуловать ихъ августами, или о послѣднемъ Праклидѣ Юстиніанѣ, по прозвищу Ринотметѣ, снова водворившемся послѣ своего сверженія съ престола и искалѣченія и оставившемъ по себѣ такую память, что каждый разъ, когда онъ снималъ золотой покровъ съ своего изувѣченнаго носа для того, чтобы омыть и провѣтрить его,—это было предвѣстіемъ казни кого-либо изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ царскихъ злодѣевъ (398). Греческій историкъ Папарригопуло увѣряетъ, будто греки заимствовали обычай членоотсѣченія у сѣверныхъ варваровъ. «Напротивъ, замѣчаетъ Терновскій, мы, сѣверные варвары, учились у грековъ жестокой казни ослѣпленія,—и притомъ если въ русской исторіи и были отдѣльные случаи ослѣпленія, то они ничтожны сравнительно съ тѣми ослѣпленіями въ громадномъ размѣрѣ, какія были совершаемы греческими императорами[1]). Василій Болгаробойца ослѣпилъ 20,000 болгаръ, а Константинъ Мономахъ 800 русскихъ (408).

Какъ-бы ни-было, но всѣ эти отступники духа вѣры и благочестія величались «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Ихъ изображенія торжественно носились по улицамъ для народнаго поклоненія. Когда изображенія императора Фоки и его жены принесены были въ Римъ, то папа Григорій поставилъ ихъ въ церкви св. Кесарія въ латеранскомъ дворцѣ. Сохранились два письма папы къ Фокѣ, въ которыхъ онъ осыпаетъ его льстивыми похвалами, жалуясь на грубое обращеніе императора Маврикія—того самаго, котораго Фока, свергнувъ съ престола, казнилъ, предварительно-же заставилъ быть очевидцемъ казни родныхъ сыновей (356). Тотъ-же Фока особеннымъ образомъ увѣчилъ и выставлялъ на поруганіе отсѣченные

[1]) Это еще ранѣе замѣчено было Н. И. Костомаровымъ.

члены подданныхъ, упрекавшихъ царя въ пьянствѣ, кончилъ-же тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, что самъ разрѣзанъ былъ на куски и преданъ такому-же поруганію Иракліемъ.

Что-же поддерживало обаяніе власти и положенія въ сферѣ церковной этихъ прямыхъ подражателей Тиверія и Нерона, какъ не сохраненіе за ними стараго языческаго апоѳеоза?

Въ одной диссертаціи, недавно защищенной въ петербургской духовной академіи, говорится: «языческій Римъ оставилъ въ наслѣдство Риму христіанскому культъ императоровъ, который былъ обставленъ внѣшними пріемами, заимствованными отъ персовъ» (стало быть пріемами также нехристіанскаго происхожденія). Но авторъ счелъ себя обязаннымъ прибавить, что «культъ былъ смягченъ и видоизмѣненъ подъ вліяніемъ христіанскихъ идей». «Христіанство, продолжаетъ онъ, въ лицѣ Тертулліана и др., возставало противъ такого культа до тѣхъ поръ, пока онъ выражался въ апоѳеозѣ императоровъ. Но какъ скоро рѣшено было, что культъ есть только способъ почтенія верховной власти, отцы церкви не могли противъ него возражать». Почему-же? и какъ будто-бы вовсе не возражали? Какъ-же тогда Василій Великій на угрозы префекта Модеста за то, что онъ *не держится одной вѣры съ царемъ*, возражалъ: «для меня важно быть въ общеніи съ вами правителями (почему и не такъ? и вы—Божія тварь), впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ, потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою» (см. у Терновскаго стр. 114). «Христіанами, утверждаетъ г. Скабалановичъ, допущенъ былъ взглядъ, что императоръ есть человѣкъ, стоящій непосредственно за Богомъ, который получилъ отъ Бога то, чѣмъ владѣетъ, и который ниже одного Бога». Но какъ-же тогда церковь приглашала и императоровъ на ряду со всѣми вѣрующими обращаться къ предстательству передъ Богомъ угодниковъ, хотя-бы эти угодники были *юродствующіе простолюдины?* Но одно дѣло—церковь, другое—византійствующіе іерархи, имя-же имъ было легіонъ. «На императора, говоритъ далѣе г. Скабалановичъ, перенесена была извѣстная степень божественнаго величія, выразившаяся во внѣшнихъ формахъ и наименованіяхъ, остатки которыхъ замѣчаются и въ XI вѣкѣ. Къ императору прилагаются эпитеты, указывающіе на его святость и божественность... Императору отдава-

лось почитаніе богоравное (ἰσόθεος), выражавшееся въ поклоненіи (προσκύνησις) и въ славословіяхъ (εὐφήμιαι)... Поклоненіе состояло въ наклоненіи головы до самой земли и цѣлованія руки, славословія заключались въ многолѣтіяхъ, къ которымъ присовокуплялись хвалебные эпитеты; въ этихъ славословіяхъ даже въ XI в., по свидѣтельству папы Льва IV, удерживалась отчасти латинская терминологія... Царь при торжественныхъ пріемахъ возсѣдалъ на серебряномъ тронѣ, отдѣленномъ отъ пространства, предназначавшагося для публики, завѣсой, которая, когда нужно было, подымалась и опускалась... Открытіе и закрытіе завѣсы сопровождалось славословіями» [1]).

Книга, изъ которой приведены эти выдержки, своею фактическою стороною вполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія Терновскаго, хотя авторъ и не позволяетъ себѣ отзываться, подобно покойному кіевскому профессору, съ прямымъ осужденіемъ о томъ, съ чѣмъ никакъ не мирится живое христіанское чувство.

Мы слышали угрозы свѣтской власти Василію Великому за то, что онъ «держится не одной вѣры съ царемъ». Св. Василій побѣдоносно устоялъ противъ угрозъ царя—аріанина. Но была пора, когда и самъ Константинъ Великій, считая православныхъ уже достаточно удовлетворенными постановленіями никейскаго собора, ждалъ отъ нихъ нѣкоторыхъ уступокъ аріанамъ (не даромъ же и историкъ его былъ въ душѣ аріанинъ), но встрѣтивъ сопротивленіе православныхъ принятію въ общеніе аріанъ, онъ прибѣгъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлію научить, что опредѣленіямъ самодержца, направленнымъ къ защитѣ истины, противиться не должно (24).

Когда-же императоры пропагандировали своими декретами не ересь, а православіе, и соединяли такую пропаганду съ угрозами, то едва-ли не большинство духовенства уже не считало такого подкрѣпленія вѣры государственнымъ авторитетомъ ни дерзновеннымъ, ни хотя-бы только излишнимъ.

«Къ законамъ противъ еретиковъ, говоритъ безъ всякаго порицанія Созоменъ, Θеодосій Великій присовокупилъ и тяжкія наказанія, не приводя ихъ однакоже въ исполненіе, потому что хо-

[1]) Скабалановича, Виз. госуд. и церковь въ XI в., стр. 144—147.

тѣлъ не наказывать подданныхъ, а только постращать ихъ, чтобы они одинаково съ нимъ мыслили о Богѣ» (129—130).

Самъ патріархъ въ лицѣ впослѣдствіи ставшаго еретикомъ (странная иронія рока!) Несторія такимъ образомъ обратился въ 428 г. къ императору: «Дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я тебѣ дамъ за это небо. Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ» (157).

Это была, говоритъ Терновскій, обратная сторона или, лучше сказать, неудачное примѣненіе той высокой идеи о *единствѣ человѣчества*, которой не знало язычество и которая была принесена христіанствомъ» (234).

Но если язычество не знало единства въ смыслѣ всечеловѣческаго братства, то оно вѣдь завершилось единой римской державой. По распаденіи ея на двѣ части и сокрушеніи ея такъ называемыми варварами на западѣ, она вездѣ завѣщала новому Риму въ лицѣ его христіанскихъ первосвященниковъ свои преданія міроваго владычества, какъ будто теперь духовнаго, въ сущности-же снабженнаго всѣми принудительными аттрибутами стараго государственнаго начала, а потому и доходившаго до всевозможныхъ ужасовъ и преступленій. На востокѣ-же уцѣлѣло само государство во всей полнотѣ своего римскаго строя, и въ силу міродержавныхъ преданій Рима византійскіе государи смотрѣли на свою имперію, какъ на единое тѣло для единаго христіанскаго духа, а на себя, какъ на единыхъ царей всего христіанства, съ принятіемъ котораго должна была соединяться зависимость отъ ихъ верховной власти всякихъ другихъ «такъ называемыхъ» царей. Такъ смотрѣлъ на дѣло тотъ цареградскій патріархъ, который упрекалъ великаго князя Василія Дмитріевича, что при немъ перестали у насъ поминать на ектеніяхъ византійскаго императора. «Какъ будто можно признавать церковь и не признавать царя», писалъ онъ въ своемъ любопытномъ посланіи, на которое обратилъ вниманіе В. И. Ламанскій, не сдѣлавшій однако и тутъ, какъ мнѣ кажется, всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые слѣдовало-бы сдѣлать. Выводы эти привели-бы опять къ тому, что къ намъ черезъ Византію давно уже проникалъ Римъ, что хотя мы порою старались раздѣлаться съ нимъ, но окончательно раздѣлаться не могли, такъ что въ новомъ усиленномъ признаніи Рима не представляется намъ ни малѣйшей надобности.

«Бога бойтеся, царя чтите», приводилъ патріархъ нашему великому князю слова апостола Петра, приводилъ, толкуя: не сказалъ «*царей*, а *царя*» —въ томъ будто-бы смыслѣ, что всего и можетъ и долженъ быть одинъ царь на весь крещеный міръ. Выходило, значитъ, что какъ Богъ одинъ, такъ и царь одинъ, т. е. исключительное право на царскую власть имѣетъ тотъ византійскій царь, который, по словамъ г. Скабалановича, «стоялъ непосредственно за Богомъ», на котораго «перенесена была извѣстная (и, какъ видно, не малая) степень божественнаго величія». Вѣдь это своего рода противень папы, какъ намѣстника Іисуса Христа! Но *pontifex maximus* не сразу воскресъ въ лицѣ епископовъ римскихъ. Терновскій указывалъ на то, что папа Григорій Великій, по поводу притязаній константинопольскаго патріарха Іоанна Постника величаться вселенскимъ, въ письмахъ къ императору Маврикію старался показать, какая опасность угрожаетъ церкви отъ главенства одного епископа надъ всѣми прочими. «Прочь всѣ титла, питающія тщеславіе и нарушающія любовь», писалъ онъ александрійскому патріарху, когда тотъ обратился къ нему съ тѣмъ-же титуломъ вселенскаго. Долго многіе изъ папъ представляли только смѣлый отпоръ императорамъ въ ихъ стремленіи «наскакивать на церковь Божію». Употребляю позднѣйшее выраженіе западно-русскихъ епископовъ въ ихъ посланіи къ патріарху цареградскому по поводу независимаго отъ него избранія въ митрополиты Григорія Цимвлака. Этимъ «наскакиваніемъ» всегда тяготились лучшіе церковные дѣятели въ самой Византіи. И вотъ, можетъ быть, главная причина того уваженія на востокѣ къ каѳедрѣ римской, на которое указывалъ въ своихъ статьяхъ В. С. Соловьевъ. Но если цареградскіе патріархи, каѳедра которыхъ находилась прямо на глазахъ у престола царскаго, рѣдко отваживались самостоятельнымъ образомъ дѣйствій навлекать на себя гнѣвъ «святыхъ» по своему положенію царей, то и римскіе папы не всегда-же пользовались тѣмъ удобствомъ, какое имъ представляло отсутствіе возлѣ ихъ каѳедры императорскаго престола. Тотъ-же папа Григорій, какъ видѣли мы, счелъ-же возможнымъ и нужнымъ внести въ храмъ изображенія императора Фоки и его супруги. Съ другой стороны они издавна уже стали пользоваться тѣмъ-же удобствомъ своего положенія съ цѣлью мало по малу развить свою собственную власть до такого-же міродержавнаго и принудительнаго значенія, какимъ

запечатлѣна была власть императорская. Выйдя на этотъ путь, папство ознаменовало себя такими дѣйствіями, которыя при идеѣ происхожденія папской власти чрезъ апостола Петра отъ самаго Христа представляются окончательною мерзостью запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Кончилось-же тѣмъ, что Западъ дошелъ до возведенія въ догматъ папской непогрѣшимости, тогда какъ на христіанскомъ востокѣ постоянно оставалось только непобѣжденнымъ церковью *фактомъ* такъ называемое *цезаропапство.*

«Юстиніанъ, говоритъ Терновскій, былъ самымъ крупнымъ представителемъ того отношенія государства къ церкви, которое извѣстно подъ характернымъ именемъ *цезаропапства...* Если царь есть помазанникъ Божій, избранный и вдохновляемый самимъ Богомъ, то понятно, что царскія полномочія простираются и на область дѣлъ религіозныхъ. 1) Царь можетъ и долженъ покровительствовать церкви въ лицѣ ея служителей. 2) Царю принадлежало право.... замѣщать высшія іерархическія должности.—Духовныя лица иногда возставали противъ такого участія императора въ дѣлахъ церковныхъ, но неудачно и неосновательно, ибо это былъ другой логическій выводъ изъ того-же принципа, въ силу котораго императоръ покровительствовалъ церкви и ущедрялъ ея служителей (т. е. допустивъ одно, логически пришлось допустить и другое). 3) Іерархія господствующей церкви всегда стремилась направлять царскій мечъ на враговъ и противниковъ церкви и на непослушныхъ овецъ, не хотѣвшихъ войти *во дворъ овчій...* Но такъ какъ царь... *не безъ ума мечь носитъ,* то понятно, что онъ долженъ былъ... опредѣлить законность притязаній іерархіи и установить надлежащую имъ мѣру. Это по необходимости вовлекало царя въ участіе въ догматическихъ спорахъ. Онъ долженъ былъ становиться такъ сказать третейскимъ судьею между іерархіею господствующей церкви и еретиками... За царемъ оставалось право обнародовать своими указами обязательную для всѣхъ подданныхъ норму православнаго выраженія и заключительное рѣшеніе по догматическому вопросу» (282—284).

Желая сдѣлать уступку монофизитамъ и державшему ихъ сторону папѣ, Юстиніанъ потребовалъ осужденія трехъ умершихъ церковныхъ писателей, устоявшихъ однако-же передъ судомъ халкидонскаго собора.

... «Въ средѣ православныхъ, говоритъ Терновскій, *осужденіе трехъ главъ* было принято съ большимъ неудовольствіемъ, какъ выраженіе личнаго произвола императора». «Къ чему послужитъ осужденіе наше, говорили западные богословы, если умершіе не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Но и къ чему намъ вести войну съ умершими?»... Въ восточной половинѣ имперіи Юстиніанъ нашелъ болѣе сочувствія или по крайней мѣрѣ меньше противоборства своимъ планамъ. Право царской власти вмѣшиваться въ догматическіе споры закрѣплено было тамъ долговременною практикою. Но и папа было сдался, а потомъ опять отказался отъ своего согласія. Оставалось созвать вселенскій соборъ, въ Италіи, какъ желалъ папа; но императоръ настоялъ на болѣе сподручномъ Константинополѣ. «Соборъ состоялся безъ папы и разумѣется велъ свои совѣщанія безъ разногласія и затрудненій по программѣ изложенной въ грамотѣ императора». *Три главы* были осуждены, а равно и знаменитый Оригенъ. Императоръ сталъ ссылать епископовъ, не согласившихся на осужденіе трехъ главъ; онъ издалъ эдиктъ въ монофизитскомъ духѣ, а патріарха Евтихія, возставшаго противъ этого, отправилъ въ ссылку (299—300).

Евтихій поплатился за то, что не хотѣлъ признать «союза государства съ церковью» въ томъ смыслѣ, какъ понималъ императоръ Юстиніанъ. Въ томъ-же смыслѣ понималъ этотъ «союзъ» и императоръ Конста, когда издалъ типъ: «воспрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ каѳоликамъ спорить впредь какимъ-бы то ни было образомъ объ одной волѣ или одномъ дѣйствіи, двухъ дѣйствіяхъ или двухъ хотѣніяхъ». Горячо возсталъ противъ типа римскій папа Ѳеодоръ. На соборѣ въ Римѣ онъ отлучилъ отъ церкви константинопольскаго патріарха Павла, по совѣту котораго изданъ былъ типъ (393—384). Но папа при этомъ уже выказалъ всю полноту притязаній римскаго престола на непосредственное и исключительное общеніе со Христомъ, дерзнувъ подписать актъ отлученія Кровію Христовою! За папу Ѳеодора поплатился преемникъ его Мартинъ Исповѣдникъ, раздѣлившій участь другаго исповѣдника, св. Максима, принадлежавшаго уже не западу, а востоку. То были возставшіе съ разныхъ концовъ христіанскаго міра дружные исповѣдники истинной церковности, не мирившіеся съ Юстиніановскимъ пониманіемъ союза между церковью и государствомъ.

Но вотъ въ силу того-же союза новый Юстиніанъ, такъ называемый Ринотметъ, потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ совершилъ молитвословіе на разрушеніе храма Богоматери, на мѣстѣ котораго императору захотѣлось соорудить фонтанъ. Патріархъ сперва отказался, но потомъ прочелъ молитву, оканчивающуюся словами: «Слава Богу терпящему всегда нынѣ и присно» и т. д. (393).

Надо думать, что въ «силу юстиніановскаго союза» случилось и то, что хотя бракъ императора Праклія съ Мартиною былъ незаконенъ по причинѣ близкаго родства, и патріархъ Сергій настойчиво умолялъ царя отказаться отъ этого брака, дѣло кончилось тѣмъ, что, видя непреклонность императора, тотъ-же патріархъ самъ перевѣнчалъ его съ Мартиною (380); позже Константинъ VI возненавидѣлъ жену свою Марію по навѣту своей матери Ирины, желавшей привесть сына во всеобщую ненависть, и принудилъ жену постричься, самъ-же беззаконно женился на Θеодотѣ кубикуларіи (фрейлинѣ Ирины) и вѣнчалъ ее на царство. Придворный іерей Іосифъ своершилъ царское браковѣнчаніе, а патріархъ Тарасій заблагоразсудилъ покрыть снисхожденіемъ и молчаніемъ совершившійся фактъ... Въ концѣ концовъ приверженцы Ирины (монахи) достигли своего желанія: царь по милости матери потерялъ власть и зрѣніе, а Ирина осталась единодержавною...

Проявленіемъ того-же нечестиваго союза церкви служитъ съ государствомъ наконецъ и то, что при руководствѣ евнуха монаха Іоанна престарѣлая Зоя могла вступить въ бракъ съ молодымъ красавцемъ Михаиломъ Пафлагономъ и возвести его на престолъ императорскій, погубивъ съ его вѣдома своего супруга Романа Аргира, а патріархъ Алексій могъ рѣшиться ихъ обвѣнчать «послѣ того какъ пропѣты были страсти Господни», т. е. послѣ утрени великой Пятницы! Разсказавъ объ этомъ, даже осторожный и уклончивый г. Скабалановичъ выразился такимъ образомъ: «вступленіе на престолъ Михаила Пафлагона было большимъ скандаломъ даже для византійцевъ»[1]. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ, объясняя союзничество патріарха съ Зоей въ ея позднѣйшіе черные дни, утверждать, что «и по сану, и по *характеру* онъ былъ защитникомъ справедливости и законности».

[1]) Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 31 и 372.

«Союзъ церкви и государства» понимался, еще и въ иномъ смыслѣ, именно томъ, что церковь нуждается въ государевой защитѣ отъ своихъ враговъ и что государи обязаны удовлетворять эту ея нужду. Левъ III (иконоборецъ) началъ съ того, что сталъ принуждать ко крещенію евреевъ и монтанистовъ; первые крестились лицемѣрно, вторые спасались отъ принужденія самосожженіемъ. Быть можетъ, замѣчаетъ Терновскій, этими дѣйствіями Левъ III хотѣлъ упрочить за собою репутацію государя православнѣйшаго и благочестивѣйшаго, которая нужна была ему для проведенія церковной реформы (439).

При Михаилѣ I (противникѣ иконоборства) иноки возобладали при царскомъ дворѣ... по ихъ внушенію еретикамъ павликіанамъ законоположена смертная казнь, какому-то Николаю Ексоціониту за хуленіе противъ св. иконъ отрѣзанъ языкъ (489). Не менѣе характерно и то, что монахи обвиняли отставленнаго патріарха Іоанна Грамматика, яко-бы онъ выкололь глаза у нѣкоего иконнаго изображенія, и требовали, чтобы онъ самъ былъ ослѣпленъ. Императрица Θеодора смягчила казнь въ томъ смыслѣ, что онъ получилъ 200 ударовъ бича. Затѣмъ при Θеодорѣ послѣдовало кровавое гоненіе на павликіанъ, во время котораго истреблено было различными родами смерти до 100,000 сихъ еретиковъ (498).

По замѣчанію Терновскаго, вѣкъ иконоборцевъ былъ сравнительно легче для павликіанъ. Иконоборцы, занятые борьбою съ православными, мало обращали вниманія на еретиковъ, а ревнители православія, извѣдавъ собственнымъ опытомъ, что они сами могутъ попасть въ число преслѣдуемыхъ, припоминали евангельское изреченіе о томъ, что не должно исторгать плевелъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не исторгнуть и пшеницы. Такъ разсуждали по крайней мѣрѣ разумнѣйшіе изъ ревнителей православія, напримѣръ Θеодоръ Студитъ, говорившій, что не должно убивать еретиковъ (525). Но онъ-же высказался въ иномъ духѣ по поводу смерти иконоборца Льва V-го, убитаго въ дворцовомъ храмѣ во время утренняго богослуженія въ самый день Рождества Христова 820 г. (Заговорщики вошли подъ видомъ священниковъ и разсѣкли императора по частямъ). «Отступнику надлежало именно такимъ образомъ лишиться жизни, писалъ Θеодоръ Студитъ... обнажавшему божественные храмы надлежало въ храмѣ Господнемъ увидѣть обнаженные

противъ него мечи; разрушавшему божественный жертвенникъ слѣдовало не получить пощады у жертвенника» (484).

Были на греко-римскомъ востокѣ и кандидаты въ Равальяки—въ родѣ того монаха, который въ 871 г. бросился съ ножемъ на императора Никифора, какъ на друга еретиковъ (476). Тотъ-же духъ проявлялся по временамъ и въ самой массѣ народной. Такъ при императорѣ Анастасіѣ Диррахитѣ въ Константинополѣ было народное возмущеніе по поводу того, что императоръ будто-бы хотѣлъ, согласно обычаю восточныхъ городовъ, присоединить къ трисвятой пѣсни слова: *распныйся за ны, помилуй насъ*... Бунтовщики *требовали другаго царя римской имперіи*... сожгли домъ эксъэнарха Марина (предполагаемаго совѣтчика императора), разграбили его казну... въ домѣ Марина нашли какого-то восточнаго монаха и, схвативъ его, убили и носили голову его на копьѣ съ крикомъ: «*вотъ навѣтникъ противъ св. Тройцы*» (253).

Послѣ всего этого, кажется, ясно, что Іосифъ Волоцкій имѣлъ основаніе въ своемъ ратованіи противъ «жидовствующихъ» ссылаться на ту кровавую практику византійскую, которая вовсе однакоже не убѣждала его противниковъ, проникнутыхъ истиннымъ духомъ Христовымъ заволжскихъ старцевъ. Своего рода историческое основаніе Волоцкій игуменъ пожалуй имѣлъ и на то, чтобы въ своемъ «Просвѣтителѣ» признавать «градскій законъ» византійскихъ государей столь-же «боговдохновеннымъ», какъ каноны церковные, хотя при этомъ онъ и перетолковывалъ—искажалъ того, на кого ссылался, Никона Черногорца. Но если Іосифъ имѣлъ основанія въ *византійствѣ*, то вовсе не имѣлъ ихъ въ *церкви*, какъ исповѣдывалась она Василіями Великими, Григоріями Богословами, Іоаннами Златоустами, и продолжала исповѣдываться у насъ на Руси Ниломъ Сорскимъ, его послѣдователями заволжскими старцами и троицкимъ игуменомъ Артеміемъ.

Когда Геннадій новгородскій помогъ Іосифу тѣмъ, что сослался еще и на испанскую инквизицію, то онъ только подпустилъ въ давно намъ знакомый восточно-римскій, т. е. византійскій источникъ еще подкрѣпительную струю изъ источника западно-римскаго или папскаго. Впослѣдствіи-же изъ этого послѣдняго влились къ намъ еще и новыя струи чрезъ нѣкоторыхъ питомцевъ позднѣйшей кіевомогилянской школы, позднѣйшей Академіи. Какъ-бы искупленіемъ

этого ея грѣха и является отчасти трудъ ея современнаго намъ профессора, такъ преждевременно ею утраченнаго, трудъ, находящійся въ связи съ тою здоровою струею церковной жизни юго-западной Руси, которая сказалась тамъ въ дѣятельности церковныхъ братствъ и ея литературной защитѣ Христофоромъ Бронскимъ. Другая струя сказалась въ «Папежскомъ духѣ» Симеона Полоцкаго, даже и пробавлявшагося одною латынью, сказалась и въ написанномъ имъ отъ имени патріарха Іоакима «Жезлѣ Правленія» и въ уставѣ московской славяно-греко-латинской академіи съ ея курсами «de contractibus diabolicis» (т. е. объ истребленіи колдуновъ огнемъ и мечемъ), а равно и съ учрежденнымъ при ней инквизиціоннымъ трибуналомъ, съ его *«да сожжется»* за измѣну православію, и наказаніемъ меньшей степени, но все-же государственнымъ наказаніемъ за измѣну *латинству* (что̀ особенно замѣчательно). Не ясно-ли, что мы уже призывали къ себѣ духовныхъ Варяговъ не только чрезъ Византію, но даже и прямо изъ Ватикана. Этотъ прямой призывъ совершился на самомъ рубежѣ древней и новой Руси и въ силу его, какъ разъ передъ петровской реформой, мы стали наконецъ причастны, хотя и въ сравнительно слабой степени, такимъ мерзостямъ западной жизни, какъ кровавое истребленіе предполагаемыхъ колдуновъ и вѣдьмъ и св. инквизиція. Говорю: западной жизни вообще, такъ какъ процессы колдуновъ процвѣтали и у протестантовъ, да и инквизиціонные костры, какъ недавно напомнилъ въ своемъ отвѣтѣ В. С. Соловьеву почтенный А. А. Кирѣевъ, соблазнили-же самаго Кальвина, вслѣдствіе чего игуменъ Артемій и имѣлъ полнѣйшее основаніе проповѣдывать религіозную терпимость и лютерамъ.

Указывая намъ на необходимость живительнаго общенія съ западной церковью, насъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли, будто-бы наша русская церковь была совершенно безплодна—произвела лишь одинъ расколъ. Это самая легкомысленная напраслина про нашу святую церковь. Въ нашей церкви сохранялось такъ долго, и было заглушено только при усиленномъ приливѣ вліяній римскихъ, древнее церковное начало вѣротерпимости, издавна подавленное въ Византіи римскою-же закваскою ея государственной жизни, то начало вѣротерпимости, которое на западѣ вытекало изъ философскаго индиферентизма. Въ нашей церкви крѣпко держались преданія проповѣди

Кирилло-Меѳодіевской съ ея прямо апостольскими пріемами, которые еще такъ недавно сказались у насъ на глазахъ, въ лицѣ такого преемника цѣлаго рода святыхъ предшественниковъ, какимъ былъ въ Сибири покойный московскій митрополитъ Иннокентій. Въ нашей церкви раздался еще въ XIII в. горячій голосъ противъ избіенія колдуновъ и вѣдьмъ, во имя не какихъ нибудь доводовъ разума, а во имя человѣколюбивой боязни напрасной крови, тогда какъ на Западѣ юридическая систематизація этого дѣла оставалась предметомъ самаго человѣкоубійственнаго соревнованія между католиками и протестантами. Самъ увлекающійся виновникъ напраслины на нашу церковную жизнь и радѣтель ея обновленья при помощи Запада высказался, какъ извѣстно, однажды въ публичной лекціи противъ смертной казни—и высказался не какъ философъ, а какъ вѣрующій человѣкъ. Но вѣдь онъ въ этомъ случаѣ, на зло столь многимъ ученымъ защитникамъ смертной казни, не переводящимся и до сихъ поръ на Западѣ, только вторилъ старо-русскому князю. Этотъ старо-русскій князь, на зло византійскому праву и благодаря св. Кириллу и Меѳодію, давшимъ ему вмѣстѣ съ его народомъ непосредственный доступъ къ евангелію, умудрился сердцемъ въ свой варварскій вѣкъ до великихъ словъ: «ни права, ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити; аще будетъ и повиненъ смерти, душя-же не погубляете ни на коя-же христіаны».

Вмѣсто того, чтобы указывать нашей церкви на политическіе примѣры Гостомысла и Петра I-го, нужно только оживить въ ней ея-же собственный древній духъ—духъ, противный развившемуся въ ней отъ византійско-римской прививки «презлому осифлянству» (какъ выразился князь Курбскій). Предстоящій въ будущемъ году тысячелѣтній юбилей св. Меѳодія, скорѣе всего другаго, слѣдовало бы ознаменовать оживленіемъ духа кирилло-меѳодіевскаго, онъ-же и духъ настоящаго православія, или просто *церкви*, какъ говорилъ Хомяковъ, т. е. церкви во всей ея чистотѣ и безпримѣсности. Только на почвѣ древней соборной церкви, чуждой и папства, и цезареопапства, можетъ произойти настоящее соединеніе церквей. Всякое стремленіе согласить съ соборнымъ началомъ единоличную верховную власть надъ церковью является только возобновленіемъ тѣхъ противоестественныхъ сдѣлокъ между духовнымъ единствомъ христіанскаго міра и языческимъ началомъ міродержавства, во главѣ

которыхъ надо поставить Юстиніановскій, такъ называемый «союзъ между государствомъ и церковью».

Что такое на самомъ дѣлѣ этотъ пресловутый «союзъ», окончательно выясняется у Терновскаго во главѣ объ иконоборцахъ. Приводя мнѣніе о нихъ современнаго греческаго историка, сочувственное противодѣйствію иконоборныхъ императоровъ клерикаламъ, покойный авторъ замѣчаетъ: «старинные русскіе государи Папарригопуло не читали... тѣмъ не менѣе и они становились иногда на точку зрѣнія иконоборныхъ императоровъ. «Нигдѣ-же обрящеши, еже не раззоритися царству отъ поповъ владому», разсуждаетъ Иванъ Грозный (514). Уже въ наше время самъ Хомяковъ признавалъ императоровъ иконоборцевъ сильными ревностью и духомъ, признавалъ, что на ихъ сторонѣ были не только войско и вещественныя силы, но «едва-ли также и не чистота намѣреній». Только Хомяковъ былъ дальновиднѣе, а потому и справедливѣе современнаго греческаго историка и лично заинтересованнаго въ дѣлѣ царя Ивана Васильевича, указывая на то, что иконоборцы возставали не только противъ такъ называемыхъ «клерикаловъ», но и противъ самаго народа церковнаго, для котораго издавна «икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія», а въ темной массѣ и предметомъ идолопоклонства, въ чемъ справедливо и усмотрѣно было императорами иконоборцами уклоненіе отъ христіанства. Но ихъ ошибка, по замѣчанію Хомякова, заключалась въ томъ, что «вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властью... Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти, къ которой (безпристрастно оговаривается Хомяковъ) оно само часто беззаконно прибѣгало»... «Во всемъ движеніи иконоборства, продолжаетъ нашъ неумытный въ своемъ судѣ историкъ, выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святыню государства выше святыни церкви» (Соч. Хомякова IV, 605). Въ такомъ-же духѣ, какъ видѣли мы, императоры нерѣдко поступали и прежде не безъ своего рода поощренія со стороны самаго искавшаго въ нихъ духовенства; но въ вопросѣ о почитаніи иконъ, они—и къ тому-же самые энергичные и талантливые изъ нихъ, зашли уже такъ далеко, что вызвали наконецъ отпоръ духовенства, сильнаго

тѣмъ, что оно опиралось на церковный народъ. Въ сущности и Терновскій смотрѣлъ совершенно также, не соглашаясь съ греческимъ историкомъ во мнѣніи, будто-бы окончательная побѣда государственной власти надъ церковною обезпечила-бы Византіи долгое и счастливое будущее. «Мы русскіе, говоритъ онъ, пережившіе реформу Петра, знаемъ, что и превращеніе церкви въ *вѣдомство православнаго исповѣданія* имѣетъ тоже нѣкоторыя неудобства». (507). Взаимныя «наскакиванія» —кто кого перетянетъ—вотъ къ чему всегда сводился и не могъ не сводиться такъ называемый только «*союзъ государства съ церковью*».

Между тѣмъ его, повидимому, принимаетъ за чистую монету и ставитъ это выраженіе безъ кавычекъ, вовсе не ссылаясь на его изобрѣтателя Юстиніана, авторъ той диссертаціи, недавно защищавшейся въ петербургской духовной академіи, о которой уже говорено было выше. Но въ ней-же и оказывается, что «способъ обнаруженія вліянія какъ съ той, такъ и съ другой стороны во многихъ случаяхъ шелъ въ разрѣзъ съ каноническими правилами, неканоничность его признавалась и высказывалась современниками, тѣмъ не менѣе фактъ продолжалъ существовать». Но если такъ, то зачѣмъ же и называть «союзомъ» то, что на самомъ дѣлѣ заключалось во взаимныхъ *наскакиваніяхъ*, въ силу чего этотъ фактъ и являлся не каноничнымъ, тогда какъ настоящій *союзъ* или *миръ*, въ смыслѣ воздаванія *божьяго Богу и кесарева Кесарю*, признанъ и узаконенъ самимъ Христомъ.

До особаго рода *союза*, яко-бы способнаго водворить въ христіанствѣ миръ, договорился В. С. Соловьевъ въ одной изъ своихъ статей въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества» (Іюнь). Это союзъ между императоромъ и самимъ папою, иначе между Византіей и Римомъ. Пріемъ, придуманный для этого г. Соловьевымъ, заключается въ томъ, что какъ папа, такъ и императоръ, производятся имъ непосредственно отъ самаго Христа—папа отъ его первосвященническаго, императоръ отъ его царственнаго значенія. Но вѣдь подобнаго рода мірской дѣлежъ духовныхъ функцій Спасителя міра на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ безсознательное, но тѣмъ не менѣе возмутительное кощунство. Впрочемъ со стороны г. Соловьева это вполнѣ логично: признавая необходимость единоначалія съ точки зрѣнія римской, онъ долженъ его признать и съ точки зрѣнія

византійской—потому что она та-же римская, одинаковымъ образомъ унаслѣдованная отъ *Рима языческаго.* Безсознательно г. Соловьевъ, подъ вліяніемъ, надо думать, ловко напущеннаго на него со стороны тумана, святотатственно совершаетъ подмѣнъ языческаго Рима Христомъ, какъ мнимымъ источникомъ того мірскаго единовластія, безъ котораго будто-бы не можетъ обойтись церковь. Нашъ вѣрующій философъ, къ великому прискорбію своихъ искреннихъ почитателей, обнаруживаетъ жалкое невѣріе въ то единство возрожденнаго во Христѣ человѣчества, котораго, по словамъ Терновскаго, не зналъ языческій міръ—единство духовное, братское, единство свободной вселенской общины, крѣпкою связью которой является непосредственно самъ Христосъ. Бѣдный В. С. Соловьевъ, все болѣе и болѣе увлекается какою-то злою силою по пути Чаадаева [1]). Онъ никакъ не хочетъ понять, что столь справедливо огорчающее его раздѣленіе во вселенской церкви именно тѣмъ-то и причинено, что она издавна уже перестала полагаться на силу самаго духа Христова, а захотѣла матеріализовать эту силу въ унаслѣдованныхъ отъ языческаго міра двухъ видахъ единоначалія—папѣ и императорѣ, которые такъ долго тягались между собою изъ за власти, но нашли наконецъ своего миротворца въ лицѣ г. Соловьева. Не желая понять, что вся бѣда церкви въ неосиленномъ сю до конца *язычествѣ*, г. Соловьевъ при всемъ своемъ ратоборствѣ за христіанство въ средѣ философовъ, *язычествуетъ.* Нѣчто подобное произошло въ свое время съ Іосифомъ Волоцкимъ. Онъ, какъ извѣстно, всю свою дѣятельность направлялъ противъ *жидовствующихъ,* а заволжскіе старцы, видя, что онъ не только ихъ обличаетъ, но и стремится ихъ истребить, какъ Илья истребилъ жрецовъ Вааловыхъ, указывали ему на то, что чуждый духу новозавѣтной любви онъ и самъ *субботствуетъ.* Не худо-бы г. Соловьеву, вмѣсто того, чтобы къ удовольствію многихъ чужанъ принижать нашу церковь,—вспомнить этотъ поучительный примѣръ изъ ея исторіи.

Кое чему могъ-бы онъ научиться и у раскола—этого, по его словамъ, единственнаго плода нашей многовѣковой церковной жизни. Онъ могъ-бы научиться у его послѣдователей цѣнить соборное на-

---

[1]) Наконецъ-то появилось въ «Русскомъ Архивѣ» отвѣтное письмо къ нему Пушкина, объ открытіи котораго въ бумагахъ ходилъ уже слухъ.

чало, «вѣрить въ которое, по словамъ г. Соловьева, никто не обязанъ» Дѣло въ томъ, что соборъ для него—это только епископскій сонмъ или синодъ, и онъ не хочетъ знать о служащемъ окончательною санкціею для соборовъ единодушномъ признаніи ихъ міромъ—народомъ церковнымъ. Въ этомъ-то церковномъ единомысліи—порожденіи братскаго согласія и любви и заключается, какъ училъ Хомяковъ, то «непремѣнное ручательство истины», которое вовсе уже не нуждается въ единоличной санкціи христіанскаго первосвященника или христіанскаго царя.

Въ письмѣ своемъ въ редакцію «Извѣстій славянскаго общества» въ отвѣтъ на возраженія г. Кирѣева (въ іюльскомъ №) г. Соловьевъ уже прямо становится на противоположную точку зрѣнія, находя «страннымъ» то понятіе, по которому «существованіе церкви обусловлено, какъ онъ выражается, правомъ всѣхъ мірянъ подавать свой рѣшающій голосъ въ церковныхъ дѣлахъ». Это нѣсколько напоминаетъ то, что было замѣчено покойнымъ митрополитомъ Макаріемъ въ его «Исторіи русской церкви» относительно защиты Христофоромъ Бронскимъ широкаго значенія юго-западныхъ братствъ. Только покойный церковный историкъ все-же не рѣшился признать учатіе въ дѣлахъ вѣры мірянъ за «прямое отрицаніе церкви», какъ выразился г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ. Употребивъ слово *право*, онъ придалъ всему дѣлу особый юридическій оттѣнокъ, вовсе не существующій у Хомякова. Это смущающее г. Соловьева *право* всѣхъ мірянъ, по дальнѣйшему ложному толкованію имъ того «страннаго» понятія, на которое онъ возстаетъ, заключается въ томъ, что они могли подавать свой рѣшающій голосъ на вселенскихъ соборахъ чрезъ епископовъ, какъ своихъ уполномоченныхъ». Между тѣмъ у Хомякова (которому въ сущности и возражаетъ г. Соловьевъ, только не рѣшается возражать прямо) дѣло представляется далеко не такъ. «Соборъ, говоритъ онъ, былъ не власть, а голосъ... Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства»[1]). То есть такъ оно было *въ принципѣ* на христіанскомъ востокѣ. Чистота принципа на дѣлѣ могла нарушаться принудительнымъ вмѣшательствомъ въ область соборной жизни ви-

[1]) Соч. Хомякова, т. IV, стр. 552 и 555.

зантійскихъ императоровъ, но такое вмѣшательство церковью никогда не признавалось за *право*. На западѣ дѣло вообще представлялось въ иномъ видѣ—съ тою примѣсью *юридическихъ* понятій, которая сказалась и въ образѣ выраженія западничествующаго г. Соловьева. «На западѣ, говоритъ Хомяковъ, тѣ-же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на западѣ приговоромъ» (стр. 707). И это-то и имѣло тѣ послѣдствія, которыми соблазняется г. Соловьевъ. «Западъ, договариваетъ тотъ-же Хомяковъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу—владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ»... (957). Вотъ какимъ образомъ выражается по поводу этого г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ: «Католики, признающіе въ папѣ видимаго главу своей церкви, не могутъ отдѣлять его отъ этой церкви, ибо это по ихъ понятіямъ значило-бы обезглавить церковное тѣло». Но онъ въ своемъ качествѣ вселенскаго миротворца держится правила: «suum cuique». Сочувствуя папѣ, онъ готовъ сочувствовать и императору. Въ этомъ послѣднемъ, по словамъ В. С. Соловьева, «восточное христіанство сосредоточило свое единство, его единовластію оно предоставило внѣшнее представительство церкви, признавъ императора «наружнымъ архіереемъ», какъ называлъ себя Константинъ Великій». Г. Соловьевъ считаетъ необходимымъ этотъ принципъ, говоря: «въ области церковно-политической мы стоимъ за самостоятельную власть христіанскаго царя и его особое значеніе въ церкви. Но у него не видно, чтобы этотъ принципъ былъ единодушно признанный церковью догматъ; г. Соловьеву какъ будто-бы хочется обратить его въ догматъ—тогда-бы вышло совсѣмъ ужъ по римски—императоръ окончательно сталъ-бы противнемъ папы. И тутъ опять тому, кто корилъ нашу церковь порожденнымъ ею расколомъ, не худо-бы вслушаться въ отзвукъ древне церковныхъ воззрѣній, уцѣлѣвшій въ тѣхъ словахъ, съ какими обратился протопопъ Аввакумъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу: «дитятко красное церковное». Настоящія христіанскія отношенія царя къ церкви—отношенія сыновнія: царь въ ея глазахъ тотъ старшій сынъ, на котораго воз-

лагаетъ она усиленныя заботы о благополучіи прочихъ своихъ дѣтей. Въ первоначальной церкви общее благополучіе достигалось тѣмъ, что у многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее... Не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду»[1]). Такимъ образомъ постоянно творилось, такъ сказать, чудо умноженія хлѣбовъ—въ томъ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ обобщаетъ его гр. Л. Н. Толстой[2]). Количество достоянія въ христіанской общинѣ оставалось тоже, что и до крещенія ея членовъ, но этого достоянія хватало теперь на всѣхъ. Но по мѣрѣ того, какъ христіанская община все болѣе и болѣе обращалась въ цѣлый христіанскій міръ при помощи тѣхъ государственныхъ поощрительныхъ преимуществъ, на пагубность которыхъ указываетъ Терновскій, то тѣмъ самымъ стала поддерживаться въ новокрещенныхъ мѣшающее имъ вполнѣ возлюбить ближняго старое языческое стремленіе къ большому куску для себя—и то нравственное чудо, въ силу котораго наличнаго хлѣба всегда достаетъ на всѣхъ, становилось опять не возможнымъ. Но тутъ-то и открывалось передъ христіанскимъ царемъ, если онъ дѣйствительно былъ сыномъ церкви, задача возможнаго исправленія, при помощи государственной власти, того общественнаго зла, которое вызвано было въ христіанскомъ мірѣ вмѣшательствомъ того-же государственнаго начала. И нѣкоторые изъ византійскихъ царей въ самомъ дѣлѣ являлись «красными дитятками церковными», когда заглаживали грѣхи своихъ предшественниковъ тѣмъ, что умѣряли и ограничивали рабство, развивали и ограждали крестьянскую собственность, благопріятно встрѣчали ту «варвар-

---

[1]) Дѣяній апост. гл. IV, стр. 32, 34 и 35.

[2]) Ссылаясь на неизданное, но столь многимъ уже извѣстное сочиненіе нашего знаменитаго писателя, я далекъ отъ того, чтобы соглашаться съ его чисто произвольными отношеніями къ Евангелію. Мнѣ только кстати припомнилось его глубокомысленное символизированіе чуда умноженія хлѣбовъ. Символизированіе евангельскихъ фактовъ само по себѣ, какъ извѣстно, составляетъ пріемъ далеко не новый и нерѣдко употреблявшійся церковными писателями. Намъ русскимъ достаточно вспомнить при этомъ Кирилла Туровскаго.

скую», съ классической точки зрѣнія, стихію славянскую, отъ притока которой въ восточной имперіи завелось и поддерживалось тѣми-же императорами противодѣйствующее общественному неравенству общинное устройство. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ иконоборцевъ оказали болѣе услугъ церкви, чѣмъ цѣлое множество императоровъ, строго православныхъ въ своемъ догматствованіи. «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ и нашъ Мономахъ, когда внушалъ своимъ дѣтямъ: «вдову и сироту оправдите сами и не вдавайте сильнымъ погубити человѣка». Преимущественно передъ всѣми византійскими государями «дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ тотъ-же старорусскій князь, когда тѣмъ-же своимъ дѣтямъ внушалъ: «ни права, ни крива не убивайте», не смотря на то, что пришлое къ намъ изъ Греціи духовенство старалось убѣдить еще равноапостольнаго Владиміра, что вовсе не грѣхъ казнить смертью разбойниковъ. Въ этомъ случаѣ духовенство руководилось византійскими государственными воззрѣніями, а князья Владиміръ святой и Владиміръ Мономахъ въ своемъ страхѣ пролитія всякой крови руководились тѣмъ чистымъ церковнымъ началомъ, которымъ руководился еще и царь Иванъ Васильевичъ III, такъ долго колеблясь казнить смертью еретиковъ, не смотря на внушенія Волоцкаго игумена съ его мнимой, «боговдохновенностью» гражданскаго закона, и новгородскаго архіепископа съ его примѣромъ «испанскаго короля». «Дитятками красными церковными» были московскіе государи и тогда, когда сами выступали истцами за загубленнаго господиномъ крестьянина, если у него не оказывалось близкой родни, вообще допускали право жалобы крестьянъ на своихъ господъ, отмѣненное только при либеральной ученицѣ французскихъ энциклопедистовъ Екатеринѣ II [1]). «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ наконецъ и государь Александръ Николаевичъ, являясь, по многосказавшимъ словамъ своего воспитателя-христіанина, «человѣкомъ на

---

[1]) Намъ между тѣмъ недавно опять прожужжали уши о томъ, какъ мы имъ обязаны, по поводу юбилея Дидро! Впрочемъ нѣкоторые утверждаютъ, будто право жалобы отнято еще уложеніемъ Алексѣя Михайловича (перетолковывая его), тогда какъ на это право указываетъ самъ враждебный московскимъ порядкамъ Котошихинъ.

тронѣ», потому-то и рѣшившимъ заставить господъ отказаться отъ человѣкоубійственнаго крѣпостнаго права, тогда какъ по философскимъ воззрѣніямъ Вольтера, ихъ можно было только *пригласить* это сдѣлать, но никакъ *не заставить*.

Такіе высокіе образцы воплощенія истиннаго союза церкви съ государствомъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимался онъ вселенскими учителями церкви, даетъ намъ наша собственная исторія. Какъ далеко отступаютъ отъ нихъ всякіе нынѣшніе ученые толки о «союзѣ государства съ церковью» въ юстиніановскомъ смыслѣ и необходимости окончательнаго сочетанія Византіи съ Римомъ! Мы впрочемъ не сомнѣваемся, что если-бы этимъ толкамъ суждено было перейти когда-либо въ дѣло, они могли-бы развѣ обратить насъ въ повальное бѣгство—но окольнымъ путемъ въ папскій Римъ, со всѣми его мірскими сквернами, а прямымъ возвратнымъ путемъ въ лоно древней апостольской церкви.

Ор. Миллеръ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА.

ВОЕННОЕ ПОСЕЛЕНІЕ КАВАЛЕРІИ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ И ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Помѣщаемый ниже краткій очеркъ исторіи военныхъ поселеній въ Новороссіи имѣетъ извѣстную цѣну, какъ историческій матеріалъ, представляя воспоминанія человѣка, десять лѣтъ прослужившаго подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Витта, командира 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса. Первоначально артиллеристъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко въ 1818 г. былъ зачисленъ по кавалеріи съ назначеніемъ въ 3-й резервный корпусъ во фронтъ; въ 1823 году графъ Аркачеевъ, главный начальникъ по военнымъ поселеніямъ, назначилъ Андрея Яковлевича въ штабъ начальника военнаго поселенія въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, на мѣсто маіора Гончарова, удаленнаго отъ должности за злоупотребленія по службѣ и въ особенности казенными суммами. Одновременно съ назначеніемъ Андрей Яковлевичъ получилъ отъ графа Аракчеева инструкцію, указывавшую ему, съ чего онъ долженъ былъ начать исполненіе новой его должности, и характеризующую до нѣкоторой степени самаго Аракчеева и его отношенія къ излюбленному его дѣтищу—военнымъ поселеніямъ. Инструкція начинается слѣдующимъ рядомъ вопросовъ, на которые Аракчеевъ обращаетъ вниманіе вновь назначеннаго штабъ-офицера.

«1) Всѣ-ли дѣла въ сохранности и нѣтъ-ли утерянныхъ бумагъ?

2) Учрежденъ-ли Архивъ, сданы-ли дѣла прежнихъ лѣтъ въ оный и въ должномъ ли порядкѣ?

3) Со времени утвержденія образованія дивизіоннаго штаба, исполняется-ли порядокъ въономъ предписанный по всѣмъ частямъ управленія?

4) Чиновники, утвержденнымъ штатомъ назначенные, при тѣхъ-ли должностяхъ, кои имъ опредѣлены?

5) Какія именно дѣла остаются не исполненными, разумѣя, какъ предписанія мои, такъ и представленія къ генералъ-лейтенанту графу Витту сдѣланныя и по какой причинѣ?

6) Въ какомъ положеніи типографія и наблюдается-ли тотъ порядокъ, который для нея въ образованіи предписанъ?

7) Нѣтъ-ли какихъ безпорядковъ вообще по управленію штаба, въ чемъ именно они заключаются и кто онымъ виновенъ?»

«Приведя все въ извѣстность, продолжаетъ Аракчеевъ, извольте мнѣ донести по каждому вопросу здѣсь предложенному, имѣя въ виду, что я требую ясность и прямое изложеніе истины безъ всякихъ лишнихъ оговорокъ. При чемъ приложите реестръ не рѣшеннымъ дѣламъ съ означеніемъ, пріемлете-ли вы на себя окончаніе оныхъ, и къ какому именно времени, и вообще приведеніе въ порядокъ упущеній, ежели бы таковыя существовали».

«Маіору-же Гончарову, заключалъ строгій начальникъ, исправляющему нынѣ должность дежурнаго штабъ-офицера, вы обязаны дать въ пріемѣ штаба письменное свидѣтельство, и въ свидѣтельствѣ семъ означить всѣ неисправности, какія окажутся по дѣламъ штаба, а мнѣ представить съ онаго копію.—Послѣ сего все то, что означено будетъ въ выданномъ вами свидѣтельствѣ, останется уже на вашей отвѣтственности и взыщется съ васъ однихъ по законамъ».

Инструкція дана въ Харьковѣ.

Однимъ изъ первыхъ приказаній графа Витта его новому штабъ офицеру было арестовать маіора Гончарова и отправить его въ Петербургъ на судъ. Гончаровъ обвинялся главнымъ образомъ въ растратѣ или лучше сказать въ присвоеніи 229,695 руб. казенныхъ денегъ. Въ сохранившейся по этому дѣлу перепискѣ между имъ и графомъ Виттомъ оба они взаимно уличаютъ другъ друга въ злоупотребленіяхъ. Въ одномъ изъ писемъ Гончаровъ утверждаетъ, что отчетъ о суммѣ на одинъ милліонъ пятсотъ семьдесятъ три тысячи рублей, находившейся въ распоряженіи графа Витта, сдѣланъ неправильно, безъ доказательствъ и «нѣтъ полныхъ на расходъ сей документовъ». «Я оный подписалъ, пишетъ онъ Витту, изъ одного только къ вамъ уваженія, хотя и зналъ всю сего отчета слабую силу къ увѣренію начальства въ истинномъ расходованіи столь значительной суммы; поступокъ таковой должно почитать уже свыше погрѣшности... и я полагаю, что вы не были-бы изъяты отъ отвѣтственности, предписанной воинскимъ уставомъ, если-бы я оффиціально довелъ это до свѣдѣнія начальства».

Въ 1830 г. Андрей Яковлевичъ Стороженко былъ назначенъ членомъ аудиторіата главнаго штаба по военному поселенію и въ концѣ того-же года за «усердіе къ службѣ» получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитета составленія штатовъ. Начальникъ главнаго штаба военныхъ поселеній Клейнмихель поручилъ Андрею Яковлевичу разсмотрѣть, исправить и дополнить сочиненіе полковника Бобинскаго: «Искусство верховой

ѣзды». Это порученіе было выполнено съ успѣхомъ и доставило исполнителю похвалу и награду.

Въ «Запискахъ» своихъ Андрей Яковлевичъ нѣсколько рѣзко говоритъ о дѣятельности графа Аракчеева, но, какъ онъ самъ оговаривается въ концѣ Записокъ, это не «желчь человѣка, котораго онъ (Аракчеевъ) гналъ, а безпристрастное отношеніе лица, близко знавшаго дѣятельность Аракчеева по отношенію къ военныхъ поселеніямъ». Къ сожалѣнію, до насъ не дошли собственноручныя письма Аракчеева, о которыхъ упоминаетъ авторъ помѣщаемыхъ за симъ «Запискахъ».

Н. С—ко.

Я не пишу исторіи военныхъ поселеній вообще, ни отдѣльно такъ называвшагося военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній при началѣ его; но излагаю о послѣднемъ то, что врѣзалось въ моей памяти.

Мысль императора Александра о военныхъ поселеніяхъ въ Россіи имѣла основаніями сбереженіе расходовъ на войско и водвореніе воиновъ въ нѣдрахъ семействъ своихъ.

Примѣры этому мы читаемъ въ исторіи Рима; видимъ въ австрійскихъ провинціяхъ, на границахъ имперіи отъ востока. Были военныя поселенія также и у насъ въ новороссійскомъ краѣ, обращенныя потомъ въ крестьянскій бытъ. Въ послѣдствіи-же, еще предъ 1812 годомъ вновь поселенъ у насъ, въ видѣ опыта, баталіонъ елецкаго пѣхотнаго полка уже въ могилевской губерніи, въ мстиславскомъ уѣздѣ.

По какой причинѣ избрана для сего Бѣлоруссія, страна бѣдная во всемъ,—мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что при всѣхъ иждивеніяхъ правительства, при всѣхъ усиліяхъ поселеннаго начальства завести тамъ хлѣбопашество, разчистить и удобрить для этого поля, завести скотоводство, не удавалось. Знаю также и то, что военные въ Бѣлоруссіи поселяне всегда нуждались въ пропитаніи и не могли-бы даже существовать безъ казенной помощи, между тѣмъ какъ дома для нихъ и необходимыя для управленій помѣщенія дорого стоили, не говоря уже о напрасныхъ издержкахъ, происходившихъ отъ перемѣнъ въ распоряженіяхъ.

Почти во всей Бѣлоруссіи тощая, песчаная почва земли покрыта камнями. Чтобы очистить отъ нихъ пашни для военныхъ поселянъ,

приказано было собирать и отвозить камни въ довольно отдаленныя мѣста; —дѣлалось это наймомъ. Въ послѣдствіи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось развить хлѣбопашество, вздумалось выстроить всѣ штабные строенія. Для фундаментовъ потребовались камни; а какъ они были свезены какъ выше сказано, то опять нанимались и люди и подводы, перевозить ихъ на прежнее мѣсто.

Такія и подобныя симъ перевозки и переноски строеній обходились дорого; за всѣмъ тѣмъ, однакожъ, главный надъ военными поселеніями начальникъ графъ Аракчеевъ, въ годовыхъ отчетахъ, объявляемыхъ печатными приказами, всегда хвалился сбереженіемъ казны и дѣлаемою имъ экономіею противу смѣтъ, имъ-же самимъ утверждаемыхъ.

О такаго рода сбереженіяхъ, или капиталахъ я скажу ниже; теперь-же, чтобы не прерывать предпринятаго мною разсказа о кавалерійскихъ поселеніяхъ въ ново-россійскомъ краѣ, коснусь только о поселеніяхъ вообще.

Нашествіе французовъ разрушило поселеніе елецкаго баталіона.

Послѣ Вѣнскаго конгреса, 1815 года, Государь снова обратился къ рѣшительной дѣятельности по водворенію войскъ на постоянныхъ жилищахъ въ опредѣленныхъ для сего округахъ.

Говорятъ, что бывшій наставникомъ его, извѣстный Лагарпъ, первый подалъ ему идею столь обширнаго и благодѣтельнаго во многихъ видахъ предпріятія. Миръ Европы дозволялъ начать, или лучше продолжать оное.

Выполненіе задуманнаго плана поручено было всесильному довѣріемъ Государя, крутому дикою волею, неутомимому графу Аракчееву, и поселеніе въ новогородской губерніи началось пѣхотнымъ полкомъ его имени.

У меня есть печатная тетрадка, на заглавномъ листѣ коей вытиснено: „Положеніе о поселеніи одного пѣхотнаго баталіона.—*Здѣлано въ селѣ Грузинѣ;—на рѣкѣ Волховѣ*". Тетрадка эта начинается знакомъ параграфа съ № 1-мъ тако:

§ 1-й. »Военный поселянинъ есть хозяинъ дома и земли; а дабы отличить прилежнаго отъ нерадиваго, послѣдній, по удостовѣренію

«главнаго надъ военными поселеніями начальника, лишается всей на-«житой имъ собственности и ссылается въ Сибирь на поселеніе».

Это написано самимъ графомъ Аракчеевымъ; изъ сего можно заключить какъ о степени образованія его, такъ и о мѣрахъ, какія онъ принималъ по данной ему неограниченной власти.

Дѣянія графа Аракчеева описаны мною особо, при чемъ приложены какъ упоминаемая здѣсь тетрадка, такъ и другіе факты, а сверхъ того весьма любопытный литературный журналъ, издававшійся при новогородскомъ военномъ поселеніи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа Аракчеева.

Журналъ этотъ по статьямъ своимъ, безграмотности писавшихъ ихъ, есть диво дивное въ современную намъ эпоху, и еслибъ онъ не былъ печатный, подобно тетрадкѣ, сдѣланной въ селѣ Грузинѣ, на рѣкѣ Волховѣ, то конечно никто-бы не повѣрилъ существованію его.

Приступимъ теперь къ предмету, который я намѣренъ представить въ краткихъ очеркахъ.

Военное поселеніе въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ началось двумя уланскими дивизіями, украинскою и бугскою, состоявшими подъ командою генералъ-лейтенанта графа Вита, и тотчасъ поступило подъ главное начальство графа Аракчеева.

Полки украинской дивизіи были до того козачьими, сформированными по проэкту графа Вита на Украйнѣ въ войну 1812 года.

Въ составъ полковъ бугской дивизіи поступило по три эскадрона изъ этихъ полковъ украинскихъ, другая-же половина пополнена бугскими козаками, издавна обитающими по рѣкѣ Бугу, кои имѣли своего войсковаго атамана и правленіе, подобное установленному въ донскомъ войскѣ.

Въ украинскіе полки также поступили для приведенія ихъ въ комплетное состояніе часть бугскихъ козаковъ, жившихъ на границѣ кіевской губерніи, въ Чернолѣсѣ, по рѣкамъ Тясминѣ и Синюхѣ, и жители поселенныхъ прежде бывшихъ гусарскихъ полковъ, нерегулярныхъ, обращенныхъ потомъ въ регулярные.

Бугскіе козаки, служившіе въ войны турецкую и французскую и привыкшіе къ вольной козацкой жизни, бунтовались при переименованіи

ихъ въ уланы; не были довольны тѣмъ и свободные поселяне, помнившіе свое гусарство.

Надобно было укротить неповиновеніе доказывающихъ древнія права свои и привилегіи, выслуженныя ими на войнахъ, для чего необходимы были строгія мѣры, коими укрощено наконецъ буйство этой вольницы. Такія мѣры всегда бываютъ неразлучны съ примѣрными наказаніями виновныхъ.

Признаваемыхъ зачинщиками неповиновенія гоняли сквозь строй; многіе, въ томъ числѣ штабъ и оберъ-офицеры бывшаго бугскаго войска сосланы въ Сибирь, что хотя прекратило сопротивленіе явное, но не могло расположить умы въ пользу военныхъ поселеній. Смуты, страхъ, недовѣрчивость изображались на физіономіяхъ мрачныхъ, проклинавшихъ въ тайнѣ уланщину.

Новое поселеніе раздѣлялось на округи полковъ, коимъ даны были Высочайшія грамоты, заключающія въ себѣ благодѣтельную мысль Государя: что округу военныхъ поселянъ даются земли имъ занимаемыя со всѣми угодіями; что жители округа не будутъ платить никакихъ государственныхъ податей, а только содержать будутъ водворяемый въономъ полкъ, который укомплектовываться будетъ впредь изъ жителей округа, и со временемъ въ составъ его войдутъ сыны и внуки поселянъ настоящихъ хозяевъ; слѣдовательно, состоящіе на службѣ не будутъ разлучаться съ семействами своими, среди коихъ пріобрѣтутъ успокоеніе и призрѣніе въ старости.

Эти простыя основанія военныхъ поселеній требовали благоразумнаго развитія ихъ; требовали отъ мѣстнаго начальства самоотверженія, постоянныхъ трудовъ, добра нравственнаго, совѣстливой отчетливости въ дѣйствіяхъ и твердой воли на пути ведущемъ къ прямой цѣли; начальникъ долженъ былъ подавать собою примѣръ подчиненнымъ, начинавшимъ новое для каждаго изъ нихъ дѣло.

У насъ едва-ли не всё зависитъ отъ командира; честность и благодушіе его разливаются на помощниковъ и нисходятъ до вахмистра поселеннаго эскадрона.

Въ исполненія службы военной необходимъ строгій порядокъ, дисциплина и точность; въ исполненіи-же семейныхъ и хозяйственныхъ

обязанностей сверхъ того нужна еще и снисходительность управляющаго поселянами, хотя они и называются военными.—Хозяйство не фрунтъ. Послѣдній имѣетъ на все установленныя правила, а первое можно подчинить имъ только приблизительно.

Хлѣбопашецъ пріобрѣтаетъ нужныя ему свѣдѣнія изъ преданій, изъ собственныхъ опытовъ, коихъ строевые офицеры, вышедшіе съ полками на поселеніе, имѣть не могли, равно какъ не имѣло ихъ и высшее начальство; слѣдовательно все относящееся къ хозяйству шло на обумъ. Поелику же наружный порядокъ и устройство гораздо легче, нежели внутреннее распоряженіе, то и начали рыть каналы, проводить дороги, дѣлать мостики, красить ворота, устраивать по одному образцу плуги, воловую упряжь, бороны и проч.

Работы эти производились военными поселянами, хозяевами, кои отрывались отъ хлѣбопашества, теряли охоту къ домоводству, ожидали безпрестанныхъ перемѣнъ и не были увѣрены въ своей собственности.

Выгоды военнаго поселенія кавалеріи весьма просты. Положимъ, какъ это и предполагалось, что полковой округъ военнаго поселенія заключалъ въ себѣ 7,000 душъ мужескаго пола. Казенныя подати, по 10 руб. съ души, составляютъ 70,000 руб., продовольствіе людей и лошадей въ полку, по сложнымъ справочнымъ цѣнамъ, стоитъ казнѣ 160,000 р.; а какъ округъ продовольствуетъ полкъ, то, по простому разсчету, казна имѣетъ выгоды 90,000 р. въ годъ отъ округа.

Въ послѣдствіи времени признано нужнымъ имѣть въ округѣ 10,000 мужескаго пола, дабы онъ могъ снабжать полкъ и людьми для укомплектованія его. И тутъ казна имѣетъ выгоды 60,000 р. отъ округа, не говоря о другихъ оброчныхъ статьяхъ, напримѣръ о рыбныхъ ловляхъ, перевозахъ, мельницахъ и проч.—Дѣло кажется ясное; но вышло иначе.

Тотчасъ по вводѣ полковъ въ округи предписано было составить изъ осѣдлыхъ поселянъ три поселенные эскадрона, въ кои поступили хозяева, три резервные эскадрона изъ помощниковъ ихъ, и

устроить кантонистскіе эскадроны изъ мальчиковъ отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ.

Всѣхъ этихъ людей приказано обмундировать и вооружить, что повело къ издержкамъ. Сверхъ того предписано было строить полковые штабы и комитеты, манежи, цейхаузы и тому подобныя строенія; это усугубило иждивеніе, конечно далеко превышающее сбереженіе отъ продовольствія полковъ. Нужны-ли были такія постройки или нѣтъ, тутъ дѣло условное; но обмундировывать и вооружать цѣлую популяцію,—кажется, нужды не было, въ чемъ черезъ 10 лѣтъ само правительство удостовѣрилось. Между тѣмъ сколько горя, сколько палокъ перенесли бѣдные люди, на коихъ натянули узкіе мундиры и давъ имъ сабли, пики и пистолеты, учили стойкѣ, маршированію и какъ употреблять оружіе, могшее обратиться въ послѣдствіи и для собственной ихъ защиты.

Впрочемъ люди привыкаютъ ко всему; самыя невыгоды усвоиваются до того, что, какъ говорятъ старо-служивые, когда у гусаръ отмѣняли длинные, по большей части прививаемые на вискахъ локоны, они обрѣзывали ихъ со слезами. Такъ было, если вѣрить разсказамъ, и съ пудрою; подобное тому я самъ видѣлъ и въ военномъ поселеніи.

Послѣ отмѣны обмундированія и вооруженія, объѣзжая округи, я перемѣнялъ лошадей въ Ровномъ. Селеніе это имѣетъ болѣе 2,000 душъ; оно состоитъ въ округѣ бывшаго 1-го украинскаго уланскаго полка. Пока закладывали мнѣ лошадей близъ эскадроннаго комитета, собралось туда много поселянъ-хозяевъ; я разспрашивалъ ихъ съ обыкновеннымъ моимъ участіемъ о хозяйствѣ, объ урожаяхъ; спрашивалъ, довольны-ли они своимъ положеніемъ, нѣтъ ли жалобъ, просьбъ, и всѣ они единогласно просили меня объ одной милости: оставить молодымъ парнямъ мундиры, ибо въ мужицкомъ де платьи и потанцовать какъ-то не ловко, да и дѣвки не такъ то любятъ.

Я сказалъ выше, что все зависитъ отъ начальника. Если-бы графъ Витъ, введя полки въ свои округи и нашедши изобиліе во всемъ, пріобрѣтенное въ привольной ихъ жизни, устремилъ вниманіе на часть хозяйственную, то она пошла-бы самымъ удовлетворитель-

нѣйшимъ образомъ. Но поселеніе казалось ему забавою, наружное устройство—дѣломъ.

Напримѣръ: велѣно было бѣлить не только избы, обмываемыя безпрестанно дождемъ, но даже заборы и хлѣвы; велѣно было по сигнальной трубѣ, чтобы каждый хозяинъ, его помощникъ и кантонисты становились во фрунтъ передъ своими домами при проѣздѣ начальника.

Предписано было устроить полковыя и эскадронныя школы для обученія кантонистовъ, то есть всѣхъ мальчиковъ безъ изъятія: читать, писать, арифметическимъ правиламъ и вытверживать на память такое множество пунктовъ, относящихся къ субординаціи, въ томъ числѣ всѣ Суворовскія поговорки, что дѣти были совершенно отрываемы отъ хозяйства, ни въ чемъ не помогали родителямъ, отвыкали отъ самыхъ необходимыхъ трудовъ хлѣбопашества.

Наконецъ заведены были женскія школы. Дѣвчонокъ одѣли въ круглыя платья полковаго цвѣта, и военныя дамы сдѣлались директрисами этихъ институтовъ.—Матери плакали, посылая дѣвокъ въ школу; и было чего, ибо кончившая ученіе приносила въ домъ не помощь, а развратъ и непослушаніе власти родительской.

Полковые командиры изъ угожденія высшему начальству выдумывали разныя продѣлки съ кантонистами. Учили ихъ карусельной ѣздѣ, на маленькихъ лошадяхъ, для сего именно покупаемыхъ; а бригадный генералъ, управлявшій потомъ округами кирасирскихъ полковъ, Степанъ Семеновичъ Храповицкій простеръ угожденіе себѣ и туманеніе начальства до такой степени, что его кантонистская школа въ Елисаветградѣ знала не только всѣ стихотворенія, а особенно басни, написанныя нашими писателями, но могла состязаться съ любымъ кадетскимъ корпусомъ въ свѣдѣніяхъ математическихъ, кои самому Храповицкому извѣстны были только какъ номенклатура наукъ, о которыхъ онъ читалъ въ журналахъ.

Графъ Витъ восхищался всѣмъ этимъ. Храповицкій, въ видѣ нечесаннаго сибарита, въ халатѣ и порткахъ, встрѣчалъ его кантонистскою поэзіею, и не вылазя изъ костюма, представлявшаго лѣнь олицетворенную въ немъ, получалъ награды за отличіе по службѣ. Правда, иногда надѣвалъ онъ предъ графомъ Витомъ мундирный сюртукъ,

когда сей послѣдній пріѣзжалъ къ нему съ Собанскою (?); но предъ фрунтомъ я никогда его не видывалъ.

Графъ Витъ производилъ самъ баталіонныя ученія кантонистамъ, подкомандным Храповицкому, коими командовали тѣ же кантонисты. Прошу-же заставить послѣ того 14-лѣтняго баталіоннаго командира работать въ полѣ, а математика пасти скотъ!

Въ 1827 году мнѣ случилось ѣхать въ Одессу. Физіономія везшаго меня на одной станціи поселянина показалась мнѣ весьма знакомою. Спрашиваю: кто онъ? и получаю въ отвѣтъ, что онъ прозваніемъ Баланъ, учившій алгебры въ школѣ Храповицкаго, и что теперь, не разумѣя хозяйства, принужденъ наняться на почтовой станціи за ямщика. Изъ пріемовъ его тотчасъ можно было замѣтить, что онъ взялся не за свое дѣло, ибо на 4-ой верстѣ отъ станціи, вѣрно укладывая въ умѣ Невтонову формулу, опрокинулъ меня въ буеракъ.

Въ мысли, что полки должны и ремонтироваться лошадьми изъ конскихъ заводовъ, заведенныхъ и содержащихся во всякомъ округѣ, постановлено было искупить для каждаго округа 345 кобылъ матокъ и 27 жеребцовъ. Числомъ этимъ опредѣлялся полковой лошадный заводъ. 115 молодыхъ лошадей изъ ежегоднаго приплода должны были поступать въ полковой ремонтъ; остальной-же затѣмъ приплодъ долженъ былъ обращаться въ матки, или въ продажу, за излишествомъ отъ укомплектованія полка и завода.

За дѣло это принялись съ жаромъ. Казна денегъ не жалѣла. Болѣе 1,000 кобылъ, называемыхъ матками, куплено было въ одно лѣто, равно болѣе 100 жеребцовъ.

Всякій вообразитъ себѣ, можно-ли было искупить вдругъ такое число кобылъ годныхъ для приплода. Жеребцовъ купили преимущественно въ заводѣ графини Орловой. Покупали ихъ также въ Англіи и Даніи, и думали, что заводы въ первый годъ покажутъ результатъ самый удовлетворительнѣйшій, ибо херсонскія степи, удобныя строенія для зимовли заводовъ, изобиліе сѣна и овса, представляли всѣ удобства въ исполненіи этого плана. При томъ-же напечатана была инструкція дивизіоннымъ и полковымъ комитетамъ, какихъ жеребцовъ и матокъ они принимать должны отъ поставлявшихъ ихъ по формаль-

нымъ контрактамъ. Въ инструкціи этой опредѣлялась и отвѣтственность, какъ за годность заводскихъ лошадей, такъ и за число приплода, установленное въ оном.

Коннозаводство вообще трудно и въ маломъ размѣрѣ. Степной помѣщикъ, охотникъ къ лошадямъ, знатокъ и рачительный хозяинъ, не щадя ничего ни на жеребцовъ, ни на пріобрѣтеніе породистыхъ матокъ, едва и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ доводитъ конный заводъ до того, что ремонтъ свой продаетъ ежегодно кавалерійскимъ ремонтерамъ для гвардіи и арміи, цѣною отъ 250 до 500 руб. ассигн. Комплетъ такихъ заводовъ рѣдко бываетъ выше 50 матокъ;—какимъ-же образомъ можно требовать всѣхъ этихъ условій отъ полковаго командира, или отъ комитетовъ, дивизіоннаго, бригадныхъ и полковыхъ, когда между членами ихъ никто не бывалъ заводчикомъ и когда ввѣряемый заводъ полковому командиру состоитъ изъ 345 кобылъ, купленныхъ, какъ случилось? Но, вмѣстѣ съ укомплектованіемъ заводовъ военнаго поселенія, на другой годъ потребовался и сообразный съ видами приплодъ. Въ случаѣ-же неудовлетворительности онаго, полковый командиръ и свидѣтельствовавшіе приведенныхъ кобылъ и жеребцовъ постановленіемъ графа Аракчеева подвергались отвѣтственности.

Хотя въ отвращеніе сего полковые командиры недостающее число жеребятъ и покупали для комплекта мужичьихъ жеребенковъ, рублей по 15, за всѣмъ тѣмъ однакожъ, по истеченіи 4-хъ лѣтъ, когда пришлось пополнять своими ремонтами строевыхъ лошадей въ полкахъ, число лошадей своихъ заводовъ оказалось недостаточнымъ, не говоря уже о томъ, что купленные мужичіе жеребята не выросли выше одного аршина, 14 вершковъ.

Тутъ пошла разборка, а какъ притомъ полки у насъ сформированы по шерстямъ лошадей, то нужно было, чтобы отъ гнѣдыхъ кобылъ непремѣнно родились гнѣдыя лошади, отъ сѣрыхъ сѣрыя, и такъ далѣе. Этого не случалось. Начали передавать изъ полка въ полкъ ремонты по шерстямъ. Полковые командиры лошадей другъ отъ друга не принимали. Начались изслѣдованія, медіаторства, повѣрки; но все было напрасно. Полки лошадьми своихъ заводовъ не укомплектовыва-

лись; графъ-же Аракчеевъ, предвидѣвшій уже вину въ подобныхъ случаяхъ, предписалъ остановить жалованье у полковыхъ командировъ и у всѣхъ членовъ комитетовъ. Мѣра эта однакожъ не пособила дѣлу, а только научила разнымъ хитростямъ.

Правда, что весьма красивъ полкъ во фрунтѣ, посаженный на одношерстныхъ лошадяхъ; еще красивѣе дивизія въ массѣ, сформированная по положенію изъ полковъ на лошадяхъ гнѣдыхъ, сѣрыхъ, рыжихъ и вороныхъ; но роскошь эта возможна не въ полкахъ поселенныхъ, кои должны ремонтироваться изъ своихъ заводовъ. Тутъ надобно имѣть въ виду одну главнѣйшую выгоду,—сбереженіе казны и чтобы полки имѣли лошадей добрыхъ, не по шерстямъ, ибо нельзя ничѣмъ пособить тому, что въ заводѣ гнѣдой масти будутъ родиться разношерстные жеребята, что будетъ происходить и въ другихъ, хотя тоже одномастныхъ заводахъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ поселены были украинская и бугская дивизіи, были города и мѣстечки. Въ нихъ преимущественно расположили дивизіонные и полковые штабы. Это оживило скудную впрочемъ торговлю въ краю недавно заселенномъ; но графу Аракчееву, видящему вещи съ своей точки зрѣнія, имѣвшему основаніе въ воображаемомъ имъ порядкѣ второй кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ офицеромъ и учителемъ, и Стрѣльную мызу, откуда началось его возвышеніе, вздумалось выгнать купечество и мѣщанство изъ городовъ и мѣстечекъ, дабы выстроить въ нихъ по плану поселянскіе домы и помѣщенія для лицъ и управленій военнаго поселенія.

Не знаю, въ чемъ мѣшали ему люди торгующіе;—изгнаніе-же ихъ сопряжено было съ большими расходами, ибо казна заплатила за всѣ ихъ строенія, кои потомъ сломаны и уничтожены.

Планированіе городовъ также стоило не мало. Положено было въ дивизіонныхъ штабахъ устроить обширныя площади, и напримѣръ: городъ Миргородъ, бывшій нѣкогда губернскимъ, дивизіонный начальникъ Трощинскій до того доплонировалъ, что по пустырямъ и по огромному плацу, среди бѣлаго дня, бѣгали волки. Нивелляція плаца представляла тутъ насыпь, коей одна сторона была выше крыши дома полковаго командира.

Правда, что открылись виды необъятной пустыни, и одинъ только деревянный замокъ славнаго нѣкогда Текели, въ которомъ онъ пировалъ съ старшиною Запорожья, имъ-же въ послѣдствіи уничтоженнаго, являя опальный видъ, напоминалъ старину и тѣ времена, когда земляки Текели, словаки, сербы, болгары, молдаване и русины поселились въ обширномъ новороссійскомъ краю, изъ коихъ составились воинскіе полки гусарскіе, не требовавшіе никакихъ казенныхъ издержекъ (?!), а воевавшіе со славою въ арміяхъ нашихъ противу турокъ и татаръ. Они, какъ выше сказано, обратились потомъ въ полки регулярной кавалеріи, а жители, содержавшіе и укомплектовывавшіе ихъ, въ хлѣбопашцевъ; и теперь осталась только на память мѣстная пѣсня:

«Ой сербине, гусарине, годи сербовати;
«Озьми серпъ, иди въ степъ пшениченку жати.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, извѣстный генералъ Хорватъ вывелъ изъ австрійскихъ владѣній и изъ Сербіи славянскихъ поселенцевъ и водворилъ ихъ на жительство между Кременчугомъ и Елисаветградомъ. Около Миргорода и Елисаветграда понынѣ многія селенія, гдѣ поселилась украинская уланская дивизія, называются ротами; другія-же носятъ тѣ самыя названія, какія даны имъ переселившимися изъ Венгріи и Славоніи по мѣсту жительствъ своихъ оставленной ими родины; напримѣръ вышедшіе изъ селъ Вуковаря, Федоваря, назвали и тутъ тѣми-же именами занятыя ими мѣста подъ жилища свои. Обстоятельство это наводитъ на мысль, что одинокія названія селъ и городовъ, въ разныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ славянскими племенами, вѣроятно произошли отъ подобнаго рода переселеній.

Не излишнимъ считаю здѣсь также замѣтить, что и во второй еще половинѣ 18-го столѣтія крымская татарская орда жгла и грабила окрестности Елисаветграда.

Стремясь къ своего рода порядку, графъ Аракчеевъ постановилъ: ограничить число корчемъ поселенія, для прекращенія, какъ думалъ онъ, пьянства. По его волѣ винные откупщики при торгахъ въ Петербургѣ ограничивались въ условіяхъ своихъ имѣть по одному только шинку въ каждомъ селеніи военно-поселянскаго вѣдомства. Этимъ уменьшились казенные доходы, но нисколько не уменьшилось воображаемое

имъ пьянство,—ибо въ херсонской губерніи существуетъ особая привиллегія на продажу питей; откупамъ подлежатъ только города и бывшія казенныя селенія; а какъ послѣднія бываютъ въ самой тѣсной смежности съ помѣщичьими деревнями, то мѣра имѣть одну только корчму или шинокъ въ военно-поселянскихъ деревняхъ не повела ни къ чему. Помѣщики умножили во владѣніяхъ своихъ число шинковъ, и только увеличились слѣдствія и суды за корчемство поселянъ военныхъ, такъ что не было округа, въ которомъ-бы было менѣе 500 человѣкъ подсудимыхъ за тайный переносъ, или перевозъ горячихъ напитковъ.

Этого графу Аракчееву растолковать было невозможно; онъ мѣрялъ все на свой новгородскій аршинъ, не внимая тому, что всѣ великороссійскія губерніи съ незапамятныхъ временъ подчинены монополіи и казенной продажѣ горячаго вина, тогда какъ въ южной Россіи на вольнокуреніе и на продажу водки существуютъ особыя привиллегіи.

По водвореніи полковъ въ округахъ военныхъ поселеній оказалось невозможнымъ, чтобы каждый хозяинъ кормилъ и состоящаго на службѣ улана и лошадь его изъ собственныхъ своихъ запасовъ. Оказались также необходимыми и запасные хлѣбные магазины. Объ этомъ начали думать, начали писать разные проэкты; но какъ ни кружились въ области невѣденія, должны были обратиться къ роду барщины, то есть установили общественные посѣвы, и чтобы каждый округъ военнаго поселенія накапливалъ полную годовую пропорцію сѣна для полка, на удобнѣйшихъ сѣнокосныхъ степяхъ, общимъ нарядомъ косарей и гребцовъ.

Мѣра сія и мнѣ кажется самою лучшею, но она измѣнила основаніе царской грамоты, по которой поселяне хозяева увольнялись отъ всѣхъ податей и казенныхъ работъ.

Въ нѣсколько лѣтъ дознано опытомъ, что осьмая часть хлѣбныхъ запасовъ истребляется мышами; а потому осьмою частью должно было увеличить и ежегодный сборъ ихъ, что увеличило и самыя работы. Все-бы это ничего при урожаѣ, но съ 1823-го года начались неурожаи въ новороссійскомъ краѣ; налетѣла съ Азіи всеистребляющая саранча, и съ 1824 на 1825 годъ поселяне такъ оскудѣли въ продовольствіи

себя и своего скота, что послѣдній погибалъ тысячами. Дѣлать подвозы сѣна или соломы изъ другихъ сосѣднихъ губерній было невозможно, ибо въ степныхъ мѣстахъ въ сухія лѣта степи выгораютъ до того, что на нихъ нельзя пасти скота, какъ невозможно возить сѣна, ибо покамѣсть его довезешь за 200 верстъ, употребленные для перевозки волы съѣдятъ все везомое ими.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи весь оставшійся поселянскій скотъ и овецъ начальство принуждено было перегнать въ кіевскую и подольскую губерніи. Половина скота отошла за кормъ; сверхъ того казна понесла весьма значительныя издержки на продовольствіе людей, и черезъ такое бѣдствіе поселяне обѣднѣли.

Долго графъ Аракчеевъ называлъ саранчу кониками; долго упорствовалъ въ томъ, что она съѣстъ нѣсколько травинокъ, а пишутъ, что все истребила. Наконецъ лично удостовѣрился, что эти коники пожрали даже солдатскія шинели одного егерскаго баталіона, наряженнаго для истребленія ихъ.

Не взирая на столь неблагопріятныя обстоятельства, Государь настаивалъ, чтобы и третью кирасирскую дивизію ввести въ опредѣленныя для нея округи. Здѣсь я однакожъ долженъ сказать, что будучи въ селѣ Грузинѣ съ отчетами у графа Аракчеева, я самъ слышалъ отъ него, что по проэктамъ графа Вита Государь торопиться изволитъ поселять тяжелую кавалерію; что онъ (графъ Аракчеевъ) всегда противился этому и что ему кажется,—надобно-бы прежде осмотрѣться, сдѣлать огромные запасы фуража и тогда уже, пожалуй, пусть себѣ селитъ кирасировъ графъ Витъ. «Я только слѣпой исполнитель монаршей воли, говорилъ графъ Аракчеевъ, но скажу по совѣсти, что всякое дѣло требуетъ опытовъ въ малыхъ размѣрахъ; впрочемъ по мнѣ хоть волкъ траву ешь, лишь-бы мое новогородское поселеніе шло хорошо». Тутъ оказывается уже явное недоброхотство его къ графу Виту, что подтверждается и самыми дѣйствіями.

Въ началѣ 1824-года графъ Аракчеевъ предварилъ графа Вита, что осенью 1825 года, согласно съ представленіемъ сего послѣдняго, онъ долженъ ввести непремѣнно кирасировъ въ свои округи, не взирая на то, что запасы хлѣба и сѣна были весьма скудны. Другой на мѣстѣ

графа Вита представилъ-бы рѣшительно о совершенной невозможности выполнить проэктъ свой, въ чемъ встрѣтились препятствія, отъ него вовсе не зависящія; но онъ, не углубляясь въ дѣло, не думая о послѣдствіяхъ, надѣясь на авось, ждалъ 1825 года съ обыкновенною своею беззаботливостію, не читалъ вовсе предварительныхъ напоминаній графа Аракчеева о приготовленіи всего къ принятію въ округа кирасирскихъ полковъ; а скакалъ изъ Одесса въ Крымъ, или въ Петербургъ, по подорожной *по высочайшему повелѣнію изъ курьерскихъ*, которую не показывалъ на петербургской заставѣ, замѣняя ее другою, въ коей не было уже высочайшаго повелѣнія, имъ самимъ присвоеннаго, и проѣздомъ черезъ кирасирскіе округи любовался возводимыми въ оныхъ генераломъ Храповицкимъ, не безъ пользы для себя, строеніями. О графѣ Витѣ можно сказать, что онъ проводилъ жизнь въ коляскѣ, со счастіемъ сопутствующимъ вездѣ легкія головы.

Съ 1824 года на 1825 сдѣланы были между тѣмъ въ херсонскомъ военномъ поселеніи вообще огромные посѣвы озимаго хлѣба. Самая благопріятная весна позволила сдѣлать такіе-же посѣвы овса; травы росли, какихъ и старожилы не запомнятъ; лѣто было самое прекрасное, и къ осени 1825 года, ко времени предназначеннаго вступленія кирасирскихъ полковъ въ свои округи, въ послѣднихъ собраны были такіе запасы фуража и хлѣба, для какихъ нужны-бы были въ другихъ мѣстахъ нѣсколько-лѣтніе урожаи.

Въ новороссійскомъ краѣ всегда бываетъ: если неурожай, то по неимѣнію запасовъ голодъ и безкормица для скота вдругъ нагрянутъ на безпечныхъ жителей, изобиліе-же всего въ годы урожайные превосходитъ всякое вѣроятіе. Напримѣръ: въ 1825 году въ нѣкоторыхъ округахъ кирасирскихъ овесъ выдалъ 20-ое зерно, а скирда сѣна въ 1,000 пудовъ накашивалась на 8-ми десятинахъ.

Графъ Аракчеевъ, судя по новогородской губерніи, не вѣрилъ сдѣланнымъ въ одинъ годъ запасамъ для кирасиръ, какъ прежде не вѣрилъ саранчѣ, но далъ между тѣмъ повелѣніе 3-й кирасирской дивизіи идти на свое поселеніе. Этимъ хотѣлъ уничтожить графа Вита; когда-же кирасирскіе полки вступили въ свои округи, предписалъ дивизіонному, бригаднымъ и полковымъ командирамъ принять запасы

фуража и донести прямо себѣ, будетъ-ли ихъ достаточно на два года, подъ строгою отвѣтственностію за всякую неаккуратность въ донесеніи. Сверхъ того прислалъ чиновниковъ и архитекторовъ освидѣтельствовать запасы и постройки и обо всемъ также донести ему лично.

Все это и всѣми было выполнено. Графныя вѣдомости о хлѣбѣ и сѣнѣ, равно свидѣтельство о постройкахъ, поразили ожидавшаго совсѣмъ другихъ донесеній, всесильнаго, злаго временщика.

Графъ Витъ торжествовалъ, не участвовавши во всемъ этомъ ни чѣмъ, кромѣ счастія; и государь императоръ изъявилъ обѣимъ имъ особенную свою признательность.

Нужнымъ считаю вспомнить здѣсь мимоходомъ о катастрофѣ, при объявленіи въ 1821-мъ году высочайшихъ грамотъ въ округахъ, назначенныхъ для поселенія кирасиръ.

Многія селенія этихъ округовъ заключали въ себѣ старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Великороссіи отъ преслѣдованія раскола ихъ. Въ послѣдствіи они несли козачью службу, подъ именемъ новодонцевъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Крыма и распространеніемъ границы нашей въ турецкихъ владѣніяхъ, бывшее прежде пограничнымъ разнаго наименованія войско содѣлалось не нужнымъ и обращено, какъ сказано мною выше, въ поселянъ хлѣбопашцевъ.

Помянутыя старообрядческія селенія, узнавши, что ихъ дѣлаютъ кирасирами, просили оставить имъ прежнее наименованіе новодонцевъ и одѣть пожалуй хоть по кирасирски. Графъ Аракчеевъ, не внимая просьбамъ ихъ, предписалъ объявить поселеніямъ высочайшія грамоты и привести ихъ къ присягѣ. Раскольники возопили противу сего, не принимали грамотъ и противились всему съ дикимъ изступленіемъ. Объ этомъ донесено было графу Аракчееву, равномѣрно какъ и о томъ, что названіе людей этихъ новодонцами отвратитъ бунтъ. Съ мѣсяцъ ожидался отвѣтъ его, какъ между тѣмъ раскольники снеслись съ единовѣрцами своими, поселившимися въ черниговской губерніи, въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и даже въ Пруссіи. Съ разныхъ мѣстъ прибывали къ нимъ на почтовыхъ ихъ апостолы, кои еще болѣе утвердили между ними рѣшительное неповиновеніе. Наконецъ полученъ от-

вѣтъ графа Аракчеева, коимъ предписывалось употребить всѣ мѣры къ понужденію раскольниковъ повиноваться высочайшей волѣ.

Въ исполненіе сего въ главнѣйшемъ селеніи ихъ, *Зыбкой*, собрано было 6 пѣхотныхъ баталіоновъ, дабы устрашить неповинующихся; но это не произвело на нихъ никакого вліянія; они не внимали, ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Бѣглые и укрываемые ими попы ихъ, по большей части розстриги, напрасно были употреблены начальствомъ для вразумленія фанатиковъ.

Надобно было наконецъ приступить къ мѣрамъ дѣйствительнѣйшимъ. Въ половинѣ генваря мѣсяца 1822 года, по длинной улицѣ селенія Зыбкой выстроили въ двѣ шеренги пѣхотные баталіоны, приготовленные къ экзекуціи надъ неповинующимися поселянами. Послѣдніе собраны были за шеренгами солдатъ; ихъ уговаривали повиноваться. Одинъ баталіонный командиръ вошелъ въ толпу ихъ и когда началъ говорить, старикъ съ четками, прибывшій въ Зыбкую въ видѣ апостола съ черниговской губерніи, ударилъ его палкою по головѣ такъ, что штабъ-офицера этого вынесли изъ толпы замертво.

Пробовалъ говорить къ нимъ съ далека и генералъ-маіоръ Храповицкій, начальствовавшій экзекуціею, но слышны были только крики: «не примамъ, не примамъ грамоты».

Послѣ сего объявлено было бунтующимъ, что кто изъ нихъ не хочетъ повиноваться, пусть идетъ сквозь строй. Вдругъ всѣ почти начали раздѣваться и кидались въ шеренги; палочные удары сыпались, многіе не могли уже ходить, нѣкоторые, стиснувъ зубами мѣдный крестъ свой, съ дикимъ самоотверженіемъ переносили удары и отъ изнеможенія падали почти мертвыми. Смотрѣвшія на это бабы кричали смѣло идущимъ сквозь строй: «иди родимой! будешъ святымъ мученикомъ». Когда-же человѣкъ 9 умерло въ шеренгахъ, начало темнѣть, у меня душа замерла отъ ужаса; я бросился въ толпу, сталъ на колѣни въ грязи и умолялъ безумныхъ о повиновеніи. Не помню, что говорилъ я, но меня никто пальцемъ не тронулъ; помню только, что вошедшіе за мною штабъ и оберъ-офицеры ставили насильно колеблющихся на право и такимъ образомъ успѣли спасти готовыхъ уже погибнуть.

Ночь прекратила экзекуцію. Болѣе 200 человѣкамъ избитымъ пустили кровь; зачинщикамъ, кои прежде взяты были подъ арестъ, обрили бороды, что исполнили и надъ другими, болѣе кричащими. Ночью начали приходить нѣкоторые къ генералу Храповицкому съ повинными головами, поутру-же всѣ выполнили присягу, и везшіе насъ въ Кременчугъ пѣли пѣсни, какъ будто ничего не было. Таковъ народъ русскій! Малороссійскія селенія присягали со смиреніемъ и покорностію. Катастрофа эта останется на всегда въ моей памяти.

Съ этихъ поръ округи военнаго поселенія кирасиръ приготовлялись принять свои полки. Запасы, какъ выше сказано, были до избытка, конскіе заводы учредились, какъ и въ уланскихъ округахъ.

Мнѣ кажется, что не стоило гонять людей сквозь строй за то, что они хотѣли имѣть прежнее названіе новодонцевъ, и что носившіе бороды, не поступавшіе ни въ эскадроны хозяевъ, ни въ резервные, просили о сохраненіи имъ бородъ, въ коихъ они видѣли что то религіозное.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что когда въ послѣдствія поручено мнѣ было объѣхать мѣста, лежащія по рѣкѣ Орели, въ полтавской губерніи, гдѣ предполагалось также военное поселніе, и представить мнѣніе мое по сему предмету, я написалъ между прочимъ, подъ вліяніемъ зыбковской катастрофы, что хотя и можно было-бы поселить по Орели пѣхоту, ибо для кавалеріи тамъ нѣтъ никакихъ удобствъ, но, во избѣжаніе бунтовъ и смутъ, нужно-бы дать названіе поселяемымъ тамъ полкамъ: пѣшихъ малороссійскихъ стрѣлковъ, въ воспоминаніе носившихъ такое наименованіе стрѣлковъ, сформированныхъ въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-ой въ кіевской губерніи генералъ-поручикомъ Андреемъ Яковлевичемъ Леванидовымъ. Въ полки эти, какъ говорятъ, малороссіяне поступали охотно, и съ плачемъ оставляли службу, когда расформировали ихъ по возшествіи на престолъ императора Павла. Народныя названія, народныя повѣрья въ подобныхъ случаяхъ имѣли магическую силу и вліяніе на людей всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, не испорченныхъ космополитизмомъ.

Въ первые годы поселенія кирасиръ, когда начали укомплектовывать полки людьми изъ своихъ округовъ, оказалось, что ростъ кирасира не производится по заказу; что въ округахъ не было столько молодыхъ людей семи-вершковыхъ, коими можно-бы было укомплектовывать кирасиръ, равномѣрно, какъ произошло это и съ конскими заводами, въ коихъ отъ огромныхъ жеребцовъ и большихъ матокъ родилось болѣе третьей части недомѣрковъ. Одни эти два предмета служили уже очевиднымъ доказательствомъ необдуманности въ предпріятіи селить тяжелую кавалерію, когда и уланскія поселенія, относительно ремонтированія полковъ изъ своихъ заводовъ, при соблюденіи одношерстности въ лошадяхъ, потребовали измѣненій въ порядкѣ таковаго ремонтированія.

Въ прежнее время не только въ иррегулярной кавалеріи, но и въ регулярной не было полковъ одномастныхъ; слѣдовательно и ремонтированіе, изъ своихъ-ли заводовъ или покупкою, не представляло настоящихъ неудобствъ и затрудненій. Притомъ-же поселенные полки были подобны козацкимъ; служили въ нихъ люди всякаго росту, какіе гдѣ родились, лишь-бы только были здороваго тѣлосложенія; поэтому затѣянныя вновь военныя поселенія были идеальными, не прочными въ первоначальныхъ своихъ основаніяхъ, отъ чего по истеченіи 10 лѣтъ все въ нихъ такъ измѣнилось, что не осталось и тѣни первоначальныхъ предположеній.

Они однакожъ въ новороссійскомъ краѣ принесли ту пользу, что открыли почти третью часть народонаселенія не записанную въ ревизскія сказки, слѣдовательно и не платившую никакихъ податей; что бродяжество уничтожилось и что по перемѣреніи земель оказалось во всѣхъ военно-поселянскихъ усадьбахъ едва по десяти десятинъ земли на мужескую ревизскую душу, когда до того считалось земли далеко болѣе нужной пропорціи. Напримѣръ: въ осадѣ Петриковкѣ, нынѣшней Новой Прагѣ съ окрестными деревнями, при объявленіи оной штабомъ малороссійскаго кирасирскаго полка, показано было гражданскимъ вѣдомствомъ только 2,000 душъ мужескаго пола и слишкомъ 20,000 десятинъ земли, а вышло мужескаго пола болѣе 4,000 душъ, земли-же менѣе 20,000 десятинъ.

Какъ-бы то ни было, все-же поселеніе на югѣ въ степныхъ мѣстахъ было похоже на дѣло, ибо изобиліе хлѣба, а тѣмъ болѣе сѣна, коего сбытъ невозможенъ, представляло возможность кормить людей и лошадей въ поселяемыхъ полкахъ; но въ новогородскомъ и могилевскомъ поселеніяхъ даже и прокормить людей было нечѣмъ. При томъ же поселенные тамъ пѣхотные полки заключали въ себѣ людей поступившихъ въ рекруты изъ разныхъ губерній; многіе изъ нихъ обращены потомъ въ хозяева, оставленныя нѣкоторыми жены на мѣстахъ родины были выписаны къ мужьямъ своимъ, и уроженцы полтавской, херсонской и екатеринославской губерній сдѣлались хлѣбопашцами на новогородскихъ тундрахъ и болотахъ.

Есть-ли тутъ какое нибудь соображеніе и можно-ли требовать отъ оравшаго плугомъ въ восемь воловъ жирную, тучную землю, чтобы онъ вдругъ научился или привыкъ орать одноконною сошкою и удабривать землю навозомъ, безъ котораго сѣверная, песчаная почва совсѣмъ не родитъ?

По возшествіи на престолъ нынѣ царствующаго государя императора Николая Павловича сперва отмѣнили обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ; потомъ полки начали укомплектовываться рекрутами изъ разныхъ губерній обширной Россіи; потомъ полковые ремонты начали покупаться, а наконецъ округи военныхъ поселеній совершенно отдѣлились отъ полковъ своихъ. Поселяне сдѣлались по прежнему простыми хлѣбопашцами и кормили только постояльцевъ—приходящіе на квартиры въ округи полки армейской кавалеріи

Съ симъ раздѣлилось также и начальствованіе, то есть полковый командиръ не управляетъ уже вмѣстѣ и округомъ, какъ было сперва; дивизіонный и бригадные начальники не вмѣшиваются въ хозяйственное распоряженіе по поселеніямъ, которое управляется особыми властями, и стало зависѣть только отъ корпуснаго командира.

Такія и въ столь короткое время перемѣны разительны для наблюдающаго ходъ дѣлъ въ эпоху, въ которую намъ жить пришлось.

Въ Австріи въ 250 лѣтъ поселенія все тѣ-же; у насъ они и 10 лѣтъ не удержались.

Напрасно графъ Аракчеевъ издалъ 27 книгъ законоположеній для военнаго поселенія; напрасно даны были Высочайшія грамоты, коими постановлялось водворять войско на постоянныхъ жилищахъ; напрасно гоняли сквозь строй домагавшихся носить бороды; напрасны были иждивенія на обмундированіе и вооруженіе всѣхъ военныхъ поселянъ безъ изъятія; все это уничтожено, и аракчеевскія законоположенія содѣлались едва-ли къ чему нибудь пригодными.

Онъ повторялъ, что первѣйшимъ условіемъ въ каждомъ дѣлѣ должно быть постоянство и сколь возможно твердыя правила. Онъ-же всегда говаривалъ, что Австрія одѣла большую часть войскъ своихъ въ красные штаны, что и неудобно и дорого; но протекли столѣтія и цвѣтъ штановъ остался все тотъ-же, поелику на фабрикахъ выдѣлывается красное сукно и съ отмѣною этого фабриканты понесли-бы убытки.

Послѣ сего, какъ онъ смотрѣлъ на Россію, знало-ли правительство, коего онъ былъ главнѣйшимъ двигателемъ во все почти царствованіе императора Александра? И каково было ему видѣть, сидя въ своемъ Грузинѣ, смежномъ съ ожесточенными имъ противу себя военными поселянами, что 27 томовъ пандектовъ его, кои онъ считалъ также прочными, какъ Юстиніановы, обречены были на съѣденіе молью въ архивахъ, называемыхъ имъ библіотеками! Каково было потомъ въ 1831 году, то есть спустя 5 лѣтъ послѣ удаленія своего отъ дѣлъ государственныхъ по названію, бѣжать отъ ярости взбунтовавшихся тѣхъ-же военныхъ поселянъ, кои не могши далѣе сносить заведенныхъ имъ порядковъ, или лучше сказать стѣсненій, предавали смерти имъ же установленныхъ начальниковъ! Каково было наконецъ видѣть себя оставленнымъ даже своими приближенными!

Впрочемъ должно сказать здѣсь нѣчто и въ похвалу его страннаго характера, какъ выдержаннаго имъ до конца жизни.—Бывавшіе у него и жившіе съ нимъ въ Грузинѣ никогда не слыхали ни одного слова ни о военныхъ поселеніяхъ, ни о какихъ либо дѣлахъ, ни управленіяхъ, кои отъ него нѣкогда проистекали, ни о правительствѣ, ни о Петербургѣ; такъ, какъ будто-бы онъ вѣчно былъ не болѣе простаго новогородскаго помѣщика.

Не излишнимъ считаю сказать здѣсь и то, что австрійскія поселенія учреждены для сокращенія государственныхъ расходовъ, и правительство смотритъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. У насъ была та-же самая цѣль, но наши военныя поселенія и начались уже расходами. А сколько между тѣмъ писано было о сбереженіяхъ!

Тутъ я долженъ поговорить нѣсколько подробнѣе о выше сказанныхъ мною вскользь сбереженіяхъ и капиталахъ: графъ Аракчеевъ считалъ ввѣренныя ему поселенія какою-то какъ-бы отдѣльною частью въ государствѣ; велъ разсчеты съ правительствомъ и ежегодно требовалъ отъ государственнаго контролера барона Камкенгаузена очистительной квитанціи въ правильности расходовъ и движеніи суммъ. О квитанціяхъ объявляемо было имъ въ печатныхъ приказахъ по военнымъ поселеніямъ. Трудно отгадать, кому онъ не вѣрилъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, а еще труднѣе сказать, кого онъ желалъ обмануть, себя-ли, или правительство, слѣдующаго образа экономіею.

Выше объяснено, что военные поселяне, вмѣсто платежа казенныхъ податей, продовольствовали людей и лошадей поселенныхъ полковъ. Графъ Аракчеевъ требовалъ изъ казны за это продовольствіе ежегодно полной суммы по существовавшимъ справочнымъ цѣнамъ на провіантъ и фуражъ. Изъ этого производились имъ расходы, остаточныя-же суммы зачислялись въ экономическій капиталъ военныхъ поселеній, иначе: суммы перекладывались такъ сказать изъ одного кармана въ другой.

Правительство предполагавшее сдѣлать сбереженіе на продовольствіи, возложивъ оное на военныхъ поселянъ, платившихъ прежде въ годъ отъ души по 10-ти руб. податей, увидѣло не только ущербъ въ общихъ государственныхъ подушныхъ доходахъ, но еще отдѣляло и по военному министерству забираемыя графомъ Аракчеевымъ деньги на выше означенное продовольствіе поселенныхъ войскъ, на которое онъ старался возвысить цѣны, чтобы увеличить поступающіе въ распоряженіе его капиталы.

Можно-ли въ подобной операціи добраться какого нибудь толку? Можно-ли объяснить цѣль въ этихъ, можно сказать, частныхъ видахъ человѣка первѣйшаго въ государствѣ, по силѣ и вѣрѣ въ него монаршей, и можно-ли не расходуемыя имъ деньги назвать экономіею?

Сверхъ того онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, дабы еще и подати съ малороссійскихъ козаковъ, простиравшіяся въ годъ выше 7 руб. асс., обращаемы были также на военныя поселенія, изъ коихъ были также значительные остатки отъ расходовъ, что равномѣрно почиталось имъ экономіею-же. Изъ такихъ и подобныхъ тому суммъ, зависѣвшихъ совершенно отъ его воли, онъ скопилъ 32 милліона, кои отданы имъ въ кредитныя установленія для приращенія процентами. Если-бы онъ совсѣмъ ничего не издерживалъ, что собственно отъ него зависѣло, то означенный капиталъ могъ бы быть и въ двое большимъ. Есть-ли тутъ какая либо заслуга?

Къ сему надобно еще прибавить расходъ по бюджету военнаго министерства: на обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ, на жалованье и другія довольствія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ поселенныхъ войскъ на ремонтированіе полковъ лошадьми, на содержаніе въ округахъ госпиталей и на прочія подобныя симъ иждивенія, изъ чего выйдетъ, что вмѣсто всякихъ сбереженій военныя поселенія поглощали милліоны, коихъ произвольная часть считалась какимъ то не прикосновеннымъ экономическимъ капиталомъ, отданнымъ въ руки графу Аракчееву. Сверхъ того онъ постановилъ, дабы всѣ артельныя деньги изъ полковъ и всякаго рода командъ, равномѣрно какъ всѣ неопредѣленные доходы съ округовъ военныхъ поселеній, присылались въ штабъ его для причисленія къ суммамъ военныхъ поселеній. Какая арбитральность въ дѣйствіяхъ и даже въ распоряженіи бѣдною собственностію солдата, скопляемою лишеніемъ его и безъ того весьма скуднаго жалованья! Прежде солдатъ, прослужившій 25 лѣтъ и скопившій артельныхъ денегъ нѣсколько десятковъ рублей, выходя въ чистую отставку, имѣлъ право взять ихъ какъ свою собственность, на которую онъ или сыскалъ себѣ пріютъ, или принесъ вспомоществованіе въ свою семью сложеными имъ деньгами; въ военномъ-же поселеніи всѣ нижніе чины, выходя изъ округа, лишались артельныхъ своихъ денегъ.

Къ стати упомянуть здѣсь о госпиталяхъ по округамъ и объ издержкахъ коммисаріатскаго департамента на больныхъ въ военныхъ поселеніяхъ, коихъ число, а слѣдовательно и расходъ, ничѣмъ не ограничивались. Итакъ бугской уланской дивизіи полковые командиры нѣ-

сколько лѣтъ сряду показывали множество больныхъ и требовали, согласно постановленію графа Аракчеева, по 50 коп. ас. на каждаго больнаго. Расходы эти сдѣлались наконецъ весьма значительными; объ этомъ поступили доносы, и въ 1827 году дивизіонный, бригадный и всѣ 4 полковыхъ командира преданы военному суду. Счастье ихъ, что бывшій дивизіонный начальникъ, человѣкъ истинно честный, скопивши бережливостію въ теченіи 50-лѣтней своей службы значительный капиталъ, умеръ и что казна забрала оставшееся послѣ его имущество на пополненіе вышесказанныхъ перетребованныхъ денегъ; иначе всѣ эти генералы и полковые командиры за злоупотребленіе, указанное постановленіемъ графа Аракчеева, которое совсѣмъ не почиталось ими противузаконнымъ, были-бы наказаны, какъ виновные въ растратѣ казенныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ чрезвычайною строгостію возникаетъ и поползновеніе ко злу. Когда я вступилъ въ управленіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, то нашелъ, что однихъ денегъ, долженствовавшихъ храниться въ штабѣ, недоставало до 400,000 руб. асс. Ихъ забралъ и издержалъ графъ Витъ и частью разстратилъ управлявшій штабомъ адъютантъ его маіоръ Гончаровъ. Подобныя разстраты оказались и въ нѣкоторыхъ полкахъ, гдѣ порожніе казенные ящики были однакожъ подъ часами, то есть, часовой стоялъ у выкрашенныхъ фургоновъ.

Всѣ эти недостатки однакожъ въ мое управленіе пополнены. Я вовсе не доносилъ объ нихъ; мнѣ казалось ужаснымъ быть причиною несчастія многихъ; но каково было мое положеніе!—Одинъ Богъ знаетъ. Онъ и помогъ мнѣ привести все въ порядокъ. Я сдалъ штабъ и всѣ суммы въ три дни въ совершенной исправности; но не прошло и года, какъ заведенная мною машина по прежнему разстроилась, и послѣдствіемъ того были военные суды, коимъ во время мое, благодаря пекущемуся обо мнѣ Провидѣнію, никто не подвергся. Вотъ самая лучшая для меня награда за труды и самоотверженіе; другой-же я никакой не получалъ, не желалъ и не жалѣю о томъ

Нѣкоторые аракчеевскіе распорядки были однако-же и полезны; напримѣръ: составленіе въ поселенныхъ полкахъ офицерскаго вспомогатель-

наго капитала, отчетливость суммъ, подчиненная правиламъ, въ возведеніяхъ казенныхъ строеній, улучшеніе оброчныхъ статей и тѣмъ подобныя мѣлочи; но за симъ тотчасъ слѣдовала фискальность денежная, простертая имъ до того, что по его смѣнѣ оказалось, что, начиная съ корпуснаго командира графа Вита до поселенныхъ эскадронныхъ командировъ, почти у всѣхъ остановлено было жалованье и столовыя деньги за разныя упущенія, часто совсѣмъ невинныя.

Въ теченіи 5-ти лѣтъ въ военномъ поселеніи херсонской и екатеринославской губерній никто не получалъ никакихъ награжденій, что доказывается печатными приказами по военнымъ поселеніямъ, въ коихъ графъ Аракчеевъ торжественно объявлялъ о наградахъ, полученныхъ служащими подъ его начальствомъ; касательно-же херсонскаго поселенія въ одномъ только такомъ приказѣ 1824 г. значится, что изъ перваго бугскаго уланскаго полка корнетъ Курисъ назначенъ къ главному начальнику надъ военными поселеніями въ должность адъютанта.

Это графъ Аракчеевъ почиталъ наградою, каковой конечно едвали желалъ кто.

Вотъ какъ зазнаются временщики! Между тѣмъ у рѣдкихъ не были замараны кондуитные списки, ибо всякая вина была виновата, и слѣдствіямъ не было конца. Довольно упомянуть для примѣра одинъ, или два случая въ этомъ родѣ.

Одинъ изъ командировъ поселенныхъ и резервныхъ въ полку эскадроновъ помѣстилъ въ двунедѣльномъ донесеніи о происшествіяхъ, что жена дьячка изъ сосѣдняго помѣщичьяго селенія, будучи на сватьбѣ во ввѣренномъ ему округѣ, возвращаясь съ оной домой пьяная, упала съ крутаго берега въ рѣку Синюху и утонула. Графъ Аракчеевъ предписалъ: посадить означеннаго командира на 3 дни подъ арестъ на гауптвахтѣ, со внесеніемъ штрафа сего въ формулярный его списокъ за то, какъ значилось въ печатномъ приказѣ, что въ округѣ опасныя мѣста не были обгорожены.

Прошу обгородить берегъ рѣки, протекающей почти по цѣлому округу!

А это какъ покажется?

Графъ Аракчеевъ, по маштабу новогородскихъ своихъ поселеній, предписалъ производить между деревнями херсонскаго военнаго поселенія конные патрули. На это ему представляли, что деревни, разсѣянныя въ степяхъ, лежатъ одна отъ другой, часто слишкомъ въ дальнемъ разстояніи и что въ зимнее время могутъ случаться съ патрулями весьма несчастныя происшествія, а особенно во время степныхъ вьюгъ и мятелей. Отвѣта отъ него на таковое представленіе не было; между тѣмъ въ одномъ округѣ два патрульные пропали безъ вѣсти; были-ли они съѣдены волками, или занесены снѣгомъ въ какой нибудь глубокой балкѣ (оврагѣ), слѣдствіемъ не открыто; но за это происшествіе онъ предписалъ арестовать полковаго, дивизіоннаго и эскадроннаго командировъ, также со внесеніемъ штрафа въ формуляры ихъ. Такая ни съ чѣмъ несообразная строгость отнимала охоту у всѣхъ служить въ поселенныхъ войскахъ. Графъ Аракчеевъ зналъ это и испросилъ имянный Высочайшій указъ, чтобы штабъ и оберъ-офицеры, вышедшіе въ отставку изъ поселенныхъ полковъ, не иначе были-бы вновь принимаемы на службу, какъ въ тѣ-же самые полки, въ коихъ служили.

Такая мѣра не могла привлечь порядочныхъ людей къ обѣщанному успокоенію. Всѣ лучшіе офицеры, а особенно тѣ, кои имѣли какой нибудь кусокъ насущнаго хлѣба, оставили службу на всегда; остающіеся-же въ оной по необходимости были жалкіе, слѣпые исполнители дикой воли. Истинное честолюбіе и благородство исчезало; не было никакого соревнованія и во всемъ проявлялся обманъ требуемою наружностью мнимаго порядка. Преслѣдованія сближаютъ и безнравственныхъ. Трудно было видѣть истину. Всѣ, начиная съ графа Вита, тщательно старались укрывать и происшествія, и недостатки суммъ въ полкахъ, не рѣдко случавшіеся (какъ видно изъ сказаннаго мною выше объ оказавшихся недостаткахъ при пріемѣ моемъ штаба), и даже злоупотребленія, ибо каждый видѣлъ въ высшемъ начальникѣ одно желаніе карать за самыя неумышленныя ошибки.

Относительно графа Вита я долженъ сказать, что онъ былъ человѣкъ сердца добраго, способностей ума необыкновенныхъ; былъ вѣжливъ и ласковъ въ обхожденіи съ подчиненными; никогда не выходилъ изъ себя и даже рѣдко сердился; но былъ вѣтренъ, невѣренъ ни въ

словахъ, ни въ дѣйствіяхъ; впрочемъ онъ зналъ кавалерійскій фронтъ, умѣлъ дать образованіе и направленіе кавалерійскимъ полкамъ, а всего болѣе умѣлъ представить ввѣренныя ему части въ прекрасномъ видѣ; умѣлъ, какъ говорится, продать товаръ лицомъ. Наука въ настоящую эпоху не бездѣльная. Государь всегда имъ былъ доволенъ, а поелику сверхъ того онъ употреблялся и для наблюденія за духомъ въ войскахъ, и между помѣщиками, особенно въ польскихъ губерніяхъ, то казался весьма быть нужнымъ государю, что отвращало отъ него грозу и желаніе уничтожить его, выказывавшееся въ прицѣпкахъ и придиркахъ къ нему со стороны графа Аракчеева. Тутъ можно еще прибавить, вспомнивши о графѣ Витѣ, что есть люди, кои охотнѣе и лучше занимаются тѣмъ, что не относится къ прямой ихъ обязанности, нежели тѣмъ, что въ сущности составляетъ ее.

Страшно вспомнить аракчеевское время! Кто не служилъ подъ непосредственнымъ его начальствомъ, кто не испыталъ такихъ безпрерывныхъ опасеній, какія окружали обреченныхъ въ жертву злой несправедливости, тотъ не можетъ себѣ вообразить страха, доводящаго до отчаянія. Помню я, какъ пріѣздъ фельдъегера, а они скакали безпрестанно, приводилъ меня въ трепетъ, ибо каждая аракчеевская бумага заключала въ себѣ штрафы, выговоры и угрозы. Восемь лѣтъ я не зналъ никакихъ радостей, да едва-ли кто зналъ ихъ и во всемъ херсонскомъ военномъ поселеніи; не было никакого отдыха, вѣчное многодѣліе и неувѣренность, какъ будетъ принята и самая правда. Штабъ главнаго надъ военными поселеніями начальника съ начальникомъ его были орудіями нравственной пытки. Мнѣ кажется, что главнѣйшія занятія чиновниковъ этого штаба были — искать упущеній, дабы прислужиться тѣмъ графу Аракчееву. Онъ до того былъ ненавидимъ у насъ, что когда присягали на вѣрность нынѣ царствующему государю императору, то военные поселяне и солдаты въ полкахъ кричали: Господи, избавитъ-ли насъ новый царь отъ лютаго этаго главнаго начальника! Не льзя описать всеобщей радости, когда получено извѣстіе, что онъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за границу. Объ этомъ онъ объявилъ въ печатномъ своемъ приказѣ по военнымъ поселеніямъ въ началѣ 1826 года; и хотя написалъ въ ономъ съ дерзостію, что го-

сударь императоръ пожаловалъ ему 40,000 руб. асс. на дорогу, но что онъ, заложивши серебро свое, можетъ обойтиться и безъ этой милости, но это не обратило на себя у насъ ничьего вниманія. Такъ было подавлено всякое разсужденіе. Потомъ уже начали говорить о такомъ неслыханномъ дерзновеніи.

Послѣ Аракчеева херсонское военное поселеніе начало отдыхать. Если-бы графъ Витъ въ 1827 году не предложилъ снабдить армію, шедшую противу турокъ, провіантомъ изъ запасовъ военно-поселянскихъ и если-бы отяготительная перевозка хлѣба этого не разорила военныхъ поселянъ,—они пошли-бы быстрымъ шагомъ къ истинному улучшенію своего матеріальнаго быта.

Давно уже не проѣзжалъ я военными поселеніями херсонской губерніи и не знаю, что тамъ дѣлается; но слыша, что тамъ заводятъ казенныхъ испанскихъ овецъ, сѣютъ цѣлыми округами, или барщиной, пшеницу для продажи въ Одессѣ, не могу не удивляться, какъ далека еще у насъ мысль объ общей пользѣ даже въ высшихъ сановникахъ. Во первыхъ: подобнаго рода монополія стѣсняетъ херсонскихъ помѣщиковъ въ продажѣ ими въ одесскомъ портѣ пшеницы и шерсти, а это и составляетъ единственный ихъ доходъ, единственное средство уплачивать казеныя подати, ибо крестьянинъ въ весьма рѣдкихъ имѣніяхъ въ состояніи вносить оныя; во вторыхъ сами военные поселяне могли-бы продавать означенные продукты по мѣрѣ хозяйства каждаго, если-бы вмѣсто казенныхъ засѣвовъ мѣстныя власти заохотили ихъ сѣять пшеницы болѣе обыкновеннаго и убѣдили-бы ихъ въ попечительности своей поданіемъ и облегченіемъ средствъ для удобнѣйшей продажи въ Одессѣ-же.

Самою важнѣйшею задачею есть улучшеніе частныхъ хозяйствъ хлѣбопашцевъ;—тутъ нужно поощреніе, пособіе, направленіе и наблюденіе за ходомъ и развитіемъ сельской промышленности со стороны управляющихъ, чего ни какъ не льзя согласить съ монополіею, ясно высказывающеюся въ сѣяніи огромнаго количества пшеницы и заведеніи казеннаго-же овцеводства.

Но, не говоря уже о военныхъ поселянахъ, представимъ себѣ провинцію, въ которой было-бы 12 богачей помѣщиковъ, имѣющихъ по

10,000 душъ, какъ это существуетъ приблизительно въ 12 округахъ военныхъ поселеній херсонской губерніи. Не были-ли бы они 12-ью монополистами въ отношенія къ 1,000 мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и могли-ли бы сіи послѣдніе состязаться съ ними въ продажѣ своихъ продуктовъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ? А подобный взглядъ на общую пользу не убѣждаетъ-ли въ томъ, что при такомъ неравенствѣ средствъ одной половины производителей хлѣбопашества къ другой общее благосостояніе или улучшеніе въ краю будетъ идти весьма медленно, что доказывается и самою продажею пшеницы въ Одессѣ, которой количество, при настоящемъ требованіи едва-ли не всей Европы, нуждающейся въ хлѣбѣ, не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ четвертей. Правда, что такой привозъ весьма значителенъ, но большая часть его привезена съ подольской и кіевской губерній; судя-же по пространству земель въ губерніяхъ херсонской и екатеринославской, можно-бы ожидать изъ нихъ только самыхъ больше означенной пропорціи, если-бы частные земледѣльцы удостовѣрились, что богатство ихъ заключается въ сколь можно большихъ пшеничныхъ засѣвахъ зерномъ лучшаго качества, и если-бы это не было въ рукахъ однихъ помѣщиковъ и военно-поселянскаго начальства, понимающаго превратно богатство округовъ военнаго поселенія и заботящагося преимущественно о посѣвахъ общественныхъ. Напрасно мы начали воображать Одессу житницею Европы. Она дѣйствительно могла-бы быть таковою, еслибы годовой вывозъ пшеницы за границу былъ не 3,000,000, а 30 милліоновъ четвертей, ибо въ одной Франціи можно считать до 10 милліоновъ народа не имѣющаго хлѣба, не говоря уже объ Англіи и Ирландіи, гдѣ тысячи умираютъ съ голоду.

Дабы все упомянутое мною въ этихъ краткихъ очеркахъ военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній о графѣ Аракчеевѣ не показалось желчью человѣка, котораго онъ гналъ, я долженъ сказать, что напротивъ онъ всегда благоволилъ ко мнѣ, удостоивалъ и продолжительными разговорами и собственноручными письмами, хранящимися у меня. Онъ избралъ меня въ управляющіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, съ назначеніемъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, съ тѣмъ, какъ написано въ повелѣніи мнѣ

его по сему предмету, чтобы я привелъ въ порядокъ дѣла, денежную отчетность, и далъ-бы соотвѣтственное направленіе по всѣмъ частямъ, доведеннымъ до крайнаго разстройства. Что я оправдывалъ его выборъ, свидѣтельствуютъ въ томъ и письма его и многія формальныя бумаги.

Правда, что кромѣ денежныхъ пособій и опредѣленія дѣтей моихъ на казенное содержаніе: сына въ пажескій корпусъ, а дочери въ патріотическій институтъ, онъ не испрашивалъ мнѣ никакихъ наградъ, но это происходило не отъ того, чтобы онъ не желалъ награждать меня, а изъ упорства его—не давать ничего служащимъ подъ командою графа Вита, дабы выставить въ глазахъ государя, что у насъ не дѣлается ничего добраго.

Повторяю, страшно вспомнить времена Аракчеевскія; но если въ послѣдствіи мнѣ казалось все легкимъ по службѣ, это было по сравненію тяжкихъ трудовъ и испытаній, перенесенныхъ мною подъ его начальствомъ. Какъ непомѣрная строгость, такъ и послабленіе едвали не равно портятъ дѣло; первая однакожъ производитъ дѣловыхъ людей, а послѣдняя трутней, кои бываютъ терпимы однимъ пріучившимъ ихъ къ лѣни начальникомъ, и негодными для другаго. Правила служебнаго воспитанія видны въ человѣкѣ на всякомъ занимаемомъ имъ мѣстѣ, и если свыкшійся съ строгимъ порядкомъ не озлобленъ несправедливостями, или по свойству своего характера, или по великодушію, то онъ всегда останется нужнымъ и полезнымъ во всякомъ положеніи; служившіе-же при невнимательныхъ начальникахъ сами не будутъ знать, къ чему они способны, хотя-бы и много лѣтъ слышали похвалы его своимъ способностямъ. Истинная вѣра въ мнѣніе проистекаетъ только изъ порядка строгаго и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно соблюдаемаго высшимъ начальникомъ, умѣющимъ избирать людей и слѣдить за ихъ занятіями. Такой начальникъ, можно сказать, даритъ правительству полезныхъ чиновниковъ.

Варшава.
$\frac{26 \text{ марта}}{7 \text{ апрѣля}}$ 1842 г.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(*Продолженіе*) [1].

Годъ 24-й.

Отъ 1699 года іюля 20 по 1700 годъ іюля 20.

Октября сговорилъ жениться у княгини Ѳеклы Семеновны Урусовой на дочери, которая нынѣ мнѣ супругою княгиня Марья Ѳедоровна, и въ ноябрѣ предъ заговѣньемъ женился.. И той зимы написанъ былъ въ полкъ семеновскій въ поручики въ 5-ю роту. И въ августѣ мѣсяцѣ предъ походомъ Ругодивскимъ написали въ 4-ю роту капитаномъ. И того августа мѣсяца пошли подъ Нарву.

Того году царедворцевъ всѣхъ смотрѣли, и взяли, которые молодые, къ пѣхотнымъ полкамъ въ офицеры, и всѣхъ лучшихъ фамилій тутъ написали.

Того году князь Никита Репнинъ посланъ въ Казань и во весь низъ набирать вольницу въ солдаты, также и даточныхъ, которые начаты брать и на Москвѣ, съ 50 дворовъ человѣкъ. И тамъ бывъ, набралъ 15,000 человѣкъ и привелъ къ Москвѣ; и какъ пріѣхалъ, того времени пожалованъ въ генералы.

---

[1]) См. сентябрск. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., стр. 104—129.

Того году въ зимѣ брали даточныхъ съ 50 дворовъ человѣкъ, дворовыхъ людей, а не крестьянъ; и сказана всякому чину воля въ солдаты идти,—коли хочетъ, тогда поди, и многіе изъ домовъ шли.

Того году заведены школы математическіе.

Того году завели школы латинскія, которые мастеры взяты чернецъ изъ Кіева.

Годъ 25-й.

Отъ 1700 года іюля 20 по 1701 годъ іюля 20.

И того году въ сентябрѣ стояли подъ Нарвою. И съ приходу я имѣлъ великое несчастіе; какъ перебрались за рѣку, и въ ту пору за нѣкоторой лѣсъ, взятый на дрова, заповѣдной знакомца моего Мещерского били кнутомъ, да двухъ поваровъ, и себѣ видѣлъ великій афронтъ, и сидѣлъ за арестомъ сутки.

И того года сынъ родился князь Сергѣй. И умре полутора году.

И ноября 20 числа несчастье великое было, гдѣ весь обозъ потеряли, и пришедъ шведскій всѣхъ отбилъ и артиллерію и обозъ и все взялъ. Въ томъ числѣ зятя Ивана Степановича [1]) убили. И пришедъ къ Москвѣ жили до весны, а весною пошли въ Новгородъ.

Того года Адріана патріарха не стало [2]); и на его мѣсто выбранъ архіерей рязанскій, родомъ полякъ, Яворскій, который только вмѣсто патріарха церковь соборную правилъ. И правитъ по се число.

Тогожъ году у всѣхъ монастырей отписаны вотчины и всякіе доходы, кромѣ того, что отъ церкви въ монастырской приказъ, который подъ судомъ Ивана Мусина-Пушкина. А чернцамъ велѣно давать равную часть всѣмъ, какъ архимандриту, такъ и простымъ, денегъ и хлѣба и иной пищи. И той казны всей сбиралось тысячь по сту и по двѣсти государю за расходами монастырскими [3]).

Того года начали брать запросной хлѣбъ; брали по вся годы, какъ службы были.

---

[1]) Салтыкова, мужа сестры князя Бориса, Марьи Ивановны, урожденной Куракиной.

[2]) † 15 октября 1700.

[3]) Указы отъ 31 января и 11 марта 1701 г.

Годъ 26-й.

Отъ 1701 года іюля 20 по 1702 годъ іюля 20.

Того лѣта пошли въ Новгородъ и жили по великій постъ. А я былъ отпущенъ въ осень на время къ Москвѣ, и пріѣхавъ занемогъ, и былъ чирей большой подъ пазухою, который прорѣзали, и тамъ въ болѣзни своей зоставалъ ажъ по самое Рождество. И въ ту зиму въ нѣкоторомъ несчастьи былъ *деля міо корте,* сподѣваюсь—отъ той причины зоставаючи въ меланхоліи и болѣзнь получилъ. И потомъ предъ масляницею поѣхалъ въ Новгородъ. И въ великій постъ наши полки взяли къ Москвѣ къ празднику. И поживъ съ мѣсяцъ пошли пополамъ полки: одной половины полка къ городу Архангельскому съ его величествомъ, а другой половины полки съ майорами въ Новгородъ съ Ильина дня, въ которой половинѣ и я былъ. И потомъ изъ Новгорода мы пошли водою въ Ладогу подъ командою генералъ-майора Брюса. И пришедъ съ артиллеріею, дожидалися его величества съ половиною съ тѣми полками. А онъ шелъ отъ города Архангельскаго прямо на Олонецкое озеро, и Олонецкимъ озеромъ въ Свирь рѣку, и Свирью въ Ладожское озеро, а съ устья Ладожскаго озера сухимъ путемъ въ Ладогу; а нѣкоторые судны и озеромъ прошли. Изъ Ладоги пошли сухимъ путемъ и озеромъ подъ Орѣшекъ или подъ Нотебурхъ по шведски.

Того году былъ одинъ дьячекъ или-бы писецъ, Талицкій звался, который сдѣлалъ пасквиль или книгу поносную его величеству и государству, и хотѣлъ напечатать. И сказывали про него, что человѣкъ гораздо былъ уменъ и читатель книгъ. И въ то время по нѣкоторомъ долгомъ времени держанъ и четвертованъ. А прежде былъ сдѣланъ столпъ на площади, на которомъ онъ сидѣлъ и его курили, и потомъ снявъ четвертовали; также и другихъ товарищевъ. Въ томъ ему согласьи былъ архіерей тамбовскій, и съ того санъ архіерейскій сняли и послали въ заключенье; а снимали всѣмъ соборомъ. И въ то мѣсто иного архіерея не поставляли, а отдали оное епарху воронежскому [1]).

---

[1]) Ошибка: тамбовская епархія причислена къ рязанской и отдана въ управленіе м. Степану Яворскому.

Того году князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ разбиралъ все государство, рейтарскихъ полковъ и недорослей, и набралъ 16 полковъ тысячныхъ драгунъ. И къ нимъ изъ стольниковъ, изъ стряпчихъ, изъ жильцовъ, изъ дворянъ изъ разряду выбрано въ полковники и во всѣ офицеры начальныхъ людей и отданы въ команду фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметьеву. Того году первое сталъ писаться фельдмаршалъ въ нашемъ государствѣ и первый малтійскій кавалоръ.

Того году были во всю Европу патенты напечатаны за позволеніемъ его величества, объявляя всѣмъ народамъ христіанскимъ коеждой ни есть вѣры, какъ офицерамъ для службы и всякому шляхетству, такъ и всѣмъ чинамъ и даже до купцовъ и ремесленниковъ, кто похочетъ быть въ государство московское въ службу, а другіе для промысловъ жить, —свободно ѣхать и въѣхать волѣстно, и какъ и въ другихъ окрестныхъ и коея нибудь вѣры для себя похотятъ строить школы и кирхи, будетъ позволено; а офицерамъ, которые будутъ въ службу, нѣкоторыми пунктами со удовольствомъ объявлено.

Того году кликали въ матросы малыхъ ребятъ, и набрано съ 3,000 человѣкъ.

Годъ 27-й.

Отъ 1702 года іюля 20 по 1703 годъ іюля 20.

Того году въ нашемъ государствѣ первой чинъ воспріялъ графъ римскій Александръ Даниловичъ Меншиковъ, другой—Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, графъ цезарскій, а не римскаго государства.

И въ семъ году по указу со всего государства велено четвертую часть отъ вѣсу колоколовъ отъ всѣхъ церквей и монастырей, гдѣ собрано было многое число тысячь мѣди, отъ которой учинено чаю съ 300 пушекъ, и со 100 мортировъ всякихъ рукъ, и еще въ остаткѣ не малое число.

И того году заказано большихъ колоколовъ лить и ни малыхъ безъ указу; отъ того времени и колокольный рядъ запустѣлъ.

Того году слюзы почато дѣлать отъ Воронежа, чтобъ въ Оку проходу водяному быть чрезъ Иванъ—озеро; и было въ годъ работниковъ по 10,000 и больше, а дѣлали съ семь лѣтъ, не знаю, ежели совершилося. Было то дѣло подъ командою князя Матвѣя Гагарина.

Того года начато слюзы дѣлать въ торжковскомъ уѣздѣ, чтобъ изъ Волги Тверцою вверхъ, а изъ Тверцы во Мету, а Метою въ Новгородъ и въ самое море Балтійское,—отъ моря Каспійскаго въ море Балтійское. Дѣлали съ четыре года работниковъ 20,000. Все то подъ командою князя Матвѣя Гагарина.

Сего года начался орденъ давать за услуги отъ царскаго величества,—крестъ св. Андрея съ черною финифтью на голубой лентѣ; также и на платьѣ на лѣвомъ плечѣ тѣ кавалеріи начали носить шитыя звѣзды,—гдѣ надпись кругомъ того: *за вѣру и вѣрность*.

Того года вольно почали отпущать въ европейскія государства для науки.

И того года въ осень октября мѣсяца взяли на аккордъ [1]). Въ ту пору ѣхалъ озеромъ въ баталіи съ майоромъ Мейромъ, и были въ великомъ страхѣ отъ погоды водяной на озерѣ. И какъ пріѣхали къ Переволокѣ, и въ ту пору команда у Мейра отнята и приказана мнѣ вмѣсто майора; и командирилъ двѣ недѣли. И перетаща лодку, въ ту ночь ходили на другую сторону рѣки съ его величествомъ, стояла гдѣ въ городкѣ шведовъ цѣлая компанія инфантеріи. И въ той партіи я ходилъ за майора, и потомъ какъ былъ приступъ въ вечеру къ генералъ-майору Чамберсу съ лѣстницами приступными, и съ тѣми лѣстницами пробылъ у него ажъ до самаго приступу, и въ переѣздахъ въ день съ берегу на берегъ въ лодкѣ видѣлъ нѣкоторый не малый страхъ. И взявъ на акордъ Шлюссельбургъ, по нашему названный, всѣ полки пошли въ Новгородъ и во Псковъ; и изъ Новгорода тѣ отпущены съ артилеріею, которые были на приступѣ, а которые не были, тѣ всѣ оставлены зимовать; только жъ однако отпущали къ Москвѣ. И я также былъ отпущенъ къ Москвѣ, и жилъ всю зиму на Москвѣ. И былъ въ несчастьѣ отъ болѣзни на лѣвой ногѣ великаго чирья, и также въ секретномъ своемъ несчастьѣ и въ меланхоліи зоставалъ всегда, отъ чего видѣлъ великую болѣзнь. И на шестой недѣлѣ пріѣхалъ въ Новгородъ. И той весны пошли на святой недѣлѣ въ Шлюссельбургъ въ самую водополь; и пришли въ Шлюссельбургъ, а его величество былъ тутъ задолго до праздника. И потомъ изъ

[1]) Нотебургъ, переименованный Шлюссельбургомъ, 14 октября.

Шлюссельбурга пошли подъ Нотебургъ [1]), нынѣ сдѣланъ пониже Санктъ-Петербурга. И апрѣля или мая мѣсяца того-жъ года въ три дня взяли на акордъ. И первые шанцы подъ тотъ городъ былъ я посланъ заводить отъ семеновского полку, и въ томъ случаѣ видѣлъ нѣкоторой великій случай и страшливой: какъ заводили шанцы, стрѣльба была великая и многихъ побивали, инженера того, которой былъ посланъ съ нами для той работы, передъ свѣтомъ убили. И въ томъ-же походѣ еще городъ не сдался, царское величество самъ пошелъ на лодкахъ, и при немъ 4 компанѣи преображенскихъ, 4 — семеновскихъ; и шли на лодкахъ мимо города, а плыли ночью, и отъ города была по насъ стрѣльба. И въ томъ походѣ были первой разъ на морѣ; и на островахъ побрали много скотины. А надъ четырьмя ротами я командирилъ майоромъ наказнымъ. И по взятіи того города на акордъ начали дѣлать Санктъ-Петербургъ [2]), и того-же лѣта къ осени сдѣлали, и сдѣлавъ тутъ, оставя гарнизонъ, а сами всѣ пошли къ Москвѣ.

Того году заведена канцелярія ингермоландская подъ судомъ губернатора Александра Даниловича Меншикова, на дворѣ его въ Семеновскомъ. А къ той канцеляріи подсудны розные канцеляріи, отъ людей боярскихъ вымышлены. Первая канцелярія рыбная,— всѣ воды, которые ни были во дворцѣ, у патріарха, у властей, у монастырей, у помѣщиковъ и всѣхъ, что ни есть, взяты на государя; также и которые рѣчки и малые, и тѣ всѣ взяты и даны на откупъ; а нигдѣ никому во всемъ государствѣ безъ откупу ловить рыбы не велѣно, кромѣ саженыхъ прудовъ. Съ которыхъ сбиралось промысловъ и со откуповъ тысячъ по сту.

Того году взяли даточныхъ другихъ со ста дворовъ по человѣку, изъ дворовыхъ-же.

Того году дочь княжна Катерина родилась октября 25 дня послѣ вечерень, а тезоименитство ноября 24 Екатерины мученицы.

Того году заведена въ оружейной полатѣ цѣна; и начали дѣлать монету, полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники. А

---

[1]) Ошибка. Нужно было сказать: *Ніеншанцъ*.

[2]) 16 мая.

на денежномъ дворѣ почали дѣлать мелкія деньги, серебренныя копѣйки, какъ старинныя денежки и меньше, — такъ вѣсомъ во 100 руб. всего по полъ сема фунта; также нѣкоторую часть и мѣди подмѣшивать. Также былъ сказанъ указъ, чтобъ старыя деньги приносить въ казну, а вмѣсто того давали новыми деньгами на сто рублевъ по 10 рублевъ, а потомъ давали и по 12 рублевъ. И того-же времени денежки завели дѣлать мѣдные красной мѣди, какъ шолди венецкіе. Только-же вскорѣ потомъ въ товарахъ чужестранныхъ начала прибывать цѣна, а въ своихъ по прежнему все стояла. И указъ былъ записанъ: будетъ кто станетъ деньги въ землю хоронить, а кто про то доведетъ,—деньги вынетъ, и тѣхъ денегъ доводчику треть, а достальныя на государя.

Въ семъ году по дѣлу славного противника къ имени царскому величеству Талецкого, который написалъ великія книги противъ его величества, тутъ-же приличенъ былъ бискупъ тамбовскій, который былъ позволенъ взять къ суду въ Преображенское и къ розыску. Однакожъ всѣмъ коллежіемъ духовнымъ учинить того воспретили [1]). Для чего былъ соборъ по прошенію царского величества, чтобъ санъ съ оного снять; токмо оное не учинилося. И его величество и на остатокъ просилъ, чтобъ того епископа подъ запрещеніе послать, и посланъ въ одинъ монастырь.

Того году начали брать работниковъ къ дѣламъ городовымъ со всего государства, которыхъ нанимали рублевъ по 20. А были они на работѣ въ Шлюссельбургѣ, въ Санктъ-Петербургѣ, въ Нарвѣ. И донынѣ берутъ по вся годы съ 10 дворовъ, и также не ровно, и болше имѣть, которыхъ половина поворачиваются въ домы.

Того году заведены школы розныхъ языковъ учиться и, просто назвать, академія и кавалерскихъ наукъ, на лошадяхъ и на шпагахъ и балдирѣ, и музыкѣ, инженерству.

Годъ 28 й.

Отъ 1703 года іюля 20 по 1704 годъ іюля 20.

И того году въ осень пришли къ Москвѣ и шли строемъ, а я въ ту пору ногами заболѣлъ и остался, ѣхалъ все позади одинъ и до

[1]) Обстоятельство, доселѣ совершенно неизвѣстное въ русской церковной исторіи.

самой Москвы. И той зимы между всѣми видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, а наипаче десусмаезта [1]). И на Стрѣтеньевъ день мнѣ сказали въ преображенскомъ въ майоры въ семеновской полкъ. На второй недѣлѣ пошли въ Новгородъ и въ С.-Петербургъ, а въ С.-Петербургъ пришли къ вербному воскресенью.

И пришла ко мнѣ вѣдомость о братѣ князь Иванѣ Ивановичѣ, что марта 25 числа не стало въ пути, не доѣхавъ троицкого монастыря, за сколько верстъ не могу знать; и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, и потомъ апрѣля мѣсяца жены его княгини Алены Тихоновны не стало-жъ; и послѣ-жъ еи спустя съ 10 дней, чаю мая первыхъ чиселъ—сына братня, а моего племянника князь Александра Ивановича не стало, который былъ взятъ жить въ домъ къ Тихону Никитичу, для того что ему былъ дѣдъ.—И въ наслѣдствіяхъ деревень и всего дому остался я во всемъ; и того лѣта все то за мною справлено.

И изъ подъ Петербурга пошли той весны подъ Нарву. И пришелъ подъ Нарву были ажъ до самого августа. И августа мѣсяца 9 числа ходили на приступъ. И я былъ посланъ и ходилъ майоромъ на тотъ приступъ. И въ ту пору былъ приступъ въ самой полдень, и взяли городъ однѣми шпагами въ 3/4 часа. И предъ тѣмъ приступомъ исповѣдывался и причастился св. Таинъ, въ которой заповѣди отъ отца духовного долженствовалъ быть всегда памятовать и исполнять; и нынѣ Господа Бога прошу въ томъ зостать воздержаніи и заповѣди исполнить. И въ ту пору видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, хотя и при смертномъ часу былъ, и отъ его величества нѣкоторую аморъ видѣлъ, также и отъ губернатора. И въ ноябрѣ съ половину полкомъ семеновскимъ былъ я отпущенъ,—и съ артиллеріею въ командѣ моей, что было дано, отпущенъ къ Москвѣ.

Того году весь разрядъ разбиралъ его величество, и молодыхъ, которые годились, въ офицеры, а другихъ всѣхъ молодыхъ въ кадеты, а изъ кадетовъ въ драгуны; а знатныхъ всѣхъ къ дѣламъ для сбора новыхъ прибылей, а другихъ оставили въ службѣ для розсылокъ, которыхъ сподѣвалися остаться съ 2,000 человѣкъ. И потомъ разбиралъ

[1]) Со стороны его величества.

его величество недорослей знатныхъ самыхъ персонъ, которыхъ выбрали съ 500 или съ 600 человѣкъ, и написали въ салдаты въ преображенской полкъ и семеновской,—и служатъ, съ которыхъ объявлю фамилій знатныхъ: князь Голицынъ, князь Черкаской, князь Хованской, князь Лобановъ, Шереметевъ, также и иные фамилій знатныхъ, князей Урусовыхъ, изъ которыхъ одного подъ Нарвою убили.

Тогожъ года выдалъ прибыль человѣкъ боярской Ивана Головина, Парамонъ Скворцовъ: объ ульяхъ, мостахъ, о перевозахъ, и о свадьбахъ съ некрещеныхъ, какъ съ мордвы, съ черемисы, съ татаръ, съ уфимцовъ, и съ другихъ такихъ низовыхъ подобныхъ тѣмъ жителей. И по его доношенію та канцелярія учинена и отдана ему, только медовой сборъ: которые были въ дворцѣ, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію, также изъ монастырей, также и которые борты были откупные, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію; а у помѣщиковъ, у вотчинниковъ, и у ихъ крестьянъ, и во всемъ низу, у которыхъ есть бортные ухожи или во дворѣхъ ульи, со всякаго улья или борта пошлинъ государю по 5 копѣекъ, а будетъ кому печѣмъ такъ платить деньгами, дай медомъ по цѣнѣ вмѣсто денегъ. Тѣхъ денегъ сбирается въ годъ тысячь по 10.

Тогожъ году канцелярія уставлена съ постоялыхъ дворовъ, съ угловъ наемныхъ жителей мастеровыхъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городѣхъ со всего пошлины, также-бы и на Москвѣ и по дорогамъ и въ городѣхъ нигдѣ никому не становиться кромѣ постоялыхъ дворовъ или по заморскому, въ корчмѣ; а тѣ-бъ дворы всѣ были подъ именемъ государевымъ, и съ того всѣ пошлины. И тѣхъ сборовъ въ годъ 4,000 рублевъ, а что впредь будетъ, знать не можемъ.

Тогожъ году канцелярія уставлена банная съ московскихъ жителей, и въ государствѣ во всемъ, съ бояръ и съ полатныхъ людей съ бани по 3 рубли; а съ стольниковъ и со всякаго шляхетства съ бани по 1 рублю, и съ поповыхъ, и съ посадскихъ, и со всѣхъ городовыхъ вездѣ жителей, и по деревнямъ, и прикащиковыхъ и съ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ бани по 5 алтынъ. И той казны сбирается въ годъ 40,000 рублевъ.

Канцелярія тогожъ году уставлена мытная: конскія площадки, съ мостовъ, съ перевозовъ, съ позему съ пролубного, съ ледокольного, съ

погребного, съ трубного или съ печи, и съ иныхъ мелочей сбирается въ годъ 50,000 рублевъ.

Тогожъ году начали монеты дѣлать рублевыя, полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники, алтынники, также копѣйки мѣдныя и деньги мѣдныя.

Того году начались школы математическія и другихъ наукъ и артеи: какъ шляпы дѣлать, сукна, кожи на лосинную стать, штукартныя фигуры изъ гипсу, архитектурою полаты строить.

Того году матросы посланы въ Голландію учиться, гдѣ оттуда ѣздили въ Индію, въ Турки, въ Ост-Индію и въ другія государства; по всему свѣту разсѣены были.

Тогожъ году въ канцелярін посольской, какъ въ титлахъ государевыхъ, такъ и въ другихъ, премѣнность учинилась; также гарма съ прибавкою учинена, при которой почали крестъ св. Андрея ставить.

Того года торговые корабли отъ города государства россійского начали ходить, и изъ тѣхъ два были взяты въ полонъ отъ француза, о чемъ прошено отъ Андрея Матвѣева, токмо того не учинилося.

Того году начата играть комедія нѣмецкая, и комедіанты были привезены изъ Гамбурга.

Того году брали въ матросы или въ солдаты каравану морского изъ ямщиковъ; и набрано было всѣхъ 12,000.

Канцелярія низовая, судъ весь казанского дворца взятъ, всѣхъ уѣздовъ мордва, и черемиса, и татары, и всѣ оброчные статьи взяты изъ прибыли, которыя то выдали человѣкъ князя Бориса Алексѣевича Голицына Степанъ Вараксинъ, да Хрущова Алексѣй Нестеровъ; а въ Казани въ правленіи всѣхъ тѣхъ другіе тые ихъ браты, и по другимъ низовымъ мѣстамъ.

И того году лѣтомъ царевны Софьи Алексѣевны не стало въ дѣвичьѣ монастырѣ монахою. А потомъ изъ монастыря всѣхъ взяли; только оставили Екатерину.

Годъ 29-й.

Отъ 1704 года іюля 20 по 1705 года іюля 20.

И въ декабрѣ за пять дней до Рождества пришли къ Москвѣ и шли въ Москву строемъ. А я шелъ и велъ семеновской полкъ. И

жили ту зиму благополучно, только внутренній секретъ и печаль мнѣ умножалася, которая стала быть публична, и ктому во многой меланхоліи зоставалъ и въ болѣзни. И отъ того явно мнѣ показалася отъ печали болѣзнь: прежде масляницы въ февралѣ мѣсяцѣ объявилися по лбу и по всему тѣлу болѣзни скорбутики пятна такія, какъ были на ногахъ.

И того времени по прошенію его величество меня оставилъ на Москвѣ; и жилъ на Москвѣ великій постъ и послѣ св. недѣли по самой постъ Петровъ. И лечился весь великой постъ и по самой свой отъѣздъ отъ Лаврентья дохтура[1]); и больше 30 разъ принималъ проносное лѣкарство и также всѣ 8 недѣль пилъ декоктъ; и кромѣ того мало что пилъ, развѣ мало чаю и чтобъ не съ сахаромъ и горячій. И сидѣлъ въ банькѣ 18 разъ отъ лекаря рыбника. И тѣ 8 недѣль такъ былъ въ заперти, что ни мало слышалъ воздуху. И предъ праздникомъ въ субботу великую пускалъ кровь изъ правой руки такъ много, что дважды меня оморокъ ошибалъ; и въ самой былъ тощатѣ и худобѣ такъ, что николи въ такой худобѣ и безмочствѣ не бывалъ. И іюля первыхъ чиселъ поѣхалъ; и какъ выѣхалъ изъ Москвы верстъ съ пять, и ночевалъ тутъ, также и другой день до обѣда стоялъ, а смотрѣлъ того, чтобъ поворотиться назадъ въ домъ, для того что при томъ выѣздѣ была великая калторація, какъ-бы начала лихорадка, и въ той опасности былъ.

И въ томъ своемъ лѣченьи непрестанно былъ запоръ на низъ; одинъ разъ такъ случилось, что съ пятеры сутки операціи не было, и на 5-й день съ позволенія медика поставили клистиръ, и первый разъ то учинилъ отъ рожденія своего, который такъ сильно дѣйствовалъ, что николи такъ ни отъ какихъ проносныхъ лѣкарствъ видѣлъ и всю такъ матерію выметало, что безъ всякого труда и тощеты, не такъ какъ въ проносномъ лекарствѣ.

---

[1]) Къ этому времени относится письмо на латинскомъ языкѣ, датированное 5 февраля 1705 г. на Москвѣ, каковое «подано было въ консиліѣ докторской на Москвѣ дохтурамъ Лаврентію Блюментросту, Арескяну, Бидлоо». Копія съ этого письма въ русскомъ переводѣ a parte.

И потомъ пріѣхалъ въ Полоцкъ и въ Вилню. И изъ Вильни іюля мѣсяца, въ навечеріи ангела своего, получилъ указъ ѣхать за море для леченья отъ своей болѣзни цынготной. И того мѣсяца поѣхалъ моремъ въ Кенигсбергъ, гдѣ видѣлъ себѣ великое несчастіе, и чуть назадъ не поворотился, и много случаевъ такихъ мнѣ тутъ было, что неутѣшно плакалъ и непрестанно въ великой меланхоліи зоставалъ и не радъ былъ, что самовольно такъ поѣхалъ; а бытности моей на Москвѣ царское величество мнѣ позволилъ хотя-бы годъ жить, только я такъ рано пріѣхалъ для отъѣзда заморского своею волею.

Особливо жь отъ Кенигсберга до Кольберга въ томъ моемъ проѣздѣ была великая причина страшливая, для того что на томъ Балтицкомъ морѣ тутъ на проѣздѣ всегда ходило два военныхъ корабля шведскихъ и осматривали. И для того страхованія отъ непріятеля имѣлъ я надѣяніе ни что иное, токмо отъ реентовъ въ Кенигсбергѣ данъ мнѣ для проѣзду пашпортъ, въ которомъ написанъ италіанцомъ, а не русскимъ; и ѣхалъ будто изъ Венгеръ, а имя Францышка Даміяти. И при Божіей помощи тотъ свой путь отправилъ, хотя и въ страхѣ и въ задержаніи великихъ противныхъ вѣтровъ 12 днями. И пріѣхалъ до Кольберга, а съ Кольберга до Берлина, а отъ Берлина до Дрездена, а отъ Дрездена до Карлсбада, гдѣ пріѣхавъ и лечился въ водахъ горячихъ.

И о той бытности во всемъ моемъ вояжѣ покажетъ особливою книгою, которая названа *Вояжъ и объ леченьѣ въ Карлсбадѣ*, при семъ особливымъ-же описаніемъ. А какъ та моя болѣзнь съ начатку началась и умножилась, обо всемъ здѣсь покажетъ описаніемъ моимъ дискрету моему, которыя были подаваемы господамъ дохтурамъ, придаючи имъ въ консилле, съ которого письма видѣвъ о мнѣ и разсуждали и придали въ разсужденіи, что та болѣзнь моя скорбудика или похондрія и меленхолія и ближится къ лепрѣ, которая называется по словенски проказа. А въ Карсбадѣ докторъ лечилъ, которой назывался Бейхеръ [1]).

---

[1]) Описаніе карлсбадскаго лѣченія у дохтура Бехера приложено особливо *апарте*. Мы не будемъ выписывать всего журнала лѣченья князя Куракина, такъ какъ это было интересно только для самаго больнаго, и то въ свое время. Вы-

Того году начали наши торговые ѣздить въ Голландію, въ Гамбургъ и другіе мѣста отъ городу Архангельского.

Того года отданы на откупъ карты, тавлеи, шахматы, юла, кости и всякіе игры денежные, что не явя тѣхъ инструментовъ и заплатя пошлину не играли, а заплатя пошлину, вольно играть. На откупу первой годъ дано 10,000 рублевъ.

Тогожъ году дворецъ взятъ весь въ банную канцелярію; а взялъ на себя Василій Ершовъ, человѣкъ князь Михайло Яковлевича Черкаского, да Яковъ Акиншинъ, человѣкъ князь Петра Голицына, а взяли всѣ дворцовыя волости изъ прибыли въ полтора, что плачивали прежде сего. Также и по всѣмъ волостямъ, гдѣ бывали прикащики, послали людей боярскихъ, нобравъ изъ домовъ, для лучшей прибыли и собранія казны. Тутъ-же въ одну канцелярію всѣ взяты и конскіе заводы и конюшенной дворъ.

А на дворецъ по комнатамъ на пищу роздано деньгами и сами на себя закупали и справляли столъ. Также и его величества столъ отданъ за 60,000 ординаріи, кромѣ публичныхъ столовъ.

Того году Паткуль патенты печатные выдалъ во всей Германіи о вольности во въѣздѣ и отъѣздѣ форестеромъ въ государство россійское, также и всѣхъ религій вольною экзерциціею. Только вскорѣ, какъ былъ въ Саксоніи, напротивъ отзывалъ, чтобъ онымъ патентамъ не вѣрили.

Того году со всего государства сдѣлали... салдатъ, съ 25 дворовъ человѣка, которымъ жить въ тѣхъ городахъ, и тамъ отставнымъ начальнымъ людемъ, которые за ранами, за болѣзнями, и съ ними всѣхъ полковъ отставные салдаты, и тѣхъ они учатъ. А будетъ и тѣхъ салдатъ возмутъ на службу, и на то мѣсто повинно тому помѣщику дать другихъ своихъ крестьянъ.

пишемъ только общій итогъ лѣченія. «Всего во всѣ куры пилъ воды 17 дней, воды 514 стакановъ, а понозъ было 182 раза. И на брюхѣ, и на рукахъ, и на спинѣ были пятна, только убыло мало. А въ себѣ видѣлъ легость, и въ персонѣ хорошъ, не сухъ; и также апетитъ до ѣжи». — «Особливе объявляю какъ ту воду пьешь, не должно сидѣть, а все должно ходить, потомѣсть, покамѣстъ операцію сдѣлаетъ».

Тогожъ году отъ прибылей состоялся указъ о соли: а велено соль всю продавать на государя, а промышленникамъ солянымъ давать за пудъ—Строгонову и другимъ, которые варятъ,—въ Нижнемъ по гривнѣ, а изъ Нижняго все станутъ продавать и по разнымъ мѣстамъ раздавать на государя.

И первый годъ въ Москвѣ стали продавать по полуполтинѣ, а въ Новѣгородѣ, на прикладъ, и въ другихъ дальныхъ мѣстахъ по 10 алтынъ и больше. А та соль также была вѣдома канцеляріею особою или столомъ въ помѣстномъ приказѣ подъ судомъ Автамона Иванова думного дьяка.

Того году выдана прибыль: у города Архангельскова велено быть реенту одному, который осматриваетъ всѣ товары на лицо, вынимаючи изъ кораблей по обычаю заморскому, и даетъ свидѣтельствованные листы; а не такъ, какъ прежде до сего бывало, кто что напишетъ по росписи, тому и вѣрили, и пошлины на Москвѣ съ купца и съ продавца цѣльного товару, а то, что врознь продастъ, по 5 копѣекъ, и съ обоихъ будетъ по гривнѣ.

Того году брали въ салдаты изъ крестьянъ съ московского уѣзду не съ дворовъ, всѣхъ поголовно молодыхъ. Также на другой годъ тѣмъ-же обычаемъ изъ другихъ уѣздовъ, которые отъ Москвы въ разстояніи за 120 верстъ.

Того года взяли къ польскому походу двои лошади со всего государства, первые съ 90 дворовъ лошади, въ другорядь съ 85 дворовъ лошадь съ хомутами и съ телѣгами. А цѣна была положена въ 9 рублевъ, а выше что можно. И воеводы со всѣхъ городовъ сами въ полкъ приводили.

Того году указъ состоялся брить бороды. И почали брить всѣ во всемъ государствѣ. А будетъ кто не похочетъ брить, на годъ платитъ по 30 рублевъ въ казну.

И тогожъ году начато камни возить для мостовъ каменныхъ съ дворовъ крестьянскихъ. И арсеналъ большой артиллеріи къ совершенію не приведенъ, только вымурованъ. И большой успенскій колоколъ поставленъ.

Годъ 30-й.

Отъ 1705 года іюля 20 по 1706 годъ іюля 20.

Того году три дня спустя получилъ указъ отъ его величества объ отъѣздѣ моемъ за море для леченія въ Карлсбадъ. И пріѣхавъ лечился, о чемъ всемъ томъ выше описалъ. Только въ пріѣздѣ того времени въ Польшу видѣлъ милость его величества, также и отъ губернатора; а отъ людей всѣхъ и отъ народу не такъ.

Особливе тутъ объявлю въ сей описанной моей книжкѣ явлены вновь прибыли, которыя въ царство его величества учинены съ 900,000, которыхъ николи сборовъ бывало. А особливе вновь по приказамъ судьи многія вновь учинили прибыли, какъ въ печатномъ приказѣ лишнія пошлины положены; также и въ помѣстномъ и въ судномъ приказѣ, коли не бывало того;—также и въ розряду вся Украйна въ окладъ и слободы на оброкъ положены, только нѣкоторыя для службы береговой оставлены; также и въ земскомъ приказѣ мостовые съ загородныхъ дворовъ, также и стрѣлецкихъ земель. Которыхъ всѣхъ новыхъ сборовъ сподѣвалось всѣхъ на все милліонъ, албо съ $1^1/_2$. На что прошу мнѣ въ томъ неподозрѣнія, что не подлинно описалъ: однако каждый можетъ выразумѣть, что се мое описаніе было въ отлученіи отъ своихъ краевъ. И ктому долженствую и то явно положить, каждый доходъ подъ статьями своими. А о сборѣ салдатъ явно о томъ кладу, что всѣхъ съ начала войны шведской съ вольницею и съ даточными 15,000 человѣкъ, кромѣ нынѣшнихъ салдатъ отправнанихъ, которые называются безмѣнные...

Сего лѣта дѣтей своихъ посадилъ учиться грамотѣ нѣмецкого языка, которому мастеру плата была со всѣмъ 100 рублевъ.

А изъ Карлсбада въ октябрѣ мѣсяцѣ послѣднихъ чиселъ поѣхалъ чрезъ Лейпцигъ въ Амстердамъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ во всей Голландіи ноябрь, декабрь, генварь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь.

И въ апрѣлѣ началъ лечиться еще отъ доктора Хика въ Амстердамѣ и цилюрика Боновента жида, у которого и жилъ въ домѣ 5 недѣль. А за леченье 100 червонныхъ. А лечилъ оный—сажалъ 24 раза въ пары, и пилъ декоктъ, ни что другое, а наче всѣхъ учинилъ

способъ, больше нежели другіе [1]). И вышедъ изъ того леченья, въ іюнѣ мѣсяцѣ поѣхалъ, возвращаючись до Москвы. И въ томъ проѣздѣ былъ въ Дюссельдорфѣ при Рейнѣ, гдѣ резидуетъ пфальцграфъ Палатинскій. И оттоль прямою почтою до Лейпцига, которою ѣхалъ сперва, а потомъ въ Бреславль, и жилъ тутъ недѣль съ 6.

Сего году царевичъ въ бомбардирскую роту взятъ въ салдаты.

Тогожъ году печерскій монастырь въ Кіевѣ фортификованъ, также и Брянскъ.

Того году изъ Польши изъ войскъ въ Гроднѣ Андрей Виніусъ поѣхалъ въ Голландію, и живетъ тамъ безъ позволенія государева, и безъ пашпорта, оставя домъ и дѣтей; а голландцы не выдаютъ.

Того году король французскій далъ царскому величеству маста въ бытность Андрея Матвѣева. И грамота чрезъ того посланника прислана.

Въ томъ году костелъ езувитской построенъ каменной.

Тогожъ году съ Москвы многихъ фамилій знатныхъ перевезли жить въ С.-Петербургъ и въ Нарву.

Годъ 31-й.

Отъ 1706 года іюля 20 по 1707 годъ іюля 20.

А изъ Бреславля въ августѣ чрезъ Франкфуртъ, на Гданскъ и на Кенигсбергъ, и чрезъ Литву на Гродно, на Новогродокъ, на Слуцкъ, на Петроковъ, на Черниговъ, а съ Чернигова на Глуховъ, на Рыльскъ, на орловскую деревню, и прямо къ Москвѣ, гдѣ пріѣхалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и жилъ въ Ильинѣ 10 дней. Поворотясь къ Москвѣ, объявился Петру Шафирову, который сказалъ, что указъ есть о мнѣ, когда явлюсь, чтобы явиться царскому величеству, или въ Польшѣ князю Меншикову. И вскорѣ по трехъ дняхъ на почтѣ поѣхалъ въ С.-Петербургъ до царского величества.

Несчастливой свой пріѣздъ видѣлъ. По пріѣздѣ моемъ тотчасъ мнѣ объявлено comecho molti spropositi sono stati della me [2]), которые

---

[1]) Журналъ лѣченья въ Амстердамѣ также записанъ особо въ концѣ рукописе, апарте.

[2]) Сколь многія глупыя рѣчи говорены были обо мнѣ.

были мнѣ поносны и стыдны; на все государство diceuono: qualche cosa extraordinaria! [1]).

И отъ того произошли съ тещею великія ссоры и на дворъ къ себѣ жить не принялъ и отдалъ къ матери. И чрезъ отца духовного Наума много въ томъ было интригъ всякихъ, весьма былъ въ томъ намѣренія pregar il suo M. dimetter in monasterio [2]).

Однакожъ все то понесъ съ великою противностію себѣ всякій поносъ и стыдъ и управилъ себя въ путь свой, а ее оставилъ della sua madre [3]). И палецъ оставилъ отъ своего владѣнія, и прикащику ни о какихъ дѣлахъ въ домъ мой не писать и отписокъ не примать.

Того году сговорена въ февралѣ мѣсяцѣ племянница моя, братня дочь князь Михайла Ивановича, княжна Марья Михайловна за Петрова сына за Апраксина за Александра, за племянника Ѳедора Апраксина. А приданное ей дано деревень въ саранскомъ уѣздѣ Куря, въ тверскомъ 1/3 Никулина и съ другими, половина Чернышова, Троицкое въ саранскомъ-же уѣздѣ; только всего будетъ съ 1,000 дворовъ (сельцо Гурьево и 1/3 села Никулина Городища, въ московскомъ уѣздѣ и 1/2 сельца Чернышова; въ саранскомъ уѣздѣ село Куря, Алада тожъ, село Ивановское, село Троицкое). И все то отдала вдругъ во владѣніе, а непорядку всему тому учинилась чрезъ царевича сибирского, и то учинила невѣстка княгиня Мавра Дмитревна въ моемъ отлученіи, безъ всякого совѣту всѣхъ своихъ сродниковъ. Первое фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдала; второе — что всѣ такъ деревни вдругъ отдала, то паче всего непорядочно учинено, а конецъ въ томъ противность показала, что прежде того времени ничего о томъ не объявила. А женился въ маѣ мѣсяцѣ.

Того году король шведскій, которыхъ солдатъ и драгунъ московскихъ побралъ въ полонъ, увеселя ихъ много и давъ денегъ, послалъ въ россійское государство съ 200 человѣкъ, и при нихъ своихъ шведовъ для увѣренія нѣсколько человѣкъ, жечь городы многіе. И того году отъ тѣхъ выжженъ Бѣлгородъ, Сумы, и на Москвѣ не малое число,

---

[1]) Говорили: какое дѣло необыкновенное!

[2]) Просилъ свою жену отойти въ монастырь.

[3]) У ея матери.

по многихъ городамъ хватали тѣхъ русскихъ солдатъ и шведовъ; и были казнены. Также въ бытность въ Польшѣ той войны слышалъ, что многіе отъѣхали изъ офицеровъ служить, иные подъ польскіе хорогвіи, а другіе подъ шведа; а именно кто, знать не могъ о томъ.

Того году князь Меншиковъ учиненъ дукомъ Ингріею, сувраномъ во своемъ владѣтельствѣ.

Головкинъ Гаврило учиненъ отъ цезаря графомъ и дипломату взялъ.

Ѳедоръ Апраксинъ—адмираломъ первымъ надъ всѣмъ флотомъ морскимъ.

Петръ Шафировъ—президентомъ государственной канцеляріи.

Князь Матвѣй Гагаринъ—въ сибирскомъ приказѣ.

Тогожъ года велено министру нашему Урбаху при дворѣ венецкомъ искать того случая, что тогожъ года отъ цезаря учиненъ княземъ имперскимъ и дипломата дана.

Сего году король Августъ отсталъ и учинилъ миръ съ королемъ шведскимъ, а корону польскую отдалъ Лещинскому Станиславу. И потомъ вся Рѣчь Посполита пришла подъ протекцію къ царскому величеству.

Того году часы перемѣнены на Москвѣ ходить по астрономецки, 12 съ половины дня и до полуночи; также и часы игратeльные на церкви того году поставлены на Чистомъ Прудѣ.

Того году царское величество самъ учиненъ полковникомъ отъ преображенского полку гвардіи первой въ Кіевѣ.

Того году флотъ морской выступилъ въ море Балтійское.

И по пріѣздѣ порядочную пріемность видѣлъ, токмо уже по томъ пріемѣ и былъ, и въ ту свою бытность подарилъ его ланцетомъ, который купилъ въ Берлинѣ. И пріѣхавъ жилъ только до Рождества, то есть 4 недѣли, а потомъ вскорѣ чрезъ почту поѣхалъ въ Жолкву, гдѣ станъ зимній былъ царского величества. (Осенью царское величество ходилъ изъ подъ С.-Петербурга подъ Выборгъ и раззоря назадъ возвратились, людей немного потеряли, только лошадей перемориіи довольно: и того году на Москвѣ царское величество не былъ). И поѣхалъ съ Москвы на вечеръ въ самое Рождество Христово, и

ѣхалъ на почтѣ чрезъ Кіевъ ажъ до самой Жолквы, гдѣ пріѣхавъ получилъ великую милость царского величества и отъ князя Меншикова, и отъ всѣхъ прочихъ министровъ, что николи того не видалъ. И жилъ три недѣли. Вскорѣ былъ отправленъ въ Римъ къ папежскому двору министромъ безъ всякого характеру, только въ грамотѣ кридеціальной написано: *комнатный господинъ и подполковникъ отъ гвардіи.* И въ ту мою бытность въ Жолквѣ сказанъ въ подполковники къ гвардіи Семеновского полку; а окладъ жалованья учиненъ близко 10,000 рублевъ, выше полковника другихъ полковъ. А въ посылку римскую дано мнѣ 1000 червонныхъ, да на переводчика 100 червонныхъ Веселовскому Абраму, которого взялъ изъ Вѣны отъ Гезина. И поѣхалъ отъ полку своего въ Римъ, взявъ зъ собою только одного человѣка Ѳедора Агаркова. И ѣхалъ на Краковъ, на Вѣну, на Венецію, на Болонью, на Флоренцію, гдѣ былъ въ томъ проѣздѣ у Гранъдука, отдавалъ визиту. Гдѣ былъ принятъ съ великимъ почтеніемъ отъ него самаго, и что имѣлъ съ нимъ разговоръ, то писано въ писаніи дѣлъ римскихъ; а стоялъ и съ нимъ говорилъ въ шляпахъ; и потомъ имѣлъ великіе рыгалы винъ и цукровъ, какъ обыкновенно всѣмъ князьямъ отъ кровя такъ чинить. И потомъ пріѣхалъ въ Римъ по ихъ календарю апрѣля первое число; и въ Римѣ былъ апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, а въ октябрѣ 20 числа поѣхалъ, возвращающеся во отечество.

Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской націи въ пріемности такого гонору и порядкомъ не былъ принятъ. Гдѣ во всѣхъ церемоніяхъ такъ установилъ, какъ къ чести царскому величеству, такъ и къ своей персонѣ, какъ и другихъ прочихъ министровъ европскихъ и князей осанки принимаютъ. И былъ на аудіенціи, цѣловалъ у папы ногу, также и на всѣхъ аудіенціяхъ ногу цѣловалъ [1]). И потомъ кардина-

---

[1]) Папою былъ тогда Климентъ XI. Въ *Исторіи Петра В.* Бергмана (т. II, стр. 205 русскаго перевода) читаемъ: въ «Римѣ князь Куракинъ возбуждалъ папу Климента XI бросить громы свои на побѣдоноснаго короля еретика. Но что значили всѣ подобныя попытки противъ такого монарха, какимъ былъ Карлъ XII!»

ламъ отдавалъ визиты, гдѣ и мнѣ всѣ оные отдали визиты, всѣхъ съ 18 человѣкъ. И потомъ имѣлъ рыгалы цукорами и другими галантеріями (и о всемъ томъ пространно писалъ въ писаніи моей книги вояжу италіанского, также и дѣлъ римскихъ). А по отъѣздѣ самомъ папа послалъ со мною крестъ съ мощми до государя царевича, также въ ту свою бытность получилъ письмо за рукою самою царскому величеству. И всѣ тѣ свои дѣла отправилъ со всякимъ порядкомъ, и, чаю, выгодность своему патрону, на что было........ не призналъ Станислава за короля польского, то все удержалъ, хотя много себѣ и противниковъ видѣлъ. Также великую пріемность и склонность самого папы видѣлъ, гдѣ на остатку экстраординарную честь видѣлъ, что остатній вечеръ прислалъ брата своего родного отдать визиту и дать отъ своей партіи визиту,—которой персону себѣ презентуетъ дукъ или князь... Во всю свою бытность ту римскую и въ проѣздъ италіанскій по самый пріѣздъ въ Гамбургъ прожилъ самыхъ своихъ денегъ съ 4,000 ефимковъ, то будетъ 3,600 рублевъ,—по 30 алтынъ ефимокъ былъ; и для того того году 1707 продалъ деревню въ Суздалѣ село Глинища; взято 2,000 рублевъ.

Въ ту свою бытность въ Римѣ и во всю италіанскую бытность при помощи Божіей не имѣлъ никакой болѣзни. Только имѣлъ всякія пятна по лицу и для того лечился отъ дохтура въ Римѣ, которого имя Грецельтъ (въ книгѣ описанія вояжу моего), который пурговалъ. И потомъ пилъ броды свиперовъ, для чего увидѣлъ не малую пользу, и всѣ тѣ пятна гораздо были умалены; и матерію худую выбило въ голову, гдѣ были великія шишки, чрезъ которые шла матерія, была и кровь. И во всемъ себѣ видѣлъ великую легость и апетитъ до здоровья (sic).

О податяхъ долженъ-бы былъ писать, которого году сколько взято съ крестьянъ деньгами, хлѣбомъ, работниками, извощиками, лошадьми, даточными какъ съ дворовыхъ, такъ и съ крестьянъ. Только о всемъ семъ забылъ писать; чтобъ еще вдвое количествомъ сей книги написаты, то оставляю. Генерально можно сказать: со всякого письменного двора крестьянского сходилося слишкомъ по 16 рублевъ. Кто о томъ хочетъ вѣдать, можетъ увѣдать съ указовъ въ канцеляріяхъ.

Сего лѣта начали Москву фортификовать вокругъ господиномъ инженеромъ московскимъ Васильемъ Корчминымъ. Гдѣ было со всѣхъ уѣздовъ многое число работниковъ собрано. И въ то лѣто все то окончали. И попы, и посадскіе работали. И все будетъ подлиннѣе описано впредь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи.

(Продолженіе) [1].

Распространеніе штунды между православнымъ населеніемъ новороссійскаго края.

Первое свѣдѣніе о появленіи баптизма подъ именемъ штунды между православнымъ сельскимъ населеніемъ херсонской губерніи относится къ 1865 году. Въ январѣ сего года преосвященному Димитрію было доложено благочиннымъ словесно, что въ деревнѣ Основѣ рясопольскаго прихода нѣкоторые православные подозрѣваются въ принадлежности къ нѣмецкой сектѣ. Въ февралѣ 1865 г. волостное правленіе дознало, что въ домѣ Ратушнаго уже 4 года собираются для чтенія священнаго писанія и пѣнія духовныхъ пѣсней, и что въ послѣднемъ собраніи было 26 мужчинъ и 6 женщинъ. Въ февралѣ 1866 г. получено преосвященнымъ Димитріемъ уже формальное донесеніе благочиннаго о существованіи нѣмецкой секты между православными. Совратившіеся были до того скрытны, что говѣли прежде другихъ въ великій постъ, имѣли въ домахъ иконы и не нарушали постовъ открыто. Въ 1867 г. сектанты выступили открыто и въ Ряснополѣ ихъ, по донесенію благочиннаго, было уже мужчинъ 33, женщинъ 21. По донесенію одесскаго исправника отъ 16 февраля 1867 г. въ мѣстечкѣ Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, въ мѣ-

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г, октябрь, стр. 305—321.

стечкѣ Ряснополѣ и въ деревнѣ Основѣ того-же уѣзда начали собираться общества въ первой мѣстности изъ 15 лицъ, кромѣ малолѣтнихъ, во второй изъ 5 семействъ и въ третьей изъ 14 семействъ, читая и толкуя въ своихъ собраніяхъ евангеліе подъ руководствомъ лютеранскихъ раскольниковъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ сосѣдней колоніи Рорбахъ. Посѣщающіе эти собранія крестьяне перестали ходить въ православную церковь, не почитаютъ св. иконъ и не исполняютъ никакихъ обрядовъ православной церкви. Виновниками распространенія этого раскола между православными признаны крестьяне деревни Основы Ратушные, которые и арестованы. Мѣстнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Ряснополѣ въ это время былъ грекъ, который, не умѣя выражаться по русски, не рѣшался употребить мѣры увѣщанія для вразумленія совращенныхъ. На его мѣсто въ мѣстечко Ряснополь, по распоряженію преосвященнаго Димитрія, назначенъ священникъ Промысловъ, обучавшійся только въ низшихъ духовныхъ училищахъ, и ему вмѣнено въ обязанность вести воскресныя чтенія и бесѣды. Хотя братья Ратушные были подвергнуты аресту, но собранія совращенныхъ въ такъ называемый штундизмъ тѣмъ не менѣе продолжались и въ 1868 г. въ домѣ Михаила Ратушнаго, куда приходили и нѣмцы-колонисты[1]). Тотъ-же Ратушный, въ сообществѣ съ жителями мѣстечка Игнатовки, крестьянами Герасимомъ Витенкомъ (Болобаномъ) и Александромъ Капустянымъ пропагандировали баптистское ученіе, подражая колонистамъ не только въ способѣ ученія, но также въ походкѣ, жестахъ и въ одеждѣ. Въ томъ-же 1867 г. секта такъ называемыхъ штундистовъ появилась еще въ хуторѣ Николаевскомъ ананьевскаго уѣзда, принадлежащемъ полковнику Казаринову. Насадителемъ этой секты здѣсь былъ мѣщанинъ Адамъ Войсаровскій, къ которому присоединились или правильнѣе сказать имъ совращены: причисляющійся въ ананьевскіе мѣщане Даніилъ Кондрацкій римско-католическаго исповѣданія, причисляющіеся въ одесскіе мѣщане Андрей Войсаровскій и Сильвестръ Войсаровскій, одесскіе мѣщане—Григорій Яворскій, Илія Бондерскій,

[1]) Донесеніе одесскаго исправника херсонскому губернатору отъ 16 февраля 1867 года, № 27. Отношеніе преосвященнаго Димитрія къ новороссійскому генералъ-губернатору отъ 14 марта 1868 г.

Илія Долженко, Михей Зайченко, Яковъ Меншинъ, рядовой, обучавшій дѣтей—Левъ Поповъ, бывшій дворовый человѣкъ Василій Ивановъ, николаевскій мѣщанинъ Иванъ Гавриловъ и крестьяне Яковъ Оситняжскій, Яковъ Ткаченко, Аѳанасій Черепъ. У каждаго изъ нихъ при обыскѣ въ домахъ найдено евангеліе въ русскомъ переводѣ и псалмы, не посвидѣтельствованные къ печати русской цензурой. Сектанты собирались въ домѣ Аѳанасія Войсаровскаго, отвергали обряды церковные, таинства, почитаніе мощей и иконъ. Становой приставъ запретилъ собранія и воспретилъ рядовому Попову обучать дѣтей[1]).

Не менѣе дѣятельнымъ, чѣмъ Ратушный, пропагаторомъ баптизма явился въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи Рябошапка, крестьянинъ д. Любомірки. Даровитый отъ природы, онъ самъ выучился читать и сдѣлался отличнымъ мельникомъ, кузнецомъ и слѣсаремъ. Первоначально и долго служилъ при любомірской экономіи; съ 1865 по 1867 годъ онъ и крестьянинъ Максимъ Кравченко были на заработкахъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ ананьевскаго уѣзда и въ теченіи этого времени не соблюдали никакихъ обрядовъ православной церкви. По возвращеніи въ Любомірку въ 1867 году они застали въ мѣстной экономіи колонистовъ елисаветградскаго уѣзда, Мартина Гюбнера лютеранскаго исповѣданія и Христофора Эндингера реформатскаго исповѣданія, которые посѣщали домъ Рябошапки будто для сличенія русскаго перевода съ нѣмецкимъ, сему-же содѣйствовалъ и Іоганъ Прицкау, пріѣзжавшій изъ колоніи Альтъ-Данцигъ. Съ тѣхъ поръ Рябошапка самъ сталъ проповѣдникомъ баптистскихъ убѣжденій, собирая тайно въ своемъ домѣ православныхъ крестьянъ сначала въ маломъ количествѣ, а въ послѣдствіи въ числѣ 75 душъ обоего пола. Въ 1867 году Рябошапка былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ превратномъ смыслѣ въ своемъ домѣ при народномъ собраніи и отправленъ въ становую квартиру, а оттуда сперва въ Елисаветградъ, а потомъ въ г. Вознесенскъ, гдѣ освобожденъ судебнымъ слѣдователемъ. Въ 1868 году за тоже вновь былъ арестованъ и отправленъ къ священнику для увѣщанія, а

[1]) Донесеніе ананьевскаго исправника херсонскому губернатору 14 іюля 1867 года № 2,289.

потомъ доставленъ въ ольшанское волостное правленіе и здѣсь, по выдержаніи въ теченіи 7-ми недѣль подъ арестомъ, освобожденъ по просьбѣ ольшанскаго священника Лобачевскаго, у котораго предъ своимъ освобожденіемъ исповѣдывался и причащался. На вопросъ, почему онъ не исповѣдывается у своего любомірскаго священника, Рябошапка отвѣчалъ: «Ольшанскій священникъ дуже розумный, а тамъ еще пошло на перекоръ, а по слову Божію не нужно исповѣдываться у священника».—Въ декабрѣ 1869 г. Иваномъ Рябошапкой обращенъ въ секту баптистовъ изъ іудейства житель м. Криваго-Рога балтскаго уѣзда Сруль (Израиль) Циммерманъ 16-ти лѣтъ, работавшій вмѣстѣ съ Рябошапкою у бобринецкаго мѣщанина Іося Глинсберга. Проживши у Рябошапки около 2 недѣль, онъ отвезенъ былъ въ д. Глиняную къ нѣмцу, а оттуда неизвѣстно куда. На жалобу отца и брата Циммермана Рябошапка отвѣчалъ незнаніемъ о томъ, гдѣ находится Сруль Циммерманъ. Между тѣмъ этотъ еврей очутился въ Добруджѣ, и тамошніе сектанты хотѣли снабдить его турецкимъ паспортомъ (Донесеніе херсонскаго губернатора генералъ-губернатору отъ 7 іюля 1870 года). Помощникомъ Рябошапкѣ въ пропагандѣ былъ Михаилъ Кравченко, который двукратно,—въ 1867 и 1868 г., былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ собраніяхъ и послѣ увѣщанія, сдѣланнаго священникомъ, былъ посылаемъ лысогорскимъ волостнымъ правленіемъ копать канавы. Пропаганда Рябошапки въ 1869 и 1870 г. развилась уже такъ, что онъ имѣлъ послѣдователей своего ученія не въ одной Любомиркѣ, но и въ другихъ селахъ елисаветградскаго уѣзда, а именно: въ д. Карловкѣ, Обозовкѣ, Игнатовкѣ, Ялековкѣ, Лысой Горѣ, Николаевкѣ, Помошной, Песчаномъ Бродѣ и Глиняной и образовалъ новыхъ себѣ сотрудниковъ въ крестьянинѣ д. Карловки Ефимѣ Цымбалѣ, который принялъ крещеніе отъ Абрама Унгера и разъѣзжалъ по деревнямъ вмѣстѣ съ совратившимъ его Яномъ Прицкау (изъ колоніи Альтъ-Данцигъ), и въ крестьянахъ деревни Обозовки—Вѣтряченкѣ и Марченкѣ [1]). Въ ноябрѣ 1870 года Рябошапка обращался къ г. генералъ-губернатору Коцебу съ просьбой о дозволеніи ему съ 45 душами

[1]) Донесеніе полковника Дембровскаго новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу отъ 17 декабря 1870 г.

своихъ послѣдователей выселиться куда нибудь въ степи и построить тамъ свою школу; но прошеніе это оставлено безъ удовлетворенія. Предположеніе ген. Коцебу выселить малорусскихъ баптистовъ изъ херсонской губерніи на Кавказъ, согласно новому прошенію Рябошапки, не имѣло успѣха, такъ какъ Его Императорское Высочество, бывшій кавказскій намѣстникъ не соизволилъ на сіе, не желая умножать и безъ того большое число сектантовъ на Кавказѣ.—Рябошапка, отвергнувъ крещеніе дѣтей, ввелъ и въ своей общинѣ крещеніе въ совершенномъ возрастѣ и раздаяніе хлѣба и вина въ замѣнъ таинства причащенія. Для успѣха пропаганды было распространено мнѣніе, будто всякій поступающій въ «братство друзей Божіихъ», какъ называли себя новые баптисты, долженъ скоро разбогатѣть, и притомъ увѣряли, что если онъ положитъ въ школѣ или въ молитвенномъ домѣ извѣстную сумму денегъ съ вечера, то къ утру она непремѣнно удвоится. Достиженіемъ этого чрезъ добавленіе къ положеннымъ деньгамъ денегъ жертвуемыхъ отъ общины привлечено въ это братство нѣсколько простодушныхъ крестьянъ [1]).

Въ с. Игнатовкѣ и д. Основѣ одесскаго уѣзда секта баптистовъ или штундистовъ въ теченіе 1870 года возросла съ 48 до 219 душъ. Главными руководителями секты оставались тотъ-же Михаилъ Ратушный, проживающій въ с. Игнатовкѣ Герасимъ Винтанъ, онъ-же Болобанъ, и Александръ Капустянъ. Изъ нихъ Болобанъ оказался крестьяниномъ с. Чаплинки, таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи, проживающимъ безъ письменнаго вида. Женившись на вдовѣ мѣстнаго крестьянина, онъ и ея дѣтей совратилъ въ свою секту. Въ рясонольскомъ волостномъ правленіи оказался отзывъ чаплинскаго волостнаго правленія, въ которомъ значилось, что Болобанъ считается на поручительствѣ до рѣшенія дѣла о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета, и чаплинское волостное правленіе просило не стѣснять Болобана въ проживательствѣ его въ рясонольской волости. Хотя уже было предположено выслать Болобана въ кіевскую губернію и сообщено было кіевскому губернатору объ учрежденіи надъ нимъ надзора относительно его религіозныхъ мыслей, но онъ, испросивъ себѣ у исправника

---

[1]) Донесеніе г. Коцебу отъ того-же полковника.

дозволеніе остаться на 4 дня въ с. Игнатовкѣ, тайно ушелъ въ кіевскую губернію для испрошенія себѣ паспорта. Въ то-же время въ д. Основѣ въ числѣ арестованныхъ на молитвенномъ собраніи оказались: одинъ крестьянинъ таврической губерніи, одинъ черниговской губерніи, значительное число крестьянъ изъ херсонскаго уѣзда, изъ с. Николаева, г. Аккермана и другихъ мѣстъ. Штундисты одесскаго уѣзда вынесли иконы изъ своихъ домовъ и отдали въ приходскую церковь, къ православной церкви стали относиться съ пренебреженіемъ и дошли до такой дерзости, что стали свистать при крестныхъ ходахъ и нарушать благоговѣніе [1]). Еще болѣе дерзкое отношеніе къ православной церкви проявилось въ 1872 г. между совращенными, изъ коихъ крестьянинъ с. Гладосъ Петръ, по фамиліи Французъ, изрубилъ топоромъ икону Николая Чудотворца, а крестьяне д. Константиновки херсонскаго уѣзда въ числѣ 6 человѣкъ открыто глумились надъ православною похоронною процессіею и другими обрядами православной церкви, за что впрочемъ были наказаны розгами по рѣшенію сельскаго схода. Въ Константиновкѣ въ этомъ году было уже до 60 штундистовъ; они-же совратили и нѣсколько крестьянъ с. Покровскаго, которые, собираясь въ домѣ крестьянина Лукьяна Гайдамаки, читали между прочимъ книгу: «Приношеніе православнымъ христіанамъ», переведенную съ нѣмецкаго языка и изданную съ дозволенія цензуры.

Пропаганда баптистскихъ эмиссаровъ въ свою очередь не прекращалась какъ между нѣмецкими колонистами, такъ и между православнымъ сельскимъ населеніемъ. Такъ въ январѣ 1872 года въ д. Ландау одесскаго уѣзда были задержаны Христіанъ Фишеръ и саксонскій подданный Карлъ Кенегъ, проживавшій въ колоніи Новый-Данцигъ херсонскаго уѣзда, которые совращали мѣстныхъ колонистовъ въ баптизмъ, а въ февралѣ 1872 г. Христіанъ и Михаилъ Фишеры съ колонистомъ с. Хортицы, екатеринославской губерніи, Вилеромъ, прибыли въ с. Рорбахъ одесскаго уѣзда, гдѣ Вилеръ въ домахъ Якова Губера и Генриха Штоллера толковалъ св. писаніе на русскомъ языкѣ, при чемъ находились и крестьяне православнаго исповѣданія, съ ко-

---

[1]) Донесеніе херсонскаго губернатора г. министру внутреннихъ дѣлъ въ іюнѣ 1870 года.

торыми Вилеръ входилъ въ объясненіе и давалъ имъ причастіе. Это были крестьяне изъ д. Основы и м. Игнатовки, которые въ числѣ 12 человѣкъ пріѣхали сюда съ женами и между которыми находились Михаилъ Ратушный и Александръ Капустянъ, привлеченные еще въ 1871 году къ предварительному слѣдствію судебнымъ слѣдователемъ 2 участка одесскаго уѣзда за распространеніе ереси. При задержаніи Вилера въ колоніи Рорбахъ у него найдены: записная книжка, дневникъ, *брошюра объ ученіи баптистовъ* и прошеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи ему и его единомышленникамъ собираться для чтенія слова Божія и образовать братство. Ратушный и Капустянъ сознались, что они и 48 человѣкъ изъ с. Игнатовки и д. Основы приняли второе крещеніе отъ крестьянина д. Любомірки Ивана Рябошапки 8 іюля 1871 года[1]).

Такимъ образомъ ученіе сектантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «штундистовъ», образовалось не на русской почвѣ и принесено въ Россію изъ Германіи, именно изъ Гамбурга, въ которомъ, по частнымъ свѣдѣніямъ бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора П. Е. Коцебу, подтвердившимся теперь вполнѣ наведенными нами въ Берлинѣ справками, берлинскій купецъ Онкенъ устроилъ даже семинарію для образованія миссіонеровъ баптизма. Насадителями этого ученія сперва между нѣмецкими колонистами на Волыни и въ новороссійскомъ краѣ, а потомъ и между православнымъ русскимъ населеніемъ были иностранцы, вышедшіе изъ Гамбурга: Ондра, Прицкау, Отто-Вильгельмъ Шульцъ, Карлъ Эпдингеръ, Францъ Лиеовскій, Михель Филкъ и наконецъ самъ Онкенъ, который проѣхалъ херсонскую и таврическую губерніи. Ихъ дѣятельными сотрудниками оказались изъ мѣстныхъ колонистовъ Георгій Клундтъ, Майеръ, Либигъ и болѣе всего хортицкій менонитъ Вилеръ.

Противъ заноснаго характера появившейся у насъ штунды возражаетъ авторъ рецензіи на октябрскую книжку «Кіевской Старины» въ № 224 «Кіевлянина», приписывая такой взглядъ нашъ малому знакомству нашему съ литературой настоящаго предмета. Мы бы просили автора сказать, изъ чего-же состоитъ у насъ литература этого пред-

[1]) Донесеніе херсонскаго губернатора новороссійскому генералъ-губернатору 15 марта 1842 г. № 69.

мета? Неужели изъ указанныхъ имъ статей въ № 56 и послѣдующихъ «Кіевлянина» за 1884 г., по видимому принадлежащихъ его-же перу и заключающихъ въ себѣ лишь перебалтываніе того, что содержится въ появившейся около того-же времени брошюрѣ г. Ушинскаго «О причинахъ появленія ученій штундистовъ»? Но самъ Ушинскій ученіе т. наз. русскихъ штундистовъ смѣшалъ съ ученіемъ лютеранъ, совращеніе православныхъ въ секту приписываетъ позаимствованію лютеранскихъ мнѣній въ собраніяхъ т. н. *штунде*, какъ будто малороссы могли тутъ что либо понимать, не зная ни слова по нѣмецки. Правда Ушинскій въ своей брошюрѣ упомянулъ о появленіи въ нѣмецкихъ колоніяхъ херсонской губерніи баптистскихъ эмиссаровъ и административной высылкѣ ихъ, но сказалъ это голословно, безъ указанія, откуда они вышли и куда ушли, чему и кого учили и въ какихъ именно колоніяхъ, онъ не назвалъ даже ни одного изъ нихъ по имени. Причиной сего то, что ему было сказано нами не больше этого. Не могъ дальше пойти и черпавшій свои свѣдѣнія изъ Ушинскаго авторъ статей «Кіевлянина» въ № 56 и слѣдующихъ. И тотъ и другой причину распространенія у насъ баптизма хотятъ видѣть въ крайне неудовлетворительныхъ отношеніяхъ между сельскимъ духовенствомъ и крестьянами. Мы-бы просили ихъ сказать, какой процентъ приходовъ съ такими отношеніями въ общемъ числѣ приходовъ кіевской епархіи и дѣйствительно-ли эти отношенія были неудовлетворительны въ тѣхъ именно приходахъ, въ которыхъ первѣе всего появилась секта, т. е. въ с. Чаплинкѣ, Косяковкѣ и Плосскомъ? Мы съ своей стороны заявляемъ, что ни прежде, ни послѣ ни на одного изъ священниковъ этихъ приходовъ не поступило никакой жалобы ни къ духовному, ни къ гражданскому начальствамъ. Если полагать причину болѣзни лишь въ мѣстности, гдѣ она появляется, то пришлось бы сказать, что холера появилась въ Ліонѣ, въ Марсели, Парижѣ, въ Римѣ потому только, что она нашла тамъ для себя почву, а не потому, что она занесена туда людьми и вещами изъ за моря. Раньше, чѣмъ у насъ, баптизмъ распространился въ другихъ странахъ и въ Соединенныхъ Американскихъ штатахъ баптистовъ нынѣ до 1,009,000, въ Великобританіи и Ирландіи до 280,000, въ Западной Индіи до 36,000, въ Германіи до 31,000; неужели и тамъ причиною этого только болѣе или менѣе не удовлетворительныя отношенія духовенства къ прихожанамъ?

П. Л—въ.

Библіографія.

Д. Я. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава. 1884 г. Стр. X, 145.

Два вышедшихъ въ свѣтъ выпуска «Исторіи русскаго права» составляютъ собственно введеніе въ «Исторію», такъ какъ они посвящены общимъ вопросамъ славяно-русской исторіи, оцѣнкѣ различныхъ мнѣній и теорій о началахъ славянскихъ народовъ и въ частности русскаго, объосновапію собственныхъ воззрѣній автора. Раскопки и другіе способы изслѣдованія русской и славянской старины привели автора еще въ первомъ выпускѣ его «Исторіи» къ тому убѣжденію, что господствующее въ исторической литературѣ направленіе крайне неблагопріятно для разъясненія началъ русской исторіи вообще и древнѣйшаго политико-юридическаго быта русскихъ въ частности. Точно также и во II выпускѣ авторъ пытается исправить основныя положенія русской исторической науки касательно начальныхъ моментовъ славянской и русской исторіи. Онъ ни за что не соглашается начинать славянскую исторію сказаніями Іорнанда и Прокопія о славянахъ и антахъ, старается отодвинуть возможно глубже въ древность начатки историческаго существованія славянскихъ народовъ. Занимавшіе въ VI в. по Рождествѣ Христовомъ обширныя земли славянскіе народы—венеты, анты, славяне—должны были имѣть здѣсь своихъ предковъ; предками этими были, по его убѣжденію, не кто иные, какъ геродотовы скиѳы и сарматы. Многолюдное скифское населеніе нашего юга не могло-же исчезнуть безслѣдно; оно, по мнѣнію г. Самоквасова, только мѣняло свое имя на протяженіи десятка вѣковъ, пока не появилось на исторической аренѣ подъ именемъ славянъ. Скиѳы-сарматы, геты, даки, роксоланы, аланы, гунны,

болгары, козары, венеты, славяне, анты,—все это представители одного и того-же этнографическаго типа, скиѳскаго, или славянскаго. Многократно геродотовыхъ скиѳовъ авторъ называетъ то предками славянъ, то праславянами. Туранство скиѳовъ авторъ отрицаетъ рѣшительно, равно какъ и смѣшанный этнографическій характеръ скиѳскаго населенія южной Россіи. Понятіе скифовъ онъ сравнительно съ Геродотомъ расширяетъ; къ скиѳскому типу принадлежали, по его словамъ, кромѣ авхатовъ, катіаровъ, траспіесовъ и паралатовъ, «еще слѣдующія племена: тавры, сарматы, будины, скиѳы приуральскіе, невры, агаѳирсы и геты».

Окончательному рѣшенію вопроса о происхожденіи славянъ и русскихъ славянъ авторъ придаетъ большое значеніе. По его мнѣнію, безъ рѣшенія этого вопроса нельзя шагу сдѣлать въ области исторіи русскаго права. «Пока основные вопросы славяно-русской исторіи не рѣшены наукою положительно, до тѣхъ поръ научная разработка древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, по нашему мнѣнію, невозможна. Возможность научной разработки въ положительномъ направленіи славяно-русскаго права, какъ вопроса годнаго въ славяно-русской исторіи, тѣсно связана съ отвѣтомъ на общій, исходный вопросъ науки о происхожденіи славяно-руссовъ, положительнымъ рѣшеніемъ котораго обусловливается начало (sic) русской исторіи, средства ея познанія и направленіе изысканій по частнымъ вопросамъ».

Такимъ образомъ вопросъ о народности геродотовыхъ скиѳовъ, или, что тоже, объ этнографическомъ единствѣ скиѳовъ и славянъ составляетъ для автора исходный пунктъ въ историческихъ изысканіяхъ русскаго права; съ этимъ вопросомъ ему необходимо порѣшить окончательно, прежде чѣмъ вступить собственно на почву русскаго права.

Дѣйствительно, авторъ высказываетъ свои заключенія въ самомъ рѣшительномъ, категорическомъ тонѣ, какъ будто-бы послѣ II выпуска его «Исторіи русскаго права» всѣ подобные вопросы должны быть сданы въ архивъ, и изслѣдователи обязаны отправляться отъ воззрѣній автора, какъ отъ несомнѣнной истины. «Сравнивая этнографическіе признаки славянъ языческой эпохи съ такими-же признаками скиѳовъ эпохи Геродота, мы *нашли* между ними очень много общаго, мы *убѣдились*, что въ этнографическомъ отношеніи славяне языческой эпохи стоятъ *несравненно* ближе къ европейскимъ скиѳамъ эпохи Геродота, нежели къ древнимъ грекамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ и даже литовцамъ. Мы *встрѣтили* также въ сказаніяхъ древнихъ историковъ и географовъ *прямыя* свидѣтельства о единствѣ происхожденія скиѳовъ и славянъ... Такимъ образомъ сравнительная этнографія, свидѣтельства древнихъ

историковъ и географовъ и содержаніе скиѳскихъ и славянскихъ могилъ *доказали* намъ ближайшее, непосредственное родство между скиѳами и славянами. Скиѳы эпохи Геродота по отношенію къ позднѣйшимъ славянскимъ народностямъ являются праславянами». На стр. 51—52 таже мысль выражена еще рѣшительнѣе. На всемъ протяженіи отъ Геродота до перваго русскаго лѣтописца авторъ находитъ «*несомнѣнныя* доказательства ближайшаго родства европейскихъ скиѳовъ эпохи Геродота съ позднѣйшими славянами. Но если такъ, если *дѣйствительно* европейская Скиѳія эпохи Геродота была прародиною славянскихъ народовъ, а скиѳы того времени были *прямыми* предками славянъ, то и пр. и пр.». Первоначально единая скиѳская народность выдѣлила изъ себя, по мнѣнію г. Самоквасова, мало по малу, подъ вліяніемъ окружающихъ условій, отдѣльныя этнографическія группы, или новыя народности; терминъ *скиѳы* теряетъ съ этого времени прежній этнографическій смыслъ, хотя подъ нимъ продолжаютъ подразумѣваться все-же народы родственные, происходящіе отъ одного предка. «Племена каждой новой народности», замѣчаетъ авторъ (стр. 62), «въ отличіе другъ отъ друга и отъ общаго предка называются новыми именами. Эти новыя общія (?) народныя названія: кимвры, тевтоны, германцы, эсты, литовцы, даки, венеты, анты, славяне и пр., замѣняютъ собою древнее имя ихъ общаго предка, скиѳовъ, теряющее опредѣленный этнографическій смыслъ и въ новой исторіи выходящее изъ употребленія».

Къ сожалѣнію, аргументація автора далеко не отвѣчаетъ аподиктическому тону изложенія. Чего либо новаго для доказательства родства славянъ съ Геродотовыми скиѳами мы не находимъ у г. Самоквасова; за то встрѣчаемся здѣсь съ очень старыми ошибками, съ недостаточнымъ усвоеніемъ литературы предмета, съ совершенно бездоказательными увѣреніями.

Прежде всего замѣтимъ, что въ ученомъ изслѣдованіи не совсѣмъ умѣстно обращеніе съ главнѣйшимъ источникомъ, съ Геродотомъ, черезъ устарѣвшій и далеко не безгрѣшный переводъ Мартынова. Не говоря уже объ отдѣльныхъ неточностяхъ стараго перевода, достаточно замѣтить, что со времени Мартынова критика сдѣлала значительные успѣхи въ возстановленіи текста. Разумѣется, еще менѣе удовлетворительны примѣчанія Мартынова, которыми также авторъ не прочь воспользоваться [1]). Вслѣдъ за Мартыновымъ г. Самоквасовъ повторяетъ неправильное чтеніе τοὺς βασιλέας (IV, 6, стр. 29) вмѣсто τοῦ βασιλέος и противопо-

[1]) *Географію* Страбона авторъ цитируетъ всегда въ переводѣ г. Мищенка (М. 1879 г.), хотя нигдѣ на это не указываетъ.

ставляетъ паралатовъ, какъ особый народъ, остальнымъ скиѳамъ; паралаты для него только другое имя царскихъ скиѳовъ; самое это названіе обозначаетъ будто бы *приморское* племя: авторъ неправильно смѣшиваетъ это имя съ греческими формами *paraliotai*, *paraloi*, *paralioi*. IV, 60 (а не 55, какъ у г. Самоквасова) «по всѣмъ святынямъ» вмѣсто «для всѣхъ боговъ»; начало 5 главы (стр. 29), главы 99 и 100 (стр. 25, 26) переводятся неточно и др.

Вопреки Геродоту авторъ причисляетъ къ одному съ скиѳами этнографическому типу тавровъ, сарматовъ, вудиновъ и др. (см. *выше*). Вѣдь меланхлены — не скиѳы, равно какъ и невры (IV, 105—107), хотя и имѣютъ скиѳскіе обычаи; не скиѳы также тавры; человѣческія жертвы у тавровъ (IV, 59) авторъ (стр. 63) невѣрно производитъ отъ грековъ. Вопреки Геродоту помѣщаетъ почему-то переселеніе паралатовъ въ черноморскія степи въ VII в. до Рождества Христова (стр. 18, 28), тогда какъ у историка паралаты нигдѣ отдѣльно отъ катіаровъ и др. не упоминаются. На стр. 14 Геродоту приписывается представленіе о *верхней* Азіи, какого на самомъ дѣлѣ у историка не находится. Равнымъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы раздѣлять увѣренность автора, будто «за пять вѣковъ до Рождества Христова всѣ племена *Царской Скифіи* (?) за исключеніемъ грековъ и греко-скиѳовъ имѣли *одинъ* языкъ, *одну* религію *(а поклоненіе ѳамимасадисъ у царскихъ скиѳовъ?!)*, одинаковые нравы и обычаи *(развѣ Геродотъ не отличаетъ ясно въ этомъ отношеніи, наприм., тавровъ или массагетовъ отъ скиѳовъ?)*, одинаковую домашнюю и общественную обстановку» *(какую же?)*.

Географическія, лингвистическія, археологическія и др. доказательства, какими пользуется г. Самоквасовъ, весьма сомнительной убѣдительности. Въ Борисѳенѣ автору слышится русская Березина; скиѳскій *papayos* звучитъ для него въ славянскомъ *papa*. Казалось, съ большимъ-бы основаніемъ Борисѳенесъ можно разложить на греческія слова *boreios* и *sthenos;* въ греческомъ-же языкѣ есть цѣлый рядъ словъ, общихъ по корню съ *papa: pappas*, *pappos*, *papparo* и мн. др.

Причемъ-же въ обоихъ случаяхъ непремѣнно славянскій языкъ? Этнографическими данными по способу г. Самоквасова можно доказать родство геродотовыхъ скиѳовъ съ какимъ угодно народомъ. Боннель, трудъ котораго вовсе не упоминается, сближаетъ скиѳовъ съ древними германцами, Нейманъ съ монголами и т. п. Авторитетъ въ области краніологіи, К. Е. Беръ находитъ наиболѣе близкими къ такъ называемымъ скиѳскимъ черепамъ башкирскіе. Г. Самоквасовъ ничего не говоритъ о географическихъ объясненіяхъ Киперта, о сближеніяхъ Вс. Миллера

между скиѳами и осетинами. Относительно народности гунновъ онъ ограничивается упоминаніемъ статей г. Иловайскаго, сторонника славянства гунновъ, обходя молчаніемъ критику профессора В. Г. Васильевскаго, по нашему мнѣнію, окончательно сокрушающаго выводы профессора Иловайскаго. Г. Васильевскій имѣетъ въ этомъ вопросѣ авторитетнаго союзника въ лицѣ Вамбери, извѣстнаго знатока турецко-татарскихъ языковъ; вопросомъ о народности гунновъ онъ занимается въ своемъ новомъ трудѣ: *Der Ursprung d. Magyaren.* (Leipz. 1882).

Надѣемся, читатель согласится съ нами, что подобными пріемами нельзя доказать что либо, хотя доказывать можно все. Выводы автора имѣютъ значеніе гипотезы, обставленной весьма недостаточно. Между тѣмъ вторая глава труда *(Происхожденіе русскихъ славянъ)* исходитъ изъ этихъ положеній, какъ безусловно вѣрныхъ, съ прибавкою впрочемъ новаго предположенія, что лѣтописные волохи не кто иные, какъ римляне, потѣснившіе славянъ на Дунаѣ во II в. по Р. X. На стр. 121 авторъ замѣчаетъ: «если мы, соотвѣтственно изложеннымъ выше свидѣтельствамъ древней исторіи, географіи и этнографіи, допустимъ происхожденіе славянъ отъ скиѳовъ, искони занимавшихъ припонтійскія и придунайскія области, и признаемъ историческую достовѣрность свидѣтельства русской лѣтописи о колонизаціи славянъ изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы, вслѣдствіе завоеванія древней Дакіи римлянами, то фактъ присутствія римскихъ монетъ въ славянской землѣ центральной Европы можетъ быть объясненъ не такъ, какъ его объясняютъ сказанные изслѣдователи: римскія монеты могли быть занесены туда не римлянами, а гето-дакійскими племенами, въ эпоху владычества римлянъ въ Дакіи выселившимися за Карпаты въ центральныя области Европы и получившими тамъ имена польскихъ и русскихъ славянъ». Понятно, разъ главная посылка умозаключенія не болѣе, какъ субъективное предположеніе,— а таковымъ она является у автора,—окончательный выводъ не имѣетъ серьезнаго значенія. Поэтому существующее теперь въ наукѣ объясненіе присутствія римскихъ монетъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ торговыми сношеніями римлянъ съ этими пунктами остается не поколебленнымъ увѣреніями автора, что монеты эти занесены самими славянами въ ихъ позднѣйшія мѣста жительства. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что критическая оцѣнка трудовъ Садовскаго и др., предлагаемая авторомъ, содержитъ въ себѣ не мало остроумныхъ замѣчаній.

Слѣдовательно та простая схема образованія славянъ и русскихъ славянъ, какую рисуетъ себѣ г. Самоквасовъ, оказывается на самомъ дѣлѣ весьма проблематической, а состоитъ она въ слѣдующемъ: могуществу

скиѳовъ нанесенъ смертельный ударъ Филиппомъ Македонскимъ (399 г. до Р. Х). Овладѣніе скиѳовъ повело за собою передвиженіе сарматовъ по сю сторону Дона; послѣ Митридата сарматы подъ именами бастарновъ, роксоланъ, язиговъ, перешедши черезъ Днѣпръ, соединяются съ скиѳскими племенами, гетами и даками и во II в. до Р. Х. образуютъ сильное скиѳское государство. Но столкновенія съ римскимъ могуществомъ кончаются во II в. по Р. Хр (106 г.) паденіемъ скиѳскаго царства и превращеніемъ его въ провинцію Дакію. Подъ давленіемъ римлянъ скиѳо-сармато-гето-дакійскія племена покинули свою прародину, разселились по рѣкамъ Вислѣ съ притоками, Днѣпру съ притоками, Окѣ, Западной Двинѣ и Волхову. Эти-то племена и являются въ позднѣйшей исторіи подъ именемъ славянъ.

Такова простая по построенію, но вовсе не доказанная гипотеза г. Самоквасова.

М.

Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. 1. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I. Кіевъ. 1884 г.

Эта объемистая книга, свыше 700 страницъ въ большую осьмуху, плодъ двухлѣтней усидчивой работы даровитѣйшаго профессора, открываетъ собою длинный рядъ тѣхъ изданій, которыя задуманы и приготовлены университетомъ св. Владиміра къ знаменательному дню празднованія 50-лѣтняго его существованія, 8-му сентября сего года. Едва-ли чѣмъ либо другимъ университетъ св. Владиміра могъ такъ осязательно и прочно отмѣтить пятидесятилѣтній періодъ своей просвѣтительной дѣятельности, какъ рядомъ такихъ солидныхъ изданій, въ которыхъ эта дѣятельность разработана всесторонне, выяснена до мельчайшихъ подробностей. Это богатое приращеніе въ исторіи нашего просвѣщенія, драгоцѣнный вкладъ въ науку отъ того учрежденія, которое носитъ названіе святилища наукъ. Сколько можемъ припомнить, ни одно изъ нашихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій не потрудилось столько на пользу науки, празднуя юбилей болѣе или менѣе продолжительнаго своего существованія.

Составленная профессоромъ Владимірскимъ-Будановымъ исторія университета св. Владиміра въ ряду юбилейныхъ изданій занимаетъ безспорно самое видное мѣсто какъ по предмету труда, такъ и по научной его обработкѣ. Слѣдующій за нею «Біографическій Словарь» про-

фессоровъ есть трудъ такъ сказать коллективный, прочія изданія даютъ болѣе или менѣе обстоятельную исторію вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ св. Владиміра.

Переходя къ обзору этого труда, начнемъ съ выраженія нашего искренняго сожалѣнія, что такой даровитый профессоръ, обладающій столь свѣтлымъ умомъ и такимъ глубокимъ критическимъ талантомъ, не начерталъ полной исторіи юнаго еще университета за все время 50-лѣтняго его существованія, а лишь одну ея часть, не обнимающую и половины пятидесятилѣтія. Свѣтъ брошенный на весь пройденный университетомъ путь могъ-бы отразиться и на ту, по крайней мѣрѣ ближайшую часть пути, которая лежитъ предъ нимъ впереди, и это помогло-бы ему ходить *во свѣтѣ истины, а не якоже зерцаломъ въ гаданіи. Но творити книги многи нѣсть конца*... могъ-бы сказать почтенный профессоръ и указать на свою внушительную по объему и содержанію книгу.

Это 1-й томъ исторіи университета св. Владиміра, обнимающій собою время его существованія съ 1833 по 1855 г. Авторъ заканчиваетъ этотъ 1-й томъ исторіи университета царствованіемъ императора Николая Павловича, конечно, потому, что новое царствованіе началось новыми вѣяніями, рѣшительнымъ образомъ отразившимися на жизни университета прежде, чѣмъ онъ получилъ новый уставъ. Изданный томъ подраздѣляется на три *эпохи*... Названіе, можетъ быть, нѣсколько громкое хотя-бы и для святилища наукъ, но вѣдь-не въ названіи сила. Эпоха I обнимаетъ время 1833—1842 г. и начиная съ открытія университета трактуетъ о первоначальномъ его устройствѣ по особому спеціальному его уставу и первыхъ годахъ его жизни, включая временный перерывъ 1839 г., возстановленіе университета и постройку его зданій. Эпоха II отъ 1842 до 1849 г., гдѣ авторъ излагаетъ примѣненіе къ университету «германскаго университетскаго строя» на основаніи новаго обще-университетскаго устава 1842 г. и жизнь университета по началамъ этого устава. Эпоха III отъ 1849 до 1855 г., носящая общее заглавіе *реакціи*, представляетъ рѣзкое отклоненіе въ жизни университета отъ его первоначальнаго и послѣдующаго строя, вызванное цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ узаконеній и особенно мѣстныхъ распоряженій, при наличности прежняго устава, и отмѣченное пониженіемъ уровня университетской науки вообще и въ частности научнаго и нравственнаго уровня въ воспитывающемся юношествѣ. Эпохи подраздѣляются на главы, эти въ свою очередь на отдѣльные, часто обширные трактаты, рисующіе формальное внѣшнее построеніе университетской жизни по извѣстному, законодательною властію опредѣленному плану, внутреннее

ея теченіе и развитіе въ извѣстныхъ рамкахъ, съ подробнымъ изображеніемъ ихъ въ общемъ ходѣ управленія, въ строѣ и составѣ факультетовъ, въ служебной и частной научной дѣятельности профессоровъ, въ нормальномъ положеніи студентовъ, ихъ составѣ и числѣ, учебныхъ ихъ занятіяхъ, въ надзорѣ за ними, образѣ ихъ жизни и поведеніи. Обширному тому своей исторіи авторъ предпосылаетъ пространное, на 57 страницахъ, введеніе, въ которомъ излагаетъ состояніе общественнаго образованія въ юго-западной Руси до открытія университета св. Владиміра, начиная свой обзоръ съ той системы образованія, которая установлена была въ этомъ краѣ еще въ періодъ польскаго въ немъ владычества 1773—1793 г., и слѣдя ея развитіе и усиленіе здѣсь подъ русскимъ владычествомъ съ 1793 и до 1831 г. Томъ заканчивается восемью приложеніями, по объему равняющимися введенію и заключающими въ себѣ документальное перечисленіе финансовыхъ средствъ университета и цифровыя данныя о срокахъ службы ректоровъ, проректоровъ и декановъ, о числѣ получившихъ степени доктора и магистра и пр., заканчивающіяся двумя общими таблицами всѣхъ студентовъ 1834—1862 г. и 1862—1884 г.

Надо отдать полную справедливость автору этаго обширнаго и замѣчательнаго по своимъ ученымъ и литературнымъ достоинствамъ труда. Г. Владимірскій-Будановъ выполнилъ данное ему совѣтомъ университета св. Владиміра порученіе, можно сказать, блестящимъ образомъ, и университетъ имѣетъ теперь если далеко не за все время своего существованія, то за половину его полную, проникнутую глубокимъ пониманіемъ цѣлаго и частей, солидную и вмѣстѣ живую, правдивую и безпристрастную свою исторію. Мы не можемъ, конечно, въ предѣлахъ библіографической замѣтки ознакомить нашихъ читателей съ частнѣйшимъ содержаніемъ такой объемистой исторіи, да и нѣтъ, кажется, въ томъ особой надобности. Масса свѣдѣній извлечена изъ нея мѣстными газетами по поводу праздновавшагося пятидесятилѣтія университета; читатели находили въ нихъ множество отрывковъ большихъ и малыхъ, перепечатанныхъ цѣликомъ и этимъ путемъ отчасти ознакомились и со многими добытыми авторомъ свѣдѣніями и съ его взглядами и способомъ изложенія. Намъ остается сказать о достоинствахъ этого труда въ цѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать тѣ желанія, вызываемыя существомъ избраннаго авторомъ предмета удовлетворенія которымъ мы, къ сожалѣнію нашему, не нашли въ его трудѣ.

Первымъ выдающимся достоинствомъ составленной г. Владимірскимъ-Будановымъ Исторіи Университета св. Владиміра надо считать то, что, приступая къ объясненію факта возникновенія университета въ

въ данную пору въ здѣшней мѣстности, онъ не началъ такъ сказать съ самаго факта, не остановился на обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, не ограничился и изложеніемъ обстоятельствъ ближайшихъ, вызвавшихъ его появленіе, но углубился въ ту отдаленную эпоху общественнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, о которой, по справедливому его замѣчанію, мы имѣемъ болѣе смутныя представленія, чѣмъ о временахъ Владиміра Мономаха. Иначе, конечно, нельзя было-бы ни уяснить ту цѣль, какая указывалась университету св. Владиміра правительственнымъ актомъ о его учрежденіи, ни имѣть точный критерій для сужденія о послѣдующей судьбѣ и жизни университета. Изслѣдовать положеніе народнаго образованія въ краѣ въ эпоху предшествовавшую учрежденію университета въ Кіевѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что съ этимъ послѣднимъ фактомъ связана была отмѣна господствовавшей дотолѣ системы общественнаго воспитанія и замѣна оной новою, во главѣ которой ставился учреждаемый университетъ. Г. Владимірскій-Будановъ тщательно собралъ данныя о положеніи образованія въ краѣ, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, пополнилъ ихъ свѣдѣніями изъ архива главнаго дѣятеля той эпохи гр. Ѳ. Чацкаго, архива кременецкаго лицея и визитаторскаго, провѣрилъ все критически, сопоставилъ съ отзывами своего предшественника по исторіи университета В. Я. Шульгина и далъ впервые довольно полную и строго обдуманную картину общественнаго воспитанія въ томъ краѣ, для котораго предназначался ново-учреждаемый университетъ. Открывается нѣчто невѣроятное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное и совершавшееся едва не на нашихъ глазахъ: на всемъ пространствѣ древнѣйшихъ русскихъ областей, съ 1793 г. возвращенныхъ отъ Польши къ Россіи, до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, дѣйствовала безъ малѣйшаго воспященія, напротивъ открыто признаваемая и поддерживаемая русскимъ правительствомъ того времени система польскаго образованія, установленная правительствомъ Рѣчи Посполитой въ періодъ раздѣловъ Польши,—польская по духу и цѣли, по составу главныхъ и ближайшихъ руководителей, по языку обученія, по всему строю, постановкѣ и обстановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла; русскій языкъ, въ качествѣ необязательнаго, едва былъ терпимъ въ учебныхъ заведеніяхъ того времени, преподаваніе его поручалось учителямъ другихъ предметовъ—полякамъ и уніатамъ и даже отставному прусскому солдату; православные ученики слушали Законъ Божій у ксендзовъ, дѣти русскихъ не могли подать прошенія иначе, какъ на польскомъ языкѣ. Полонизація края шла быстрыми шагами, унаслѣдованная отъ Польши система общественнаго образованія, руководимая такими замѣчательными дѣятелями александровской эпохи, какъ князь Чарто-

рыжскій и графъ Чацкій, достигла полнаго своего развитія въ завершеніи цѣлаго рядъ польскихъ школъ созданіемъ кременецкаго лицея, привлекшаго къ себѣ громадныя денежныя жертвы и симпатіи всего польскаго шляхетства въ предѣлахъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Конечная цѣль ея была воскрешеніе Польши въ ея прежнихъ конституціонныхъ формахъ и предѣлахъ и эта цѣль была уже такъ близко. Но возстаніе 1831 г. все разрушило. Ученики такъ нѣжно лелѣемыхъ школъ ушли въ повстанье, опустѣвшія школы, по распоряженію правительства, закрыты, вмѣсто ихъ созданъ рядъ другихъ школъ на новыхъ началахъ, а изъ кременецкаго лицея образованъ кіевскій университетъ. Этотъ послѣдній является такимъ образомъ не продуктомъ прежней, но началомъ новой жизни въ краѣ, новой политики прозрѣвшаго правительства, новой системы народнаго образованія, совершенно противоположной прежней польской. Замѣчанію прежняго историка университета, что новое зданіе начали съ крыши, г. Владимірскій-Будановъ противупоставляетъ, что иначе нельзя было-бы приготовить учителей и воспитателей въ духѣ новой системы. Каждый въ своемъ родѣ правъ. Послѣдній прибавляетъ: «открытіемъ университета въ Кіевѣ мы не поспѣшили, а скорѣе опоздали на четверть вѣка». Не гораздо-ли болѣе? Мысль о необходимости университета созрѣла въ населеніи лѣвой стороны Днѣпра еще въ концѣ 1-й половины прошлаго столѣтія и ходатайства объ учрежденіи онаго возбуждаемы были много разъ, хотя мѣстомъ для него указывался не одинъ Кіевъ, но иногда Глуховъ, Батуринъ, даже Новгородъ-Сѣверскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что будь такое ходатайство во время удовлетворено, кіевскій университетъ имѣлъ-бы другой характеръ, другую роль, пришедшая къ намъ отъ Польши система образованія не нашла бы для себя мѣста, польскіе просвѣтители и польское юношество въ окрѣпшемъ русскомъ университетѣ очутились-бы въ иной роли и самый этотъ университетъ не былъ-бы обреченъ на ту Сизифову въ нѣкоторомъ смыслѣ работу, какая указана ему при учрежденіи его въ 1834 г. Во всякомъ случаѣ можно пожалѣть о томъ, что авторъ не углубилъ свою экскурсію въ область прошлаго, не расширилъ сферы предварительныхъ своихъ изслѣдованій. Безъ этого вступительная часть его труда, едва-ли не найболѣе важная, кажется какъ-бы страничкою, вырванною изъ исторіи нашего просвѣщенія, нашей государственной и общественной жизни, и не понятными представляются въ ней и наша близорукость и равнодушіе къ дѣлу народнаго образованія въ возвращенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ, и это широкое хозяйничанье въ русскомъ краѣ польско-шляхетскаго элемента, равно какъ и наше внезапное просвѣтлѣніе послѣ событій 1831 г. и болѣе инстинктивное, чѣмъ

сознательное стремленіе поставить здѣсь просвѣщеніе на новыхъ началахъ.

Весь дальнѣйшій трудъ г. Владимірскаго-Буданова представляетъ собою стройное, послѣдовательное, разработанное всесторонне и во всѣхъ подробностяхъ изложеніе постепеннаго устройства университета св. Владиміра и развитія его внутренней жизни съ тѣми неизбѣжными колебаніями, какія вызываемы были въ ней то мѣстными условіями, въ какія онъ поставленъ былъ при самомъ учрежденіи, то общимъ ходомъ нашей жизни и распоряженіями высшаго правительства, своеобразно примѣняемыми на мѣстѣ. Спокойный тонъ изложенія, не доходящій до сухости и не возвышающійся до паѳоса, кропотливый подборъ данныхъ, строгая ихъ провѣрка и искусная группировка, наконецъ безпристрастная, чуждая преувеличенія и рѣзкости оцѣнка фактовъ—таковы главныя достоинства труда почтеннаго профессора. Въ каждой изъ трехъ очерченныхъ эпохъ, онъ отъ изображенія формальнаго строя и дѣятельности университета переходитъ къ характеристикѣ его дѣятелей, оцѣнкѣ ихъ трудовъ, занятій самихъ студентовъ, опредѣленію научнаго уровня тѣхъ и другихъ, знакомитъ съ ихъ частнымъ, домашнимъ бытомъ. Много прекрасныхъ страницъ посвящено имъ въ особенности первымъ годамъ университетской жизни и такимъ свѣтлымъ ея дѣятелямъ, какъ Брадке, Максимовичъ, Новицкій, Неволинъ, Богородскій и пр., много мѣткихъ словъ удѣлено другимъ второстепеннымъ дѣятелямъ. Послѣдняя эпоха,—періодъ реакціи, очерчена авторомъ съ замѣчательною правдивостью и безпристрастіемъ. Эта глава въ трудѣ историка въ особенности поучительна. Правда, она оставляетъ въ читателѣ тяжелое впечатлѣніе, что чувствовалъ и самъ авторъ, стараясь оговориться въ концѣ; но не слѣдуетъ, конечно, закрывать глазъ предъ печальною ошибкою весьма недавняго времени.

Закончимъ нашъ бѣглый обзоръ вышедшаго I тома Исторіи университета св. Владиміра краткимъ замѣчаніемъ о томъ, что почтенный авторъ, какъ намъ кажется, не достаточно удѣлилъ вниманія связи университета св. Владиміра съ общею и мѣстною жизнію и въ частности той спеціальной задачѣ, какая указана ему при самомъ его возникновеніи, не выяснивъ, въ какой мѣрѣ достигалась эта задача и въ чемъ выразилось вліяніе университета на мѣстную жизнь. Этому помѣшала, конечно, не одна обширность труда, но и то, что самая эта задача скоро затерялась въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ и университетъ св. Владиміра долженъ былъ войти въ общую съ другими своими собратами колею, отличаясь отъ нихъ лишь однимъ названіемъ. **К. Цыбульскій.**

Очеркъ исторiи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.

Въ свое время мы привѣтствовали появленiе первой части «Очерка западно-русской церкви», изд. въ 1882 г. Вторая часть, отличаясь тѣми же, какъ и первая, достоинствами ученаго труда, представляетъ еще болѣе интереса по обилiю содержанiя, по возрастающему жизненному значенiю обнимаемыхъ ею явленiй и событiй, по богатству, разнообразiю, отчасти и новости источниковъ. Она обнимаетъ время съ конца XVI в., когда въ западно-русской церкви началось раздѣленiе, произведенное унiею, началась непрерывная, напряженная борьба этой церкви съ унiатскою и латино-польскою пропагандою,—до 60-хъ годовъ XVIII в., на которыхъ кончается торжество пропаганды и съ которыхъ для западно-русской церкви настаетъ лучшее время—время возврата утратъ, понесенныхъ ею въ двухъ-вѣковой почти борьбѣ за свое существованiе.

Первая глава настоящаго труда представляетъ очеркъ главныхъ явленiй и событiй въ жизни западно-русской церкви, вмѣстѣ съ характеристикою главныхъ историческихъ дѣятелей, постепенно выступавшихъ на борьбу за свое дѣло съ той и другой стороны, а также съ обзоромъ литературной полемики православной и латино-унiатской. За время съ конца XVI до начала XVIII в., въ этой общей части «Очерка» резюмируется почти только то, что уже довольно извѣстно по этому предмету, но резюмируется съ такою полнотою и отчетливостiю, какiя только и возможны въ трудѣ, основанномъ на самостоятельномъ и глубокомъ изученiи источниковъ, памятниковъ и ученыхъ изслѣдованiй другихъ по тому-же предмету. Не останавливаясь на частныхъ фактахъ, мѣстами требовавшихъ, кажется, большаго разъясненiя, позволимъ себѣ высказать, что могъ-бы быть полнѣе выясненъ и такой общаго значенiя фактъ, что Кiевъ *съ первыхъ-же годовъ* борьбы западно-русской церкви съ латино-унiатскою пропагандою оказывается пунктомъ, наименѣе доступнымъ этой послѣдней, а вслѣдъ затѣмъ и наиболѣе сильнымъ, въ смыслѣ опорнаго пункта для всей западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ пропагандою. Въ одномъ мѣстѣ историкъ замѣчаетъ, что опорою Кiеву въ начальное время унiи служило то, что кiевскимъ воеводой былъ Константинъ Острожскiй; это, конечно, справедливо. Но думаемъ, что главнѣйшею опорою Кiеву служило не воеводство Острожскаго, который и не бывалъ тогда въ Кiевѣ, и живя на Волыни, не могъ помѣшать захватамъ и безчинiямъ Поцѣя и Терлецкаго,—въ

его собственныхъ княжескихъ владѣніяхъ. Несравненно болѣе могучія опоры имѣлъ Кіевъ съ одной стороны въ своемъ прошломъ, какого не имѣли ни Вильна, ни другой какой-либо пунктъ во всей западной Россіи, съ другой стороны—въ живой, наличной силѣ народа, уже слагавшейся для Кіева и южной Руси подъ знаменемъ козачества. Вотъ почему Поцѣй и Рутскій, самоуправствовавшіе повсюду, не смѣли показать глазъ въ Кіевъ, хотя и помышляли о томъ. Въ 1610 году оффиціалъ Поцѣя Антоній Грековичъ вышелъ полупобѣдителемъ изъ столкновенія съ кіевскимъ духовенствомъ, не нашедшимъ достаточно сильной защиты отъ дерзкаго оффиціала ни въ кіевскомъ магистратѣ, ни въ дворянахъ кіевской земли, собравшихся тогда на съѣздъ. Не то ждало его по угрозамъ отъ Запорожья, откуда гетманъ Тискиневичъ писалъ отъ имени козаковъ кіевскому подвоеводѣ, что «мы за нашу восточную церковь и за нашу вѣру готовы голову положить», а относительно самаго Грековича предупреждалъ, что уже дано распоряженіе «гдѣ кольвекъ его зрубати,—такъ убити, якъ пса» (Арх. ю.-з. и зап. Россіи, т. II, № 36, 37, 41).

Затѣмъ не нужно идти къ событіямъ 1620 г. и слѣдующихъ эпохъ, выдвигающимъ значеніе народной силы, какъ преобладающей надъ всею совокупностію другихъ силъ западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ латино-уніатскою пропагандою и ея союзницею Рѣчью Посполитой. Признается эта сила и авторомъ «Очерка», но, кажется намъ, не во всей полнотѣ ея значенія. Новымъ и существенно важнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ въ первомъ отдѣлѣ «Очерка» слѣдуетъ признать ту часть отдѣла, гдѣ сообщаются во многомъ новыя данныя о мѣрахъ и дѣйствіяхъ русскаго правительства на защиту православныхъ западной Россіи послѣ-петровскаго времени. Особенно интересны сообщенія объ этихъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ за время Елисаветы Петровны, принявшей дѣла о зарубежныхъ православныхъ подъ свое особое покровительство. Въ это время настойчивѣе становится и участіе въ этихъ дѣлахъ св. синода, во главѣ котораго находился Амвросій Юшкевичъ, не только уроженецъ западно-русскій, но и бывшій страдалецъ отъ уніатовъ. Тамъ не менѣе характеръ русской политики въ этихъ дѣлахъ представляетъ довольно печальныя черты, выступающія въ обстоятельномъ обзорѣ ея, сдѣланномъ авторомъ по документальнымъ источникамъ, которые вновь именуются или прилагаются въ извлеченіяхъ [1]). Достаточно упомянуть, что защитникомъ обидимыхъ православныхъ былъ долгое время резидентъ отъ русскаго правительства полякъ и католикъ Голембіовскій, симпатія котораго была почти всегда на сторонѣ обидчиковъ, а не защищаемыхъ.

[1]) Изъ архивовъ синодальнаго и бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ.

Не менѣе интересна въ новыхъ сообщеніяхъ г. Чистовича картина внутреннихъ нестроеній въ средѣ самой западно-русской церкви даннаго времени, напоминающихъ тѣ нестроенія, въ какихъ она застигнута была при началѣ уніи и отъ какихъ не успѣла излечиться въ цѣлые вѣка страданій. Тяжесть впечатлѣнія, производимаго этою картиною, уравновѣшивается впрочемъ еще болѣе печальною картиною деморализаціи въ средѣ латино-уніатской, латино-польской, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которой служитъ поощреніе фанатиками пропаганды, особенно іезуитами, всякаго безчинія и неистовства учащейся во всѣхъ школахъ молодежи по отношенію къ схизматикамъ. Фанатики пропаганды, болѣе и болѣе проникаясь, по собственному выраженію ихъ, «страхомъ отъ схизматической державы», заступающейся за схизматиковъ, подвластныхъ Польшѣ, спѣшили, не разбирая средствъ, кончать дѣло пропаганды, чтобы окончить его, пока эта держава не проявитъ новой силы, пока держится надъ западною Русью власть Польши, ея сеймовъ, прелатовъ и пановъ. Но они не успѣли окончить своего дѣла. При видимомъ торжествѣ пропаганды, успѣвшей отнять у православія всѣ епископскія каѳедры, кромѣ одной бѣлорусской, отнять сотни церквей и монастырей и т. под., въ представителяхъ пропаганды не разъ сказывается тяжелое сознаніе, что успѣхи ея непрочны и призрачны, что если паны русскіе въ значительной части олатинены и ополячены, то народъ и въ уніи не любитъ латинства, да и самую унію держитъ болѣе наружно, уступая принужденію, но въ тайнѣ хранитъ преданія своего «благочестія» и надежду на возвращеніе къ нему. Оно началось съ 60-хъ годовъ XVIII в., а съ тѣмъ вмѣстѣ начался и новый послѣдній періодъ отдѣльнаго существованія западно-русской церкви.

Во второй главѣ «Очерка» излагается частная исторія епархій западно-русской церкви, начиная съ кіевской митрополіи и ея епархіи, простиравшейся на разныя участки Литвы, Бѣлоруссіи и польской Украйны, далѣе епархій: смоленской и черниговской, бѣлорусской, владиміро-брестской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской. Исторія каѳедръ и епархій повсюду иллюстрируется замѣтками о городахъ и областяхъ, составлявшихъ епархіи; авторъ даетъ краткія біографіи и характеристики лицъ, занимавшихъ каѳедры, свѣдѣнія о монастыряхъ, церквахъ, братствахъ, школахъ, болѣе замѣчательныхъ настоятеляхъ монастырей и инокахъ, также строителяхъ и благотворителяхъ монастырей и цѣлыхъ фамиліяхъ изъ высшей аристократіи и дворянства русскаго, бывшихъ православными и потомъ отпадшихъ въ латинство. Эта глава «Очерка» представляетъ первый опытъ сжатаго, но достаточно полнаго свода данныхъ мѣстной исторіи епархіальныхъ областей западно-

русской церкви, составленнаго съ помощію большаго запаса источниковъ и пособій. Зависимость отъ послѣднихъ отражается мѣстами на повтореніи чужихъ ошибокъ или предположеній, еще недоказанныхъ [1]). Борьба съ уніею и латинствомъ, составляющая наиболѣе общее и характеристическое явленіе въ судьбѣ всей западно-русской церкви въ данный періодъ, составляетъ такое-же явленіе и въ судьбѣ каждой изъ частей ея, представляемыхъ епархіями. Почти вездѣ одни и тѣ-же пріемы атаки со стороны уніи и латинства на достояніе православной церкви и способъ самообороны со стороны послѣдней; почти вездѣ одинъ и тотъ-же исходъ борьбы. Какъ при началѣ описываемаго періода первыми поддавшимися на унію изъ среды православнаго клира были іерархи, а первыми принявшими унію и латинство изъ среды мірянъ были паны и дворяне, такъ было это и потомъ въ большинствѣ епархій. Православіе тверже и долѣе держится тамъ, гдѣ существовали братства, органы церковнаго представительства въ среднемъ сословіи, и гдѣ сильнѣе были союзы народнаго представительства въ формѣ тѣхъ же братствъ, сельскихъ общинъ и военно-союзнаго бытоваго учрежденія, какъ козачество. Этими обстоятельствами, въ связи съ политическою судьбою края, объясняются и различія въ частной судьбѣ той или другой епархіи, при аналогическихъ чертахъ общей судьбы ихъ, какъ судьбы всей западно-русской церкви.

Такъ кіевская митрополія, пользуясь сравнительно независимымъ положеніемъ подъ охраною козачества еще и до присоединенія къ Малороссіи и послѣ того, успѣла сохранить достояніе православія не только въ полосахъ лѣвобережной Украины, принадлежавшихъ къ ея епархіи, но и на всей пограничной полосѣ правобережной или польской Украины, памятниками чего и служатъ монастыри кіевской епархія, сохранившіеся доселѣ только въ этой полосѣ ея. Въ этомъ-то маломъ останкѣ православныхъ въ польской Украинѣ завязался, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «Очерка», въ царствованіе Екатерины II узелъ возсоединенія уніатовъ Малороссіи съ православною церковію». Всецѣло устояли въ православіи епархіи черниговская, какъ вся принадлежавшая восточной Украинѣ, и большая часть смоленской, какъ сперва пограничной, потомъ отошедшей къ Россіи. Пограничностію положенія, большею сплошностію русскаго населенія и живучестію могилевскаго братства

---

[1]) Такъ напр. въ одномъ листѣ къ учителямъ кіево-братской школы домогилянскаго времени причисляется Мелетій Смотрицкій и Исаія Копинскій. Ниже говорится о будто-бы данномъ въ 1588 г. патріархомъ Іеремією Константину Острожскому благословеніи завести типографію въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

обусловливалась сохранность и могилевской православной каѳедры. Иная была судьба остальныхъ семи каѳедръ и епархій западно-русской церкви, представляющая однакоже въ частнѣйшихъ отличіяхъ этой судьбы по каждой изъ епархій вліяніе особенныхъ мѣстныхъ условій, какъ особеннаго отраженія общихъ условій исторической жизни всей западно-русской церкви. Для примѣра напомнимъ судьбу луцкой епархіи, въ которой существованіе православной каѳедры было насильственно прервано, по отсутствію защиты для нея. Такою защитою для нея и вообще для православія въ краѣ имѣло быть волынское дворянство, которое въ первое десятилѣтіе уніи чаще и энергичнѣе дворянствъ другихъ областей возвышаетъ голосъ за право церкви православной, которое обѣщало особенную свою опеку и новооснованному луцкому братству и даже представляло болѣе численную часть въ общемъ составѣ братствъ. И однакоже это братство довольно скоро и безслѣдно исчезло, не найдя въ дворянствѣ такой искренней и твердой опоры, какое имѣло братство львовское и виленское въ среднемъ сословіи и кіевское въ козачествѣ со времени Сагайдачнаго, и не будучи въ состояніи держаться силами средняго сословія, очень слабаго въ Луцкѣ, въ сравненіи съ городскими сословіями Львова, Перемышля и Вильны. Впрочемъ лучшій и всецѣло искренній поборникъ православія изъ волынскихъ дворянъ Лаврентій Древинскій понималъ, что сильнѣйшую опору православія представляютъ именно братства, какъ союзы лицъ средняго и болѣе близкаго къ народу сословія, посему и самъ вписывался въ число членовъ почти всѣхъ важнѣйшихъ братствъ, понималъ онъ и то, что за всѣми другими охранительными силами церкви остается въ запасѣ наиболѣе общая и несокрушимая сила народа, организующаяся въ силу могучую и грозную подъ знаменемъ козачества. Для Луцка и сосѣдней Волыни оскудѣла сила братства, сложившаяся здѣсь не столько изъ средняго сословія, сколько изъ дворянскаго, а общенародная сила, организованная въ козачествѣ, имѣла свои центры далеко отсюда. Поэтому-то пало безвременно и братство, упала за нимъ и православная каѳедра. Въ Львовѣ-же и Перемышлѣ братства, хотя на короткое время, а все таки пережили отпаденіе въ унію іерархіи и іерархическихъ каѳедръ, а главное—и перейдя въ унію, братства эти (особенно львовское) остались хранителями началъ народно церковной самобытности, не смотря на то, что дворянство и тамъ, какъ на Волыни, постепенно поотпадало въ латинство и ополячилось.

Въ очеркѣ исторіи монастырей и монашества по епархіямъ слѣдуетъ отмѣтить одно общее явленіе, отчетливѣе характеризуемое авторомъ въ слѣдующей III-й главѣ подъ рубрикой: «Западно-русскіе монастыри» (стр. 355—359). Въ первыя десятилѣтія борьбы западно-рус-

ской церкви съ нововозникшею уніею и латинскою пропагандою, возстановлявшей общежитіе во многихъ изъ прежнихъ монастырей, основалось немало новыхъ монастырей и общежитій въ нихъ. Эти-же десятилѣтія довольно богаты именами знаменитыхъ иноковъ, учителей иночества, какъ Іовъ княгининскій, Іовъ почаевскій и др. Но такой возбужденный духъ истиннаго монашества держится не особенно долго, и самыя имена примѣрныхъ иноковъ и руководителей иночества становятся все рѣже и рѣже. Это поворотное движеніе къ упадку иноческаго духа, оскудѣнію истиннаго монашества замѣчается уже къ концу XVII вѣка, а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ до самаго конца періода, обнимаемаго «Очеркомъ». Чѣмъ объяснить это явленіе? Естественно, что новость опасностей, съ уніею наставшихъ для церкви, способствовала возбужденію и подъему духовныхъ силъ въ церкви, въ лицѣ болѣе воспріимчивыхъ и преданныхъ членовъ ея, облекавшихся въ иночество и глубоко проникшихся общимъ высшимъ интересомъ церкви—интересомъ защиты ея, св. вѣры, преданій, уставовъ. Этотъ интересъ и указывается обыкновенно, какъ высшій интересъ, во имя котораго основываются новые монастыри и получаютъ богатыя «наданья» отъ создателей и патроновъ. Но почему-же этотъ интересъ, продолжавшій существовать во весь описываемый періодъ, не продолжалъ удерживать свое начальное воспитательное вліяніе на западно-русское монашество, а съ тѣмъ вмѣстѣ удерживать послѣднее на прежнемъ подъемѣ духовномъ и даже вліять на дальнѣйшее возвышеніе нравственнаго духа его?.. Не вдаваясь въ болѣе общее сужденіе по этому вопросу, можемъ до нѣкоторой степени объяснить нравственный упадокъ западно-русскаго монашества, примѣтный особенно къ половинѣ XVIII вѣка, такими обстоятельствами временнаго характера, какъ отливъ очень многихъ и часто наилучшихъ силъ его въ сѣверную Русь, усилившійся особенно съ начала XVIII вѣка, разстройство общаго порядка въ западно-русской церкви, причиненное ей бѣдствіями времени, затруднявшее надзоръ, дисциплину, поощрявшее распущенность, бродяжничество, при усиленіи, въ ущербъ началамъ монастырскаго общежитія, интересовъ личнаго стяжанія, находившихъ теперь деморализующее поощреніе съ одной стороны въ безнаказанности отъ далекой или совсѣмъ отсутствующей власти іерархической, съ другой стороны въ самой неувѣренности, что принадлежащее монастырю сегодня не будетъ завтра захвачено врагами православія изъ уніатовъ, польскихъ пановъ и т. п.

Въ третьей главѣ «Очерка» изображается *внутреннее состояніе западно-русской церкви.* Начиная общею характеристикою внутренняго состоянія западно-русской церкви въ данный періодъ, авторъ справед-

ливо утверждаетъ, что не смотря на крайнія замѣшательства и стѣсненія, порожденныя для нея уніей, православіе еще прочно держалось въ ней во все продолженіе XVII вѣка, и что болѣе рѣшительный поворотъ къ уніи и усиленіе въ русскихъ областяхъ польскаго элемента произошли въ концѣ XVII вѣка, послѣ такъ называемаго вѣчнаго мира съ Польшею и, прибавимъ мы, послѣ прутскаго договора 1712 года. Ибо если вѣчный миръ 1686 г., крайне непріятный полякамъ, пробудилъ въ нихъ страшный фанатизмъ; то прутскій договоръ оставлялъ просторъ дѣйствіямъ этого фанатизма, встрѣчавшимъ постоянный и сильный отпоръ только въ тѣсно связанной съ Кіевомъ полосѣ польской Украйны по Днѣпру, гдѣ поэтому унія, торжествующая на всемъ пространствѣ западной Россіи, не успѣла пустить глубокихъ корней. Въ связи съ такою судьбою православія въ борьбѣ его съ уніею и латинскою пропагандою опредѣлилось и все внутреннее состояніе западно-русской церкви. Очеркъ этого состоянія, при всей сжатости (на 43 страницахъ) обнимаетъ все наиболѣе великое и существенное, начиная съ высшаго управленія до приходскихъ церквей и бѣлаго духовенства. Особенно назидательное явленіе времени представляютъ соборы, какъ общіе, такъ и мѣстные или епархіальные. Тѣ и другіе прекратились впрочемъ уже съ конца XVII вѣка, потому что вскорѣ затѣмъ уже некому было созывать соборы въ подвластныхъ Польшѣ предѣлахъ западно-русской церкви, а съ учрежденіемъ святѣйшаго синода прекратилась возможность созывать соборы и для кіевской митрополіи. Обстоятельствами времени обусловливалось также широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Міряне участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ: кіевское духовенство и шляхетство вольными голосами избирали митрополита, какой порядокъ прекратился съ 1722 года, когда архіепископъ Кіева избранъ былъ святѣйшимъ синодомъ. Братства выбирали настоятелей братскихъ монастырей; братія кіево-печерскаго монастыря и прочихъ ставропигіальныхъ монастырей выбирали себѣ архимандритовъ. Но послѣ того, какъ дворянство мало по малу перешло въ латинство, участіе мірянъ въ духовныхъ дѣлахъ ограничивалось патронатствомъ пановъ надъ церквями и духовенствомъ, которое стало очень тяжкимъ для послѣднихъ при патронахъ полякахъ или ополячившихся русскихъ. Въ слѣдующей затѣмъ рѣчи о братствахъ выясняются особенно отношенія ихъ къ іерархіи. Полнѣе говорится далѣе о духовномъ просвѣщеніи, братскихъ школахъ, кіевской академіи, кіевскихъ ученыхъ и проч. Обычно повторяемыя свѣдѣнія о школахъ, учителяхъ и ученыхъ западно-русской церкви съ конца XVI вѣка могли-бы быть въ настоящее время пополнены указаніемъ на Венецію, откуда, вслѣдъ за греками, выносили образованіе и русскіе, особенно галицкіе.

Заслуживала бы упоминанія мысль *о духовныхъ семинаріяхъ* при каѳедрахъ и монастыряхъ, не одинъ разъ заявленная волынскими дворянами на съѣздахъ ихъ еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка, хотя и оставшаяся безъ осуществленія, если впрочемъ не признать вліянія этой мысли на школьныя учрежденія Елисаветы Гулевичъ и самаго Петра Могилы. Достойна также памяти забытая въ «Очеркѣ» мысль Петра Могилы объ учрежденіи (въ никольскомъ монастырѣ) особаго братства ученыхъ иноковъ, не разъ поднимаемая потомъ и въ сѣверной Руси, но потомъ заглохшая. Въ общей судьбѣ просвѣщенія долженъ быть отмѣченнымъ стоящій въ связи съ общею судьбою западно-русской церкви фактъ оскудѣвія въ ея предѣлахъ ученыхъ иноковъ къ половинѣ XVIII в., вслѣдствіе упадка братскихъ школъ и монастырей, а потомъ сильнаго отлива кіевскихъ ученыхъ иноковъ въ сѣверную Русь. Не останавливаясь на другихъ вообще интересныхъ статьяхъ этой главы, прибавимъ только, что въ рѣчи объ управленіи она могла-бы быть пополнена замѣчаніями о консисторіяхъ и протопопіяхъ, а въ рѣчи о приходскихъ церквахъ и духовенствѣ замѣчаніями объ обычаѣ выбора приходскихъ священниковъ приходскими общинами, мѣстами еще державшемся и въ подвластныхъ Польшѣ областяхъ западно-русской церкви.

Въ послѣдней главѣ, подъ заглавіемъ: *западно-русская церковная унія*, представленъ сперва общій очеркъ внутренняго устройства уніатской церкви и ея отношеній къ латинству въ историческомъ развитіи ихъ, а затѣмъ очеркъ исторіи уніатской митрополіи и уніатскихъ епархій съ каталогами уніатскихъ іерарховъ. Въ русской церковно-исторической литературѣ это есть именно *первый* опытъ цѣльнаго историческаго очерка уніатской церкви, составленнаго весьма основательно, съ вѣрными и выразительными характеристиками возникавшихъ явленій въ быту и судьбѣ уніатской церкви. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ печатныхъ изданій русскихъ и особенно галицко-русскихъ и другихъ, пополнены во многомъ съ помощію архива уніатскихъ митрополитовъ. Особенное вниманіе удѣлено историкомъ освѣщенію отношеній латинства къ уніи, сперва какъ будто только дружескихъ, потомъ пренебрежительныхъ, даже угнетательныхъ, разсчитанныхъ на поглощеніе уніи латинствомъ, что, какъ извѣстно, было сообразно еще съ печальною мыслію о ней іезуита Поссевина, называвшаго проэктируемую имъ унію «мостомъ къ латинству», еще болѣе сообразовалось съ польскими видами на полонизацію Руси и наконецъ просто съ эгоистически-корыстными видами латино-польскихъ прелатовъ и ксендзовъ, лакомившихся на уцѣлѣвшія въ уніатской церкви имѣнія, десятины и проч. За то такое отношеніе

польскаго латинства къ уніи помогло потомъ и дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православною церковію.

Краткими замѣчаніями нашими объ «Очеркѣ исторіи западно-русской церкви» мы хотѣли дать только общее представленіе объ этомъ въ высокой степени почтенномъ и полезномъ трудѣ, обработанномъ съ богатымъ запасомъ знанія и таланта, сказывающагося въ самомъ умѣньи— въ сжатомъ очеркѣ обнять, опредѣлить и выяснить все главное и существенное.

И. Малышевскій.

Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1884 г. 183 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Выписанное заглавіе принадлежитъ книгѣ молодаго харьковскаго ученаго, съ трудами котораго по исторіи южнорусской литературы знакомы читатели «Кіевской Старины». Авторъ задался цѣлью подготовить почву для полной, систематической исторіи южнорусской литературы XVII в., которая въ настоящее время невозможна еще по малоизвѣстности и незначительной обработкѣ матеріала. «Имѣя въ виду упростить ходъ научной работы посредствомъ раздѣленія ея на части, я рѣшился, говоритъ авторъ въ предисловіи, издавать свое сочиненіе по исторіи южно-русской литературы XVII в. выпусками различной величины, отъ 3 до 14 печатныхъ листовъ, смотря по историко-культурной важности писателя и по количеству и качеству научныхъ источниковъ и пособій. Каждый выпускъ долженъ заключать въ себѣ полную и цѣльную характеристику того или другаго южнорусскаго писателя XVII в., съ разъясненіемъ современной ему литературной и бытовой обстановки». Первый выпускъ посвященъ дѣятельности Лазаря Барановича, второй и третій составятъ статьи объ Іоанникіи Галятовскомъ и Иннокентіи Гизелѣ, напечатанныя въ нашемъ журналѣ.

Нельзя не одобрить выбора автора, обратившагося съ своими изслѣдованіями именно къ XVII в., времени въ высшей степени замѣчательному, какъ въ исторіи южнорусской литературы, такъ и вообще въ жизни Малороссіи. Для литературы южнорусской 2-я половина XVII столѣтія была временемъ полнаго разцвѣта, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ такихъ именъ, какъ Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, Гизель, св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и проч. Со стороны внутренняго состоянія Малороссіи это былъ періодъ, когда борьба политическая перестала

быть удѣломъ народныхъ массъ и перешла въ высшіе классы населенія. Вышедши вслѣдствіе разныхъ причинъ изъ состоянія броженія, народъ равнодушно смотрѣлъ на то, кому онъ будетъ принадлежать de jure, лишь-бы не были задѣваемы самыя насущныя его нужды; онъ поэтому какъ-бы не замѣтилъ разлома Украины по Андрусовскому миру и оставался инертнымъ при всѣхъ возбужденіяхъ сверху. Для высшаго класса, старшины и духовенства, напротивъ, это было время разочарованія въ московской опекѣ и напряженной борьбы за основы малорусской жизни въ виду правительственныхъ ограниченій. Въ этой борьбѣ принималъ участіе каждый сознававшій положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе человѣкъ образованный. Вотъ почему разсматривать малорусскаго писателя XVII вѣка только со стороны его литературной дѣятельности значитъ совершенно обезоруживать его и отказываться отъ пониманія его личности и значенія. Тѣмъ болѣе это справедливо относительно такихъ высокихъ въ тогдашней общественной іерархіи лицъ, какъ черниговскій архіепископъ, печерскій архимандритъ и т. п. Правъ по этому г. Сумцовъ, излагая біографіи избранныхъ имъ писателей «съ разъясненіемъ современной имъ литературной и бытовой обстановки».

Обратимся теперь къ характеристикѣ Лазаря Барановича, какъ она представляется въ книгѣ г. Сумцова. По принятому авторомъ мнѣнію покойнаго протоіерея Страдомскаго, весьма вѣроятному, Барановичъ родился въ 1593 г. (по черниговской лѣтописи въ 1620), т. е. прожилъ ровно сто лѣтъ (умеръ въ сентябрѣ 1693 г.). Невольное благоговѣніе возбуждаетъ эта долгая жизнь, свидѣтельница и участница столькихъ бѣдъ и радостей роднаго края! Барановичъ вполнѣ сознательно пережилъ время пробужденія малорусскаго народа при Сагайдачномъ, его борьбу и торжество при Хмельницкомъ, видѣлъ во очію и испыталъ результаты этой борьбы при рядѣ преемниковъ Хмельницкаго до Мазепы включительно и умеръ съ яснымъ сознаніемъ того, куда направляется дальнѣйшій путь народной жизни. Нельзя не дорожить всѣмъ, что передумалъ и высказалъ такой человѣкъ, а высказалъ онъ много, потому что имѣлъ возможность многое видѣть и знать. Лазарь Барановичъ родился въ Черниговщинѣ, воспитаніе получилъ въ кіевской школѣ богоявленскаго братства, хотя въ «Старомъ костелѣ» Галятовскаго говорится, что Барановичъ развилъ свой умъ въ виленской, кіевской и калишской академіяхъ. Въ сороковыхъ гг. XVII столѣтія онъ состоялъ преподавателемъ въ могилянской академіи, а съ 1650 года ея ректоромъ, хотя не долго. Въ 1652—57 г. Барановичъ былъ по очереди игуменомъ купятицкаго, кіево-кирилловскаго и дятеловскаго монастырей. По одобрительнымъ грамотамъ митрополита Сильвестра Коссова и гетмана Бог-

дана Хмельницкаго онъ весною 1657 г. былъ хиротонисанъ въ Яссахъ во епископа черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго и въ этомъ санѣ оставался до смерти, при чемъ два раза былъ блюстителемъ митрополичьей кіевской каѳедры, а въ 1666 году на извѣстномъ никоновскомъ соборѣ въ Москвѣ получилъ отъ трехъ патріарховъ и царя грамоту, именовавшую его архіепископомъ. Вотъ curriculum vitae арх. Лазаря. Занимая важный постъ архіепископа черниговскаго, Барановичъ естественно долженъ былъ имѣть большое вліяніе на дѣла лѣвобережной Малороссіи; особенно выдающуюся роль онъ игралъ при гетманѣ Д. Многогрѣшномъ, который былъ его креатурой. И надо отдать справедливость такту и патріотизму, съ которымъ Барановичъ умѣлъ держаться честно и стойко между двумя противоположными элементами—современнымъ малорусскимъ обществомъ и московскимъ правительствомъ. Покорность московской власти безъ излишняго униженія, стремленіе и умѣнье лаской и заискиваніемъ оградить не только свои личные, но и общественно-народные интересы,—вотъ сущность его отношенія къ Москвѣ. Но не въ этомъ центръ тяжести дѣятельности Барановича, гораздо важнѣе его внутренняя дѣятельность, какъ администратора епархіи и духовнаго писателя. Какъ литераторъ, онъ былъ душою патріотическаго кружка писателей и ученыхъ, иниціаторомъ, энергическимъ дѣятелемъ и практикомъ; кромѣ разнаго рода сочиненій, онъ велъ переписку со многими современными учеными и политическими дѣятелями, основалъ и поддерживалъ собственную типографію сначала въ Новгородъ Сѣверскѣ, потомъ въ Черниговѣ. Г. Сумцовъ приводитъ любопытный перечень книгъ, изданныхъ въ этихъ двухъ типографіяхъ за все время ихъ существованія; оказывается, что при жизни Барановича онѣ выпустили до 50 изданій и болѣе сотни послѣ его смерти. Что касается общераспространеннаго мнѣнія (между прочимъ и Н. И. Костомарова), что писанія Барановича, особенно его проповѣди, представляютъ схоластическій наборъ словъ, безъ внутренняго смысла и содержанія, то съ нимъ соглашается отчасти и авторъ разбираемой книги. Особенная-же заслуга г. Сумцова состоитъ въ томъ, что онъ всесторонне изслѣдовалъ сочиненія Барановича на польскомъ языкѣ, которыя до сего времени незаслуженно игнорировались. «Лютня» Барановича несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ далеко не чуждъ поэтическаго таланта, хотя весьма часто зерна истинной поэзіи пересыпались массою пустаго риѳмоплетства, что однако оправдывается отчасти духомъ времени. Вообще въ книгѣ г. Сумцова личность Лазаря Барановича выступаетъ рельефно, со всѣми ея достоинствами и недостатками.

Ѳ. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ ИСТОРІИ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАГО ДѢЛА ВЪ КІЕВѢ.

Останавливаясь надъ протекшей культурной жизнью Кіева, не разъ задаешься вопросомъ: отъ чего Кіевъ, въ которомъ такъ много традицій широкой культурной дѣятельности съ самыхъ отдаленныхъ временъ, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи столь долгое время не имѣлъ ни одного печатнаго органа, который служилъ-бы выразителемъ его культурной жизни, умственной и нравственной его физіономіи, когда Харьковъ, этотъ сравнительно очень юный братъ Кіева, имѣлъ такого выразителя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ видѣ журнала «Украинскій Вѣстникъ» (основаннаго въ 1817 г.). Какъ извѣстно, первыми печатными органами въ Кіевѣ были: духовно-нравственный журналъ «Воскресное Чтеніе», основанный при кіевской духовной академіи въ 1837 г., и «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», появившіяся спустя лѣтъ десять; но и спустя еще болѣе десяти лѣтъ къ нимъ не прибавилось ни одного какого бы то ни было періодическаго изданія. Невольно является при этомъ вопросъ: неужели даже такое крупное событіе, какъ основаніе университета, несомнѣнно измѣнившее и конечно къ лучшему условія культурной жизни города и всего края, не вызвало въ обществѣ потребности въ созданіи мѣстнаго учено-литературнаго органа? Вѣдь съ открытіемъ университета въ Кіевѣ, не говоря уже объ общемъ

подъемѣ умственныхъ силъ въ краѣ, долженъ былъ сказаться наплывъ учено-литературныхъ элементовъ, для которыхъ въ такомъ органѣ не могъ не чувствоваться недостатокъ.

На этотъ вопросъ, котораго, на сколько намъ извѣстно, никто не затронулъ ни въ рѣчахъ, ни въ статьяхъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея кіевскаго университета, между тѣмъ какъ для указанія значенія открытія университета въ краѣ былъ, помимо другихъ, еще и этотъ поводъ, нѣкоторый отвѣтъ мы нашли въ доставшейся намъ части бумагъ М. А. Максимовича, перваго ректора кіевскаго университета. Изъ нихъ мы узнаемъ, что попытка основать въ Кіевѣ нѣчто въ родѣ журнала была сдѣлана сейчасъже послѣ открытія университета. Принадлежала-ли иниціатива этого дѣла университету, былъ-ли онъ приглашенъ къ участію въ немъ, или только принятъ въ разсчетъ какъ рабочая сила и какъ подписчикъ, отвѣта на это въ нашихъ бумагахъ не находимъ. Тѣмъ не менѣе мы ознакомимъ съ ними читателей «Кіевской Старины», въ надеждѣ вызвать болѣе подробныя разъясненія названной попытки у лицъ, а главное учрежденій, въ которыхъ должны храниться обстоятельныя данныя по этому дѣлу.

2-го мая 1835 года, за № 10,378, М. А. Максимовичъ получилъ отъ исправлявшаго должность гражданскаго губернатора *Пенкина* слѣдующее приглашеніе на печатномъ бланкѣ.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Г. кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, убѣждаясь пользами и потребностями высочайше ввѣренныхъ управленію его сіятельства губерній, предполагаетъ испросить соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала. Журналъ сей, кромѣ сообщенія жителямъ ввѣренныхъ его сіятельству губерній необходимыхъ для быта каждаго мѣстныхъ свѣдѣній, предполагаетъ извѣщать ихъ, сколь возможно поспѣшнѣе, о всѣхъ распоряженіяхъ правительства, въ особенности ко ввѣреннымъ его сіятельству губерніямъ относящихся, о замѣчательныхъ произведеніяхъ отечественной литературы, о новѣйшихъ событіяхъ вѣка, направленіи современнаго просвѣщенія и открытіяхъ, совершающихся въ области наукъ, искуствъ и промышленности».

«Журналъ сей, издаваясь въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ, имѣетъ вмѣстѣ цѣль и благотворенія».

«Но какъ изданіе, при заведеніи для сего типографіи, требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя должны покрываться подписною суммою, то г. военный губернаторъ о таковомъ своемъ предположеніи предложить изволилъ предварительно мнѣ о приглашеніи подписчиковъ на сей предметъ».

«Бывъ увѣренъ, что ваше высокородіе не откажетесь отъ принятія участія въ семъ общеполезномъ предпріятіи, а равно и пригласить подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ къ подпискѣ на сей журналъ, я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою почтить меня скорѣйшимъ увѣдомленіемъ, съ приложеніемъ и самого листа о числѣ подписчиковъ на сей журналъ, для представленія о томъ его сіятельству».

«Для лучшаго-же усмотрѣнія предметовъ, имѣющихъ помѣщаться въ журналѣ, прилагая при семъ одинъ экземпляръ конспекта сего изданія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ»......

Въ бумагахъ М. А. Максимовича сохранился и самый конспектъ этого журнала въ двухъ экземплярахъ; изъ нихъ одинъ печатный, за подписью правителя канцеляріи А. Покровскаго, а другой рукописный, неизвѣстно, ранѣе или позже печатнаго составленный, но имѣющій нѣкоторыя характерныя отличія въ содержаніи. Изъ этого рукописнаго конспекта мы узнаемъ, что предполагавшійся журналъ долженъ былъ называться «Кіевскія Новости». Приводимъ текстъ печатнаго конспекта съ добавками по рукописному.

КОНСПЕКТЪ ЖУРНАЛА, ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ИЗДАВАТЬ ВЪ КІЕВѢ.

Журналъ сей предполагается издавать въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ.

Содержаніе: 1-е) Краткія извѣстія о высочайшихъ повелѣніяхъ и указахъ, и о распоряженіяхъ правительства въ отношеніи къ 3-мъ губерніямъ: кіевской, волынской и подольской.

2) Извѣстія о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ на мѣста первыхъ 4-хъ классовъ и о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ по 3-мъ означеннымъ губерніямъ чиновниковъ, классныя мѣста занимающихъ.

3) Извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ въ Россіи и особенно въ означенныхъ губерніяхъ.

4) Извѣстія о контрактахъ, ярмаркахъ и вообще статистическія свѣдѣнія о помянутыхъ губерніяхъ.

5) Историческія, археологическія открытія и современныя статистическія замѣчанія собственно о Кіевѣ.

6) Извѣстія о кіевскомъ учебномъ округѣ и объ университетѣ св. Владиміра съ конспектами читаемыхъ въ ономъ лекцій.

7) Новости политическія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и журналовъ (въ рукописномъ конспектѣ прибавлено еще: «монархическаго направленія)», точно такъ, какъ новости сіи печатаются въ С.-Петербургскихъ газетахъ и журналахъ.

8) Извѣстія о замѣчательнѣйшихъ книгахъ, вновь выходящихъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, въ особенности, если оныя относятся къ губерніямъ кіевской, подольской и волынской.

9) Извѣстія о новыхъ открытіяхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, по части наукъ, искуствъ и промышленности».

(Въ рукописномъ конспектѣ вслѣдъ за симъ прибавлено: «Фельетонъ журнала»).

Журналъ сей будетъ выходить два раза въ недѣлю на большихъ листахъ, въ три колонны такой печати, какъ «Сѣверная Пчела». Цѣна за годовое изданіе 25 рублей ассигнаціями; съ пересылкою въ другія города и разноскою по домамъ въ Кіевѣ—30 руб. ассигнаціями».

Далѣе указывается, что къ журналу будутъ издаваться приложенія со всякими объясненіями и извѣстіями, а въ рукописномъ конспектѣ, сверхъ того, сказано, что «черезъ каждыя двѣ недѣли предполагается издавать къ сему журналу литературныя прибавленія книжками». Содержаніе этихъ послѣднихъ слѣдующее: «Разныя статьи въ прозѣ и стихахъ во всѣхъ родахъ отечественной литературы, статьи переводныя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ, разныя литературныя извѣстія и пр.».

И такъ, вотъ въ какомъ видѣ и вотъ по какой программѣ предполагалось первое періодически-литературное изданіе въ Кіевѣ. Если даже предположить, что починъ въ этомъ дѣлѣ исключительно принадлежалъ бывшему тогда генералъ-губернатору графу Вас. Вас. Левашову, то и въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что самая мысль у графа появилась подъ вліяніемъ недавно совершившагося факта открытія университета св. Владиміра, учено-литературныя силы котораго могли служить залогомъ успѣха сего предпріятія. Что мысль объ основаніи журнала не была плодомъ мимолетной фантазіи графа, доказывается другимъ документомъ, сохранившимся въ бумагахъ М. А. Максимовича, а именно: мѣсяцъ спустя, 4-го іюня 1835 года за № 13,405, Максимовичъ опять получилъ отъ того-же исправляющаго должность гражданскаго губернатора Пенкина отношеніе слѣдующаго содержанія:

«Отъ 2-го минувшаго мая, № 10,378, я имѣлъ честь извѣстить ваше высокородіе о предположеніи г. кіевскаго военнаго губернатора испросить соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала и вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ извѣстить меня о числѣ подписчиковъ на сей журналъ изъ подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ. Бывъ обязанъ представить въ скоромъ времени его сіятельству, г. военному губернатору свѣдѣніе объ успѣхѣ дѣйствій въ семъ общеполезномъ предпріятіи, я вновь обращаюсь къ вашему высокородію съ покорнѣйшею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ о числѣ подписчиковъ на упомянутый журналъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ»... и проч.

Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобъ опредѣлить, каковъ былъ результатъ подписки вообще, но по университету въ частности его нельзя назвать блистательнымъ: на сохранившемся въ бумагахъ Максимовича подлинномъ подписномъ листѣ красуется всего восемь подписчиковъ: М. Максимовичъ, А. Петровъ, Ф. Ленцъ (3 экземпляра, изъ которыхъ два для благороднаго пансіона и для кіевской гимназіи), С. Выжевскій, Фр. Моховичъ и К. Неволинъ.

Какой былъ дальнѣйшій ходъ этого литературнаго предпріятія, неизвѣстно. Что оно не осуществилось, объ этомъ во всякомъ случаѣ можно пожалѣть. При хорошей и правильной постановкѣ дѣла изъ проэктировавшагося тогда изданія въ теченіи полустолѣтія могъ-бы выработаться такой солидный органъ, до котораго Кіеву и теперь

еще далеко. Но кажется, что именно такой постановки не имѣло это дѣло въ самомъ началѣ; и едвали не въ этомъ была причина постигшей его неудачи. Какъ видѣли уже мы изъ приведенной переписки, журналъ предназначался «въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ», а подписчики привлекались посредствомъ оффиціальныхъ сношеній и подписныхъ листовъ; отсюда не трудно заключить, что и сотрудники вербовались тѣмъ-же путемъ, и что имъ предоставлялась благородная роль быть благотворителями бѣдныхъ. Не мудрено, что такое изданіе не могло осуществиться. Если мысль объ немъ принадлежала тогдашнему генералъ-губернатору графу Левашеву, то съ выходомъ его въ 1836 г. она должна была заглохнуть, ибо послѣ него на короткое время былъ генералъ-губернаторомъ графъ Гурьевъ, не задававшійся такими высокими цѣлями, а за тѣмъ въ управленіе краемъ вступилъ Д. Г. Бибиковъ, предпочитавшій другія средства для регулированія жизни края. Кажется, что единственнымъ слѣдомъ этой литературной попытки было изданіе Максимовичемъ трехъ книжекъ «Кіевлянина» съ промежутками въ два-три года и болѣе. По крайней мѣрѣ въ содержаніи этого Альманаха есть значительное сходство съ тѣми приложеніями, какія проэктировались къ журналу «Кіевскія Новости».

Во всякомъ случаѣ для исторіи просвѣщенія Кіева мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что сейчасъ-же послѣ открытія университета въ Кіевѣ явилась въ немъ попытка основать литературный органъ «*Кіевскія Новости*», и что объ этой неудавшейся попыткѣ теперь, черезъ 50 лѣтъ, приходится сообщить «*Кіевской Старинѣ*».

В. Науменко.

ДАВНО ЗАБЫТАЯ ДРЕВНѢЙШАЯ КІЕВСКАЯ СВЯТЫНЯ.

Это глава св. Климента, епископа римскаго, принесенная Владиміромъ изъ Херсонеса въ Кіевъ. Сохранилась-ли она и гдѣ именно теперь находится? Ставимъ этотъ вопросъ безъ надежды дать на него сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ, ставимъ для того, чтобы привлечь къ нему вниманіе нашихъ археологовъ и историковъ и вызвать со стороны ихъ попытки если не къ положительному разрѣшенію этого вопроса, то по крайней мѣрѣ къ

открытію какихъ либо слѣдовъ нахожденія гдѣ либо, въ то или другое время, этой древнѣйшей христіанской и въ частности нашей кіевской святыни. Утрачена-ли она навсегда безвозвратно, когда именно утрачена или хранится гдѣ нибудь безъ имени, никѣмъ не признаваемая—вотъ сущность вопроса, который мы ставимъ теперь.

Вопросъ этотъ, какъ намъ положительно извѣстно, предлагалъ въ послѣдніе годы своей жизни святитель Филаретъ, митрополитъ московскій, митрополиту кіевскому Арсенію, но не получилъ желаемаго отвѣта. Вопросомъ этимъ болѣе двухъ лѣтъ занятъ профессоръ оксфордскаго университета *Тозеръ* (H. I. Tozer), тщетно пока напрягая всѣ средства своей учености къ его разрѣшенію. Этотъ вопросъ поставленъ намъ лицами, близко стоящими къ почтенному профессору и желающими помочь разрѣшенію принятой имъ на себя задачи. Гдѣ-же и спрашивать о главѣ св. Климента, какъ не тамъ, куда она была перенесена и гдѣ хранилась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ? Но—увы!—мы, отдаленные потомки хранившихъ и чтившихъ эту первую христіанскую святыню на русской землѣ менѣе, быть можетъ, знаемъ о судьбѣ ея, чѣмъ почтенный изыскатель, живущій отъ насъ за морями.

Сгруппируемъ доступныя намъ скудныя историческія данныя о св. Климентѣ и его главѣ, чтобы яснѣе былъ вопросъ, который мы ставимъ на разрѣшеніе спеціалистовъ.

Св. Климентъ, папа римскій, во время гоненія на христіанъ въ самомъ Римѣ, при императорѣ Троянѣ, въ 94 г. по Р. Хр. былъ сосланъ въ древній Херсонесъ Таврическій, въ находившіяся тамъ римскія каменоломни и, найдя здѣсь до 2000 христіанъ, въ большинствѣ, вѣроятно, сосланныхъ, какъ и онъ, съ такимъ успѣхомъ и ревностію распространялъ здѣсь христіанство, что привлекъ сюда новое гоненіе со стороны языческаго Рима, во время котораго и самъ брошенъ былъ (въ 100 г.) въ море съ навязаннымъ на шею тяжелымъ камнемъ. Тѣло его волнами моря выброшено на берегъ и, бывъ погребено въ Херсонесѣ, въ гробницѣ изъ бѣлаго мрамора, стало предметомъ благоговѣйнаго поклоненія мѣстныхъ и другихъ христіанъ, во множествѣ стекавшихся ко гробу св. Климента 25 ноября, въ день его кончины, а имя его

вскорѣ стало чествоваться во всей христіанской церкви Запада и Востока.

Но протекло семь столѣтій, Херсонесъ переиспыталъ много превратностей, смѣнились его владѣтели и населеніе, самая церковь, въ которой погребены его останки, была подмыта волнами моря, и когда св. Кириллъ, первоучитель славянскій, въ 861 г., по пути къ хозарямъ, прибылъ въ Херсонесъ, никто изъ тамошнихъ жителей не могъ отвѣтить на его вопросъ о мѣстѣ погребенія св. Климента. Только послѣ долгихъ распросовъ, съ помощію архіепископа херсонскаго, удалось ему отыскать мощи священно-мученика. Онъ выпросилъ ихъ для себя, оставивъ на мѣстѣ главу Климентову, долго странствовалъ съ ними для проповѣди Христовой вѣры и только по прибытіи въ Римъ въ концѣ 867 или началѣ слѣдующаго года принесъ ихъ въ даръ папѣ Адріану II.

Когда спустя около 130 лѣтъ Херсонесомъ овладѣлъ князь кіевскій Владиміръ, принявшій здѣсь св. крещеніе, глава св. Климента, сохранявшаяся здѣсь до того времени въ подобающемъ чествованіи, была взята имъ въ числѣ прочей христіанской святыни и по принесеніи ея въ Кіевъ положена въ новосооруженной Владиміромъ Десятинной церкви [1]). Она хранилась здѣсь при Ярославѣ Мудромъ, съ именемъ котораго связаны нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о погребеніи Климента и перенесеніи главы его въ Кіевъ, подтверждающія и дополняющія краткое упоминаніе объ этомъ нашей лѣтописи. Дѣло въ томъ, что на дочери Ярослава Аннѣ въ сороковыхъ годахъ XI ст. сватался король французскій Генрихъ, и для переговоровъ по этому дѣлу ко двору Ярослава было отправлено изъ Франціи посольство, во главѣ котораго находился епископъ шалонскій *Рогерій*, первый суффраганъ реймской митрополіи. При отправленіи этого послѣдняго въ Россію, нѣкто Ольдерикъ, настоятель церкви св. Маріи въ Реймсѣ, просилъ его развѣдать, въ тѣхъ-ли странахъ находится Херсонъ, въ которомъ,

---

[1]) Лѣтописецъ въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ: «Володимеръ-же, взямъ царицю и Настаса, и попы корсунскія, мощи св. Климента и Фива, ученика его, и поима сосуды церковныя и иконы на благословенье себѣ» (Ипатск. лѣтоп., стр. 79). Очевидно слово *мощи* употреблено здѣсь вм. головы, какъ цѣлое вм. своей части.

какъ извѣстно было ему по слуху, почивали мощи св. Климента (Ист. госуд. рос. Карамзина, т. III, гл. 2, примѣч. 42). Любопытство Ольдерика было удовлетворено больше, чѣмъ онъ могъ того ожидать. Возвратившійся Рогерій передалъ ему, что, будучи въ Кіевѣ, онъ самъ видѣлъ тамъ главу св. Климента и ученика его Фива, которыя показывалъ ему великій князь кіевскій Ярославъ. Показывая эту святыню, Ярославъ, по словамъ Рогерія, произнесъ: «Мы сами нѣкогда были тамъ (въ Херсонесѣ) на богомоленіи и принесли ихъ оттуда», изъ чего можно заключать, что Ярославъ былъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Владиміромъ въ Херсонесѣ, во время его крещенія (ему могло быть тогда 12—14 лѣтъ). При этомъ Ярославъ пояснилъ, что во 1-хъ брошенное въ море тѣло св. Климента ежегодно въ день его рожденія чудесно всплывало въ гробницѣ на поверхность моря и привлекало массы молящихся, во 2-хъ что оно было вынуто изъ моря папою *Юліемъ*, бывшимъ въ Херсонесѣ для подавленія проникшей туда аріанской ереси,—вынуто по повелѣнію Божію, для чего и самое море на ту пору разверзлось и открыло чудесную гробницу, въ 3-хъ что похоронивъ въ особо построенной на берегу церкви нетлѣнные останки, папа Юлій часть ихъ принесъ въ Римъ и что въ то время, когда эту часть торжественно встрѣчали въ Римѣ, на морѣ у Херсонеса всплыла самая гробница, а подъ нею открылся островъ, на которомъ жители устроили церковь въ честь св. Климента и подплывали къ ней на лодкѣ [1]).

Въ обширной Десятинной церкви, въ которой хранилась глава св. Климента, самимъ-ли Владиміромъ или сыномъ его Ярославомъ былъ, кажется, устроенъ придѣлъ во имя священно-мученика, ибо Дитмаръ, писатель XI в., говоря о Десятинной церкви, называетъ ее церковью св. Климента; а быть можетъ церковь называлась такъ и по преобладающему значенію хранившейся въ ней святыни и

[1]) Разсказъ этотъ приводится въ жизнеописаніи Кирилла и Меѳодія, въ изданіи Болландистовъ *Acta Sanctorum*, причемъ замѣчается, что онъ изложенъ Ольдерикомъ въ видѣ замѣтки на поляхъ рукописнаго сборника сказаній о страданіяхъ мучениковъ (въ томъ числѣ св. Климента), присланнаго издателямъ изъ *С. Омера*. Быть можетъ, эта рукопись и доселѣ хранится въ музеѣ Болландистовъ въ Бельгіи, и любопытный текстъ приписки, сдѣланной на ней Ольдерикомъ, могъ бы быть возстановленъ во всей точности.

тогда это название говоритъ объ особомъ чествованіи этой святыни кіевлянами.

Что мощи св. Климента, въ видѣ его главы, не были забыты здѣсь, какъ нѣкогда въ Херсонесѣ, и что глава эта была въ памяти не однихъ кіевлянъ, видно изъ слѣдующаго памятнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви событія. Въ 1145 г., въ правленіе великаго князя Изяслава, кіевскій митрополитъ Михаилъ II, родомъ грекъ, какъ и всѣ его предшественники, за исключеніемъ одного лишь Иларіона, самовольно оставилъ Кіевъ и удалился въ Грецію, гдѣ и умеръ спустя два года. Великій князь созвалъ 6 русскихъ епископовъ и предложилъ имъ избрать митрополита изъ русскихъ и посвятить его на мѣстѣ, не обращаясь въ Царьградъ, откуда, конечно, прислали бы опять грека. Со стороны Нифонта новгородскаго предъявленъ былъ протестъ, что этимъ нарушается связь съ церковію константинопольскою; прочіе епископы недоумѣвали, достаточенъ-ли ихъ соборъ для посвященія митрополита. Тогда «Онофрій черниговскій рече: Азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у насъ есть св. Климента, якоже ставять греци рукою святого Ивана». Епископы, конечно, разсуждали, что глава важнѣе руки, «и тако сгадавше, главою св. Климента поставиша митрополитомъ» игумена зарубскаго монастыря Клима (Ипатск. лѣтоп., стр. 241 и 242).

Но посвященный такимъ образомъ митрополитъ, спустя 9 лѣтъ, низложенъ присланнымъ изъ Цареграда грекомъ Константиномъ, и затѣмъ идутъ опять митрополиты исключительно почти греки вплоть до раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи въ началѣ XV ст. Вскорѣ начались тѣ памятныя для Кіева опустошенія и разоренія отъ своихъ и чужихъ, которыя лишили его прежняго величія и значенія. Въ 1169 г. онъ понесъ жесточайшее разореніе отъ полчищъ Андрея Боголюбскаго, котораго сынъ Мстиславъ забралъ при этомъ драгоцѣнныя иконы, ризы, книги и даже колокола. Въ 1204 г. тоже произвелъ Рюрикъ Ростиславичъ съ черниговскими князьями Ольговичами; они забрали, кромѣ драгоцѣнностей церковныхъ, самыя одежды великихъ князей, висѣвшія въ храмахъ. Въ 1240 г. Кіевъ до тла разоренъ былъ Батыемъ, причемъ Десятинная церковь, въ которой хранилась глава Климента, была разрушена совершенно, за исключеніемъ одного южнаго придѣла. Въ началѣ XIV в. Кіевъ подпалъ подъ власть великихъ князей литовскихъ, а въ концѣ

XV в. вновь разоренъ Эдигеемъ, послѣ чего совершенно уже опустѣлъ. Между тѣмъ еще послѣ нашествія Батыя великіе князья русскіе избрали своею резиденціею сперва Владиміръ на Клязьмѣ, а потомъ Москву. Митрополиты греки потянулись за ними. Продолжая называться кіевскими, они мало жили въ Кіевѣ и если навѣщали оный, то больше для того, чтобы захватить уцѣлѣвшіе тамъ священные и цѣнные предметы и увезти ихъ во Владиміръ или Москву.

Среди такихъ политическихъ потрясеній и церковныхъ нестроеній, постигавшихъ Кіевъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, утратилась древнѣйшая христіанская и первая его святыня—глава св. Климента, и съ половины XII в. мы не встрѣчаемъ уже нигдѣ и никакихъ объ ней упоминаній. Теперь, по прошествіи стольких вѣковъ, трудно даже найти какую либо руководящую нить для новыхъ попытокъ къ ея отысканію. Не могла она затеряться отъ небреженія, ибо это была святыня такъ сказать первостепенной важности. Не могла она подвергнуться уничтоженію при разореніи Кіева русскими князьями, ибо такіе разорители чтили святыню и старались лишь захватить ее съ собою, а если-бы это случилось, оно было-бы отмѣчено въ лѣтописи. Едва-ли также она подверглась уничтоженію при нападеніи татаръ. Ихъ набѣги не были совершенною нечаянностію и давали возможность скрывать все наиболѣе цѣнное и священное; притомъ татаръ и вовсе не интересовали такіе предметы, какъ черепа и кости. Сохранились-же, какъ увидимъ сейчасъ, и послѣ татаръ многіе, еще болѣе древніе и священные предметы. Гораздо вѣроятнѣе поэтому, что глава св. Климента, наравнѣ съ этими предметами, стала жертвою той мирной и тайной экспропріаціи, которую въ широкихъ размѣрахъ практиковали послѣдніе митрополиты—греки, странствовавшіе лишь чрезъ Кіевъ по обширной своей паствѣ до Галича и Львова, но жившіе всегда въ Москвѣ. Въ этой экспропріаціи особенное усердіе показалъ послѣдній митрополитъ изъ грековъ—Фотій, присланный изъ Царьграда для всей Россіи, а не собственно для Кіева, какъ того домогался великій князь литовскій Витовтъ. Рѣшившись положить предѣлъ тому нестроенію въ церковныхъ дѣлахъ княжества, которыя причинялись этими странствованіями митрополитовъ, Витовтъ потребовалъ отъ собора подвластныхъ ему епископовъ низложенія Фотія и по-

ставленія на мѣсто его особаго митрополита для Кіева, помимо цареградскаго патріарха и независимо отъ Москвы, и вотъ что между прочимъ писалъ онъ по этому поводу о Фотіѣ и его предмѣстникахъ: «и въ наше время нѣкоторые митрополиты чужеземцы... разграбляли имущество церковное и въ чужія страны вывозили и отчуждали; они расхитили и въ чужую землю вывезли драгоцѣнности нашей церкви и святыя мощи, какъ то: орудія страданій Христовыхъ, жезлъ пр. Богородицы, ея хламиду и сандаліи, разныя иконы въ золотыхъ ризахъ, яшмовыя чаши, обдѣланныя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями и великое множество другихъ великой цѣны и даже выше всякой цѣны сокровищъ, которыя стяжали и въ даръ Богу и Матери Божіей принесли когда-то великіе князья земли русской»[1]). Какъ извѣстно, Витовтъ настоялъ на своемъ, и новый митрополитъ собственно для Кіева былъ избранъ, но этого можно было опасаться и гораздо раньше, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало политическое раздѣленіе Россіи на двѣ половины. Чужеземные представители русской церкви могли заранѣе предпринимать противъ этого мѣры; для нихъ безразлично, можетъ быть, было, гдѣ-бы ни жить: въ Кіевѣ, или Москвѣ, но вовсе не безразлично было, пользоваться-ли доходами всей русской церкви, или только половины оной. Между тѣмъ въ вопросѣ о поставленіи особаго митрополита для Кіева глава св. Климента, какъ мы уже видѣли, послужила однажды самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кто знаетъ, не въ предупрежденіе-ли именно случая, бывшаго при Изяславѣ, глава св. Климента тайно вывезена кѣмъ либо изъ послѣднихъ митрополитовъ въ Москву? Вывезшій въ такихъ видахъ долженъ былъ и хранить ее въ секретѣ отъ другихъ, а за смертію или выбытіемъ его она могла остаться навсегда безъ имени и названія.

Итакъ, если гдѣ можно еще искать главы св. Климента, то развѣ въ Москвѣ, въ числѣ тѣхъ безъименныхъ главъ, которыя хранятся въ кремлевскихъ соборахъ. Если-бы нашлись хотя слабыя историческія указанія на принадлежность которой нибудь изъ нихъ св. Клименту, они могли-бы быть подкрѣплены другимъ путемъ.

---

[1]) Specimen Ecclesiae Ruthenicae etc. Appendix, pag. 50.

Съ помощію исторіи можетъ быть опредѣлена національность Климента (его считаютъ обыкновенно грекомъ) и возрастъ, въ которомъ онъ умеръ, а съ помощію краніологіи по черепу можно опредѣлить хотя общія расовыя черты и уже съ большею опредѣленностію возрастъ того, кому принадлежалъ изслѣдуемый черепъ. Трудно, конечно, поручиться, что поиски въ указанномъ направленіи приведутъ къ какому либо положительному результату; но должны-же мы наконецъ побѣдить наше вѣковое равнодушіе къ судьбѣ первой нашей святыни,—она заслуживаетъ самыхъ усердныхъ и тщательныхъ поисковъ.

СОСѢДСТВЕННО-ПРІЯТЕЛЬСКОЕ ПИСЬМО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ [1]).

Божею милостию великого господара великого князя Іоанна Казимера, короля полского, великого князя литовского, руского, пруского, мазовецкого, жомоитского, инъфлянтского, сивѣрского, черъниговского, шведского, вандалского и иныхъ многихъ господарствъ господаря, обладателя, его королевского величества, Богданъ Хмелницкий, гетманъ зо всѣмъ войскомъ запорозскимъ.

Божию милостию великому господару цару и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Русъсией самодержъцу, владимирскому, московскому, новогородскому, цару казанскому, цару астраханскому, цару сибирскому, господару псковскому и великому князю твѣрскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ господарствъ, великому князю Новагорода, низовскія земли, резанскому, ростовскому, ярославъскому, белоозерскому, удорскому, обдорскому, конъдийскому и всея сивѣрныя страны повелителю и господару,

---

[1]) На выставкѣ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, въ одной изъ витринъ, въ коллекціи, если не ошибаемся, г. Куриса мы видѣли подлинникъ письма, текстъ котораго воспроизводимъ здѣсь по копіи, сообщенной намъ В. Б. Антоновичемъ. По содержанію своему письмо это не представляетъ иного интереса, кромѣ краткаго упоминанія о какомъ-то движеніи козаковъ, обезпокоившемъ московскаго царя; но любопытна форма письменнаго сношенія будущаго подданнаго съ владѣтелемъ сосѣдней страны, этотъ такъ сказать дипломатическій этикетъ полуneза-

иверския земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинския земли, черкаскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господару и обладателю, вашему царскому величеству чоломъ бемъ.

Маючи потребы свои въ панствахъ вашого царского величества, Іоанъ Тафралий, мужъ значный, до оддання низкого чоломъ битя вашому царскому величеству идетъ, за которимъ причину нашу вносимъ, кгды будетъ поворочать зъ государства вашого царского величества, безпѣчный здоровя своего будучи доброволне всюды пропусчоный. Дано намъ ведомости, яко-бы ваше царское величество мѣлъ разумѣти о неприязни нашой, о которой мы не мыслили и теперъ не мыслимо и ведлугъ давъныхъ часовъ въ приязни зостаемъ, а на тотъ часъ любосмо и войска наши были порушили, теды толко для потребы хана его милости татарского, а не на иншый який замыслъ. На тотъ часъ съ поклономъ нашимъ въ ласку вашого царского величества пилно се оддаемъ. Данъ въ Чигирине дня а҃ юля ҂ахи҃.

Вашому царскому величеству приятели зичливы и служити готовы: Богданъ Хмелницкій, гетманъ, зъ войскомъ его королевскои милости запорозкимъ.

Божею милостию великому господару, цару и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея России самодержцу, владимирскому, московскому, новогородскому, цару казанскому, цару астраханскому, цару сибирскому, господару псковскому, великому князю тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ господарствъ, и великому князю Новагорода, низовские земли, рязанскому, ростовскому, ярославскому, белоозерскому, кодорскому, обдорскому, кундийскому и всея сивѣрныя страны повелителю и господару иверския земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинския земли, черкаскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господару и обладателю, вашому царскому величеству сия грамота до рукъ налѣжитъ.

висимаго, связаннаго лишь династически и особымъ договоромъ, повелителя Малороссіи съ окрѣпшимъ въ своемъ державствѣ, многотитульнымъ московскимъ царемъ. Хмельницкій выписываетъ полный его титулъ, какъ на томъ настаивали всегда московскіе послы, и не только въ началѣ письма, но и на адресѣ, противупоставляя ему менѣе пространный титулъ своего суверена. — Ред.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ О НѢМЕЦКО-ХОХЛАЦКОЙ ШТУНДѢ.

По прочтеніи напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» сего года статьи «Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи» мнѣ вспомнилось слѣдующее:

Въ 1865 году, проживая въ г. Екатеринославѣ, я былъ знакомъ съ бывшимъ тогда судебнымъ слѣдователемъ, покойнымъ Мих. Вас. Жученкомъ. Онъ мнѣ тогда, помню, показывалъ дѣло о совращеніи какихъ-то двухъ парубковъ малороссовъ какимъ-то нѣмцемъ-колонистомъ въ «евангельскую» вѣру. Мнѣ теперь припоминается, что этотъ совратитель назывался не то Миллеръ, не то Виллеръ.

Я тогда впервые натолкнулся на сектантовъ-малороссовъ, и въ общихъ чертахъ мнѣ памятно читанное мною дознаніе какого-то становаго пристава о семъ «совращеніи», находившееся подъ дѣломъ у судебнаго слѣдователя. Вотъ сущность дознанія объ одномъ изъ совращенныхъ:

Какой-то молодой (18—20 л.) парень малороссъ, служа въ наймахъ у нѣмцевъ колонистовъ, выучился грамотѣ, сталъ читать евангеліе, воздерживаться отъ сквернословія, отъ употребленія вина, куренія табаку, отъ всякихъ игрищъ, пересталъ ходить въ церковь, сталъ отрицать святость иконъ и наконецъ *нѣмцемъ* (Миллеромъ или Виллеромъ—не припомню хорошо) *окрещенъ въ р. Днѣпрѣ, противъ острова Хортицы, около колоніи Нидерхортицкъ, въ евангельскую вѣру.* Эту часть дознанія, или, лучше сказать, сознанія я хорошо помню. Помню еще такія слова допрашиваемаго, записанныя въ дознаніе: «былъ вѣры православной, а теперь евангельской, въ которую вступилъ добровольно, и никакія мученія не заставятъ меня перемѣнить эту вѣру».

Что случилось съ этимъ и еще другимъ совращеннымъ и ихъ совратителемъ, я не знаю.

Настоящая моя замѣтка не будетъ лишнею для исторіи штунды, какъ указаніе неизвѣстнаго матеріала—судебнаго дѣла въ Екатеринославѣ въ 1865 г. Фактъ, разсказанный мною, доказываетъ, что въ 1865 году это новое вѣроученіе—*штунда* прививалось не только

къ нѣмцамъ, херсонскимъ колонистамъ, но имѣло послѣдователей и между потомками запорожцевъ, изъ коихъ одного «*мудрый нимець*», що «*на Сичи картопельку садыть*», крестилъ въ р. Днѣпрѣ около той-же Хортицы, первой запорожской Сѣчи, въ новую вѣру.

Съ той поры, когда я впервые натолкнулся въ выше разсказанномъ случаѣ на сектантовъ малороссовъ, это самое сектантство приняло широкіе размѣры: на Днѣпро-днѣстрянскомъ югѣ Россіи распространилась *штунда;* на Дону, куда меня забросила судьба, я нашелъ хохловъ хлыстовъ, шалопутовъ и наконецъ еще какую то секту, извѣстную здѣсь подъ названіемъ «сухая любовь».

Случайный, а вовсе не спеціальный наблюдатель различныхъ явленій окружающей меня жизни, я тѣмъ не менѣе сочту своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» тѣмъ, что узнаю объ этихъ по-донскихъ сектантахъ хохлахъ.

Борисъ П—скій.

Г. Павловскъ-воронежскій.
9 октября 1884 г.

ЕЩЕ ОБЪ ОДНОМЪ ПОРТРЕТѢ КИСТИ БОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины», къ статьѣ объ извѣстномъ малороссійскомъ художникѣ Боровиковскомъ, приложенъ списокъ его картинъ, находящихся у разныхъ лицъ и преимущественно мужскихъ портретовъ. Въ этомъ перечнѣ, какъ и въ свѣдѣніяхъ о картинахъ Боровиковскаго, помѣщенныхъ въ послѣдующихъ книгахъ почтеннаго журнала, мы не встрѣтили извѣстнаго намъ портрета, безспорно принадлежащаго кисти Боровиковскаго. О принадлежности видѣннаго нами портрета кисти Боровиковскаго высказали свое заключеніе и наши мѣстные художники гг. В. П. Андріевскій и въ особенности Н. Л. Скадовскій, произведенія котораго на послѣдней художественной выставкѣ въ С.-Петербургѣ такъ счастливо выдѣлялись; подтверждается это и временемъ его написанія и свидѣтельствомъ собственника его; надпись автора отъ времени испортилась.

Портретъ, о которомъ мы нашли нужнымъ сообщить въ дополненіе къ имѣющимся уже свѣдѣніямъ о произведеніяхъ Боровиковскаго, принадлежитъ къ числу портретовъ женскихъ и есть портретъ матери проживающаго въ г. Херсонѣ отставного генералъ-лейтенанта г. Калагеорги. Портретъ написанъ въ 1797 году, размѣръ его — въ натуральную величину; почти до колѣнъ портретъ представляетъ собою женщину, въ расцвѣтѣ молодости, блондинку, съ пышными, красиво сложенными на головѣ волосами; большіе голубые глаза глядятъ, точно живые: черты лица мягкія, правильныя, замѣчательно тонкія и въ общемъ типъ лица — поразительной красоты. Костюмъ крайне простъ; но съ богатымъ жемчужнымъ уборомъ на рукахъ и шеѣ. Детали рисунка удивительны; колоритъ картины въ общемъ и въ частностяхъ поражаетъ своей жизненностью выраженія и мягкостью кисти, если можно такъ выразиться. Словомъ, чѣмъ больше всматриваешься въ портретъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое картиной. Портретъ г-жи Калагеорги написанъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ она и проживала. Какъ извѣстно, у Боровиковскаго встрѣчается очень мало женскихъ потретовъ, а между тѣмъ они-то болѣе всего подходятъ къ его мягкой кисти, если судить объ этомъ по знакомому намъ женскому его портрету. Въ настоящее время описанный портретъ отправленъ г. Калагеорги въ Москву въ извѣстную картинную галлерею Третьякова, такъ какъ назначается въ продажу. Для почитателей таланта малоросса-художника Боровиковскаго указанный нами портретъ — цѣнная и высоко-художественная вещь.

Херсонъ,
11 октября 1884 г.

В. Чеважевскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О КЛАДѢ [1].

Въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины» г. К. М. разсказываетъ про «заклятый» кладъ, который, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, находится возлѣ с. Бакоты, подольской губерніи. Читая эту статью, мы припомнили два разсказа, касающіеся того-же «заклятія», которые мы слышали въ новоградволынскомъ уѣздѣ, во-

[1] Подъ этимъ заглавіемъ сводимъ однородныя сообщенія трехъ различныхъ корреспондентовъ. — Ред.

лынской губерніи. Вообще, малороссы, по непонятной причинѣ, весьма любятъ говорить о кладахъ; они даже точно указываютъ на ихъ мѣсто нахожденія, но при этомъ прибавляютъ, что нечего даже пытаться найти который нибудь изъ нихъ, потому что всѣ они «замовлены». При этомъ непремѣнно, для поясненія, будетъ приведенъ разсказъ, отзывающійся небывальщиною. Вотъ двѣ изъ такихъ небывальщинъ.

«Була тутай недалечко богата удова, а у неи тры сыны; тилько вона жадного зъ нихъ не любила. Отъ якось вона й заслабла, чуе, що вже пора вмирати. Оце вона й думае: «не стане мене на свити, усе мое добро достанется сынамъ; нехай-же никому, лишъ, якъ имъ не достанется». Въ ночи узяла вона котелъ, де були гроши, понесла у лёхъ, да й «замовила» двери, щобъ не можна було никому туда войти. Пишла зновъ у хату, застогнала, да на другій день и вмерла. А сыны заразъ до котла. Бачать на томъ мисти нема ничого. Шукали, шукали—ни, такъ-таки й нема, якъ у води згинуло. Отъ вони й забули про нёго. Тилько щось треба було до лёху; еденъ сынъ и пишовъ. Отчинивъ винъ двери; а щось якъ штовхане ёго, то винъ ажъ впавъ, мало що не вмеръ. Видъ того часу не можна, навить, подступитися до лёху, бо треба натрапити таку «мову», щобъ заразъ двери одчинились. А якъ ты ёго натрапишь?

А то ще такъ було у насъ. Оравъ еденъ чоловяга поле. Йде, да й гукае на коней. Тилько—цвягъ! Що це таке? Глянувъ винъ, ажъ тамъ цила скрыня, мабуть зъ грошима. Отъ винъ нахилився; самъ трясется—хоче вхопити. Тилько що винъ руку до нёго—то заразъ у землю. Мучився винъ, мучився; зновъ пиднявся, скрыня зновъ на верси. А, бисово навожденіе! Постоявъ винъ трохи, а потимъ якъ не грохне на землю, а самъ хапае. Де тамъ!! Скрыня ще лише пишла до низу. Пишовъ винъ до села, росказавъ людямъ, що діется. Уси ходили й бачили тую скрыню, а не еденъ не вхопивъ: бо е така мова».

Аналогичны разсказы о запорожскихъ кладахъ. Вотъ два слышанные нами отъ двухъ женщинъ въ Екатеринославѣ.

— Запорожськи клады скризь закляти: скильки-бъ людей ихъ не копало,—не даються! Мій чоловикъ самъ ходивъ. Отъ выкопали

вони такъ якъ великій погребъ,—увійшли; ну, а взять ничого не можна! Треба одмолиться стильки рокивъ, на скильки винъ заклятый.

Отъ и у Потёмкину саду є, саме тамъ, де каминня велике: и що-празника *вони* й выходять,—саме пидъ Великъ-день!

Зъ нашихъ одинъ разъ одважилось чоловика чотыри; мени тоди ще литъ 12 було (теперь разсказчицѣ лѣтъ 40), я у Ковалихи служила: отъ и пишли вони, одинъ жонатый, трое холостыхъ, зъ ломами, зъ лопатами, саме у Велику Ничъ. Отъ зачали бить ломами; що стукнуть, то *воно* й гуде! Вони дали копають: отъ-отъ чують,—вже близько, добре чують, що зализна скрыня. Ажъ коли *воно* выходить, та й сило на другому каменю недалеко одъ ихъ, та й дивиться, а дали й заговорило:

— Копаете, каже: а чи-жъ вы принесли голову, щобъ туды покласти?» (Значить, щобъ замисть кладу та голову чоловичу ёму покласти, тоди *воно* й дасть; а безъ того зроду не визьмуть!).

Вони й полякались на смерть,—покидали й ломы й лопаты, та й повтикали. Звистно, дурни: треба було-бъ розпитати: яку то *ёму* треба голову,—чи христіянську, чи яку другу?...

— Та вжежъ звычайно имъ христіянську треба! (сурово перебиваетъ другая).

— Може *воно* такъ и думало (продолжаетъ первая), щобъ одинъ зъ ихъ чотырёхъ лигъ туды, а щобъ трёмъ скрыня досталася; а вони й поякалися! Та й позаганяло-жъ ихъ: чи то зъ переляку, чи такъ, а до дому тильки одинъ добрався; другихъ ледве одшукали: хто пидъ тыномъ, а хто й по за тыномъ! Та й тяжко вси переболили,—такъ покаличило ихъ *воно!*

Рядомъ съ такими-же, но со всѣмъ въ иномъ родѣ можно слышать разсказы въ населеніи кіевской губерніи. Въ теперешнихъ уѣздахъ звенигородскомъ, уманскомъ, каневскомъ и другихъ, бывшихъ театромъ кровавыхъ событій «Уманщины», «Коліивщины», разсказы о кладахъ пріурочиваются къ могиламъ, во множествѣ разбросаннымъ по полямъ и съ которыми связаны въ народѣ преданія о дѣйствительныхъ лицахъ и происшествіяхъ, въ большей части уже затемнившіяся и совсѣмъ вымирающія. Могилы эти трак-

туются и какъ хранилища кладовъ, которые въ болѣе или менѣе близкое время дѣйствительно были въ нихъ находимы.

Про одну изъ такихъ могилъ, стоящую и теперь на поляхъ м. Рыжановки, звенигородскаго уѣзда, намъ пришлось слышать слѣдующій разсказъ, не заключающій уже въ себѣ ничего невѣроятнаго, отзывающійся напротивъ полною реальностію, съ примѣсью неизбѣжной ироніи надъ польскимъ паномъ. На этой могилѣ, разсказывали намъ, стоялъ когда-то простой, деревяный, совсѣмъ уже старый крестъ, и стоялъ онъ какъ-то необыкновенно: нѣсколько сбоку, на скатѣ могилы.

— Глупые хлопы! воскликнулъ новый панъ рыжановскій Д., увидя этотъ крестъ при объѣздѣ полей; не умѣли даже креста поставить. На такомъ мѣстѣ стоитъ добрую фигуру выставить. И рѣшилъ поставить новый большой крестъ уже на верхушкѣ могилы.

Скоро къ работѣ приступили и уже снесли старый крестъ. А вокругъ той могилы все поле было засѣяно бураками и на «вартѣ» ходилъ ночью сторожъ, на тотъ разъ молодой, здоровый парень изъ м. же Рыжановки. Въ ночь послѣ того, какъ старый крестъ сняли, обходя поля своего пана, натолкнулся онъ на стоявшій на дорогѣ, не вдалекѣ отъ могилы, возъ, запряженый парою большихъ крутороrихъ воловъ; возъ-же былъ кованный, крѣпкій, настоящій чумацкій, а на немъ сидѣло трое людей: бѣлый, какъ мѣсяцъ, старикъ, другой человѣкъ среднихъ лѣтъ и молодая женщина.

— Здорови були! А що це вы за люди? спросилъ сторожъ.

— Поздоровъ Боже и тебе! отвѣчали неизвѣстные. Та мы оце ӥдемо здалека, волы притомились, такъ отъ мы й стали соби трохи попасти скотину...

— Ну, то пасить-же, люди добри, добродушно сказалъ имъ сторожъ, та напасши и ӥдьте соби зъ Богомъ, бо панъ нашъ лютый, такъ щобъ мени часомъ чого не було, якъ дочуеця, що я позволивъ комусь отутъ попасати межъ бураками.

— Не бійся, чоловиче. Мы тутечки трохи постоимо, та й пойдемъ соби, а буракивъ а ни трошки не зачепимъ.

— Ну, то щасливо зоставатця, сказалъ сторожъ и пошелъ дальше обходить поля.

Ночь была «глупая», еще съ вечера дождикъ «накрапавъ». Пока сторожъ, обойдя поля, вернулся къ мѣсту, гдѣ «попасали»

проѣзжіе люди, воза уже не было; но и въ темнотѣ сторожъ разглядѣлъ двѣ глубокія борозды, шедшія по засѣянному полю отъ дороги къ могилѣ. Что за диво? Взглянулъ сторожъ на могилу, а тамъ чуть-чуть блеститъ огонекъ. Приходитъ туда и что-же видитъ? Мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ, разрыто, а старикъ и другой, что былъ съ нимъ, человѣкъ берутъ шапками изъ ямы что-то блестящее и несутъ на возъ...

— А що це вы, люди добри? Казали, що тилько попасете, тай пойдете, а вы ось що поробили? Та же мене панъ прибье, якъ побачить оци слиды на буракахъ.

— Мовчи, чоловиче, отвѣтилъ ему старикъ, и николи никому не кажи, що ты тутъ бачивъ.

Съ этими словами онъ вытянулъ изъ за голенища длинный ножъ....

— А якъ будешъ мовчати, то отъ тоби: пидставляй жмени, продолжалъ старикъ и далъ парню три добрыхъ пригорщни золота... Парень обѣщалъ молчать и дѣйствительно сдержалъ свое слово.

На другой день, объѣзжая свои поля, рыжановскій панъ замѣтилъ слѣды врѣзавшихся въ мягкую землю колесъ, поѣхалъ по нимъ къ могилѣ, но увидѣлъ лишь яму, пустой казанъ и нѣсколько золотыхъ монетъ, случайно покинутыхъ «добрыми людьми». Панъ понялъ, что тутъ вырытъ кѣмъ-то кладъ.

Кинулись къ сторожу. Тотъ: «ничого не знаю, никого не бачивъ»... Что ни дѣлалъ съ нимъ панъ—и просилъ и грозилъ, и жестоко дралъ, такъ ничего и не узналъ.—Долго послѣ этого панъ, разсказывая кому нибудь про этотъ случай, обыкновенно прибавлялъ: «покусилъ міе дябелъ кшижа поставицъ!»

А сторожъ скоро послѣ того тайкомъ удралъ куда-то на Кавказъ, на вольныя мѣста; тамъ на деньги, данныя ему старикомъ (ихъ было тысячъ три) построилъ домъ, завелъ хозяйство, женился и зажилъ припѣваючи. Спустя-же нѣкоторое время онъ снова вернулся въ Рыжановку, явился къ священнику, разсказалъ ему всю эту исторію, далъ 100 руб. на церковь, по 50 р. священникамъ (ихъ въ м. Рыжановкѣ было и есть двое), взялъ съ собою свою старуху мать и снова уѣхалъ на свое новое мѣстожительство.

— Такъ-то, заключилъ разскащикъ, панъ нашъ выставивъ свою фигуру замисть святого хреста! А хрестъ той ще добрый бувъ, тилько що зъ боку поставленый бувъ. Ставивъ, кажуть, козакъ якійсь, запорожецъ, чи що.

О. Р. К—й.

ОТВѢТЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ УКРАИНСКИМЪ СЛОБОЖАНАМЪ[1]).

(Найденный въ глуховскомъ Архивѣ).

Дѣялось за гетмана Павлюка
1638 года мая дня...

Що тамъ за бисъ гарчить?... курнявкать, гавкать ставъ,
Гуде мовъ рій джмеливъ, мовъ гедзъ теля напавъ...
Крычить, мовъ са жывитъ завина ухватыла,
Або объ землю бье когось нечиста сыла?...

Эге! сежъ изъ степивъ украинскихъ сей гулъ!
Завився тамъ якійсь зъ дощу въ болоти мулъ...
Мовъ чайки въ осоци, мовъ жабы при болоти,
Знай—квакають: ква, ква!—нема имъ бильшъ роботы.

Що жъ се?... яка тамъ тварь мемекае: мы, мы!...
Ахъ трясця жъ въ ёго ма!—ривняютця зъ людьми!...
Не тилько жъ бо зъ людьми, а наветь зъ козаками.
Ахъ, племя гаспидське! та мыжъ васъ нагаями!
Що вы шверготете? по якому сей крикъ?
Нимота бисова! Чи е у васъ языкъ?

«Мы, кажуть, мы, мы, мы,—мы Малороссіяне,
«Украинци зъ степивъ, и славни Слобожане.
«Зъ суплякою идемъ до васъ своихъ батькивъ,
«Козацькои старшины и зацныхъ козакивъ;

[1]) Помѣщаемое стихотвореніе по своему складу и языку принадлежитъ концу XVIII ст. и представляетъ большое сходство съ тѣми виршами на Пасху и Рождество, которыя будто были говорены черноморцами Потемкину. Это памфлетъ, написанный кѣмъ-то изъ гетманцевъ по адресу слобожанъ и характеризуетъ отношенія, какія въ послѣднее время существовали между умиравшею метрополією и реформированною на иной ладъ ея колоніею, т. е. Гетманщиною и Слободскою

«Щобъ вы таки дали и намъ якую раду;
«Безъ пастуха жъ не буть и намъ таки, якъ стаду.
«Не мало жъ насъ такихъ,—изъ нашихъ хуторивъ,
«Що зъ вамижъ ризали и туркивъ и ляхивъ.
«Чимъ мы не козаки?—Мы носимъ оселедьци,
«И цюкнемъ шаблею, коли де доведетця,
«Ни шабель, ни рушниць не впустимо изъ рукъ;
«Намъ тилько покажить,, де тихъ шукать гадюкъ,
«Що хочуть сконтовать козацькои одваги?..
«А вже мы зваримъ имъ густои дуже браги...
«Мы щиро служимъ вамъ, не такъ якъ наймиты;
«Вы жъ зъ насъ глузуете: мы все въ васъ хамуты.
«Що все бачь возимъ вамъ, и гинемъ при обози,
«Въ снигахъ, и въ болотахъ, на сонци й на морози.
«Вы живитесь соби, де на войни грабижъ,
«А намъ же що зъ того?—Все ӥжъ одинъ кулишъ!
«Не докижъ намъ ходить и голимъ всимъ и босымъ:
«Пышить насъ въ козаки,—вельможность вашу просимъ!».

Глянь, погань що верзе!—Плюгавци! вонъ, азась!..
До козакивъ вашъ братъ николи не ривняйсь!
Такъ чванилась, и дулась жабалуха,
Хотила стать воломъ, та й триснула псяюха.
Одъ жабалухи сей соби-бъ вамъ прикладъ взять,
Та й билшъ до козакивъ себе бъ вамъ не ривнять.

Чимъ же вы чванитесь?—«Отъ! мы то слобожаны!»
Вы—такъ соби щось—атъ!... не хрещени цыганы!...
Кортить ихъ въ козаки!... Чи зъ розумомъ ся ричь?...
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и Сичь.

Украйною. Происходившіе между ними съ половины XVIII ст. поземельные споры и могли, какъ кажется, быть поводомъ къ написанію этого памфлета, построенъ-же онъ на канвѣ прошлаго той и другой стороны, сущность котораго въ томъ, что слобожане со времени своего выселенія въ степи отстали отъ предковскаго воинскаго ремесла и стали *хлѣборобами* и *гречкосѣями*, между тѣмъ какъ гетманцы продолжали еще *козаковать*. Въ этомъ весь букетъ памфлета, составленіе котораго авторъ переноситъ ко временамъ Павлюка, т. е. выселенія слобожанъ. Рукопись, съ которой печатается стихотвореніе, начала нынѣшняго столѣтія и мы удерживаемъ ея заглавіе, принадлежащее, конечно, переписчику, а не автору.—Ред.

Паскудство, пастухи, бездомни волоцюги!
Якои зъ васъ намъ ждать противъ поганъ услуги?
Васъ заразъ нападе перерва й перелякъ,
Якъ тилько де спотка васъ видьма, вовкулакъ.
А якъ де на кони побачите вы ляха,
То прудче всихъ зайцивъ розбижытесь одъ страха.
На що вамъ на себе ждать туркивъ и татаръ?
Жыдивскій наймитъ васъ потре всихъ на сухаръ...
Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою;
Батигъ здаетця вамъ громо́вою стрѣлою.

Отъ, бачите сами, вамъ не приставъ сей гамъ.
Не горло треба драть, а вгамоватьця вамъ.
Пасить соби овець, орите, чумакуйте;
А лизты въ козаки и думать не турбуйтесь.
Селите слободы,—але платить намъ чиншъ!
А ни?—дакъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!...
Коли жъ вы хочете у насъ буть наймитами,
То справимъ всимъ штаны зъ широкими матнями,
Ременни очкури, ременни й постолы,
И пришвы на зиму,—щобъ боси не були...
. . . . А що тамъ дали пише,
. . . . Конець одъили мыши.

САВРАДИМКА [1].

(*Пѣсня*).

Ой поѣхавъ Саврадимъ
У поле орати
Ёго жинка, Саврадимка,
До корчмы гуляти.
Гуляла, гуляла
Тай нагулялася,
Наварила борщу, каши,
У поле попхалася.

[1]) Записана въ балаклеевскомъ сахарномъ заводѣ, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, отъ двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ.

Ходила, блукала,
Милого шукала;
Подивися, Саврадиме
Яка мила стала!
А ни жива, ни здорова,
И зъ личенька спала.
Ой прыихавъ Саврадимъ,
Изъ поля до дому,
Та поставивъ свою милу
На житню солому.
Ила вона, ȋла,
Захотила пити,
Запрягае въ боропу
Иде волочити.
Выпрягае зъ бороны,
Запрягае въ рало:
Гей, собъ! моя мила,
Щежъ до дому рано.
Выпрягае зъ рала,
Запрягае въ биду:
Гей, собъ! моя мила,
Я до дому ȋду.
Выпрягае зъ биды,
Запряга въ колясу:
Гей, собъ! моя мила,
Поидемъ до лясу.
Поидемъ до лясу,
Та наберемъ лому;
Та наберемъ лому
Поидемъ до дому.
А прыихавъ до дому,
А въ двори дощова калюжа,
Розсердилася жена
Та на свого мужа.
Полизла на пичъ,
Лягла та й нездужа.
«Ой увставай, мила,
Прывизъ тоби пива».
—«Ой не встану, Саврадиме;
Я не твоя мила!»

—«Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ горилки».
—«Ой не встану, Саврадиме,
Шукай соби жинки»
—«Ой уставай, мила,
Прывизъ тоби меду».
—«Ой не встану, Саврадиме,
Головки не зведу».
—«Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ дубины,
Ни товстои, ни тонкои,
До билои спины».
Ой устала Саврадимка,
Наче не лежала,
Та й обняла Саврадима
Та й поцилувала.
«Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Ой, що ты догадався,
Чого мени треба».
Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Що придбавъ дитину,
Та носити треба.
Ой умеръ Саврадимъ
Та й на лавци лежить,
Ёго жинка, Саврадимка,
По горилку бижить.
И горилку несе,
И музыки веде;
Ой теперъ я, Саврадиме,
Не боюся тебе!
Заграйте музыки,
А я окрутнуся.
Ой теперъ я сама,
Саврадима не боюся.

Сообщ. **Алексѣй Грабина.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ." ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году *(4-й годъ изданія)* «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками **въ 100 и болѣе** страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣси, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ **оригинальныя** статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ *«Воспитаніе и Обученіе»* выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ" 1885 года

будетъ заключаться въ альбомѣ, 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. *Картины эти будутъ разосланы г. подписчикамъ* отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ дароваго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ *«Литературный альбомъ»* изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника *Н. Н. Каразина* къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною преміею—**5 рублей.**

Тоже, съ приложеніемъ 3-хъ книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—**6 рублей.**

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

Большой ежемѣсячный научно-литературн. журналъ

ГОДЪ 2-й. „КОЛОСЬЯ" 2-й ГОДЪ.

Журналъ **выходитъ безъ предварительной цензуры**, въ объемѣ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ *каждый мѣсяцъ* (12 книгъ въ годъ).

Въ изданіи до сихъ поръ принимали участіе около 70 сотрудниковъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны публикѣ.

Въ истекшемъ году было помѣщено нѣсколько большихъ оригинальныхъ романовъ («Погасшая искра», «Гдѣ счастье»? и др.), болѣе десяти большихъ повѣстей («Актриса Уранова-Сандунова», «На ложной дорогѣ», «Невѣста Бѣлаго Генерала», «Неудавшаяся королева», «Невмѣняемая грѣшница» и др.), болѣе пяти драмъ и комедій («Графъ Чалицскій», «Разбитая жизнь», «Роковая клятва», «Северо Торелли», и др.), нѣсколько большихъ поэмъ въ стихахъ «Буреломъ», «Сергѣй Лярскій», «Смертоносная гора» и пр., и около 25 небольшихъ разсказовъ и очерковъ. По отдѣламъ: научному, историческому и критическому и по текущимъ вопросамъ публицистики было помѣщаемо нѣсколько статей въ каждой книжкѣ.

Въ будущемъ году редакція намѣрена продолжать свое дѣло въ томъ-же духѣ, какъ и теперь, стремясь дать публикѣ самый обширный, разнообразный и полезный матеріалъ для чтенія. Изъ всѣхъ большихъ журналовъ за нынѣшній годъ ни одинъ не далъ такъ много оригинальной беллетристики, какъ **«Колосья»** которые вообще избѣгаютъ переводнаго балласта. При всемъ этомъ **«Колосья»** остаются *самымъ доступнымъ по цѣнѣ* журналомъ изъ всѣхъ другихъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій.

Подписная цѣна на журналъ «Колосья» въ 1885 году:

На годъ (съ пересылкою и доставкою) . . . . . **8** р.
На полгода . . . . **5** »

ОТЪ КОНТОРЫ. Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библіотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакція рѣшилась отпечатать *второе изданіе* 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала «**Колосья**» (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель **И. А. Баталинъ.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА."

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны** и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній **Императрицы Маріи**, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоятъ изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографія замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статья по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для **Семейнаго чтенія**, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей** — *рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* «**Семейныхъ Вечеровъ**» будетъ разослана въ видѣ *преміи олеографія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою.		безъ доставки и пересылки.	
За годъ	**8** р. — к.	За годъ	**6** р. **50** к.
За полгода	**4** р. **50** к.	За полгода	**4** р. — к.

Подписка заграницею: за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

Адресъ Конторы Редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. Ѳ. Горбуновъ, Г. С. Деступисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, П. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ. М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соковнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), П. Тройницкій, М. К. Цебрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. П. Яхонтовъ и многіе другіе.

„РУССКІЙ АРХИВЪ."

1885 года.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ, книжками отъ 7 до 10 листовъ вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ, выходя уже третье десятилѣтіе, не прибѣгаетъ къ особымъ заявленіямъ и многообѣщающимъ посуламъ. Основанный въ 1863 году, въ эпоху возбужденія народныхъ силъ, онъ остается вѣренъ основной своей мысли—служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнопрошедшими событіями и въ отечесвенной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣйствительности; но при этомъ въ Русскомъ Архивѣ не допускается пристрастнаго освѣщенія историческихъ лицъ и событій, въ угоду господствующему направленію современности, такъ какъ содержаніемъ своимъ онъ долженъ имѣть цѣну и для времени будущаго.

ПРИЛОЖЕНИЯ

еще 40 к., золотару 4 к., снѣцару 2 к. Розышлось 5 к. Сего числа первый разъ были въ новой за городомъ канцеляріи. Зъ Федоромъ Янченкомъ сошлись на пенку по 5 р. и уже по порахунку отошло къ намъ за медъ покупній и железо 20 р., а на немъ еще осталось 16 р. Писаны писма до сотника новгородского и до сотника воронежского п. Івана Холодовича, подлугъ указу суда енералного присланного. За обшите пасковъ зелсних Карноуху 4 к.

27. Обѣдалъ вмѣстѣ зъ п.п. Гамаліями у п. тестя, а по обѣдѣ былъ у полковника нашого. Рано послѣ службы былъ у енерала зъ прочіими. Розышлось на розницю 14 к.

28. До коморы куплено тертиць за 30 к. Пошло дранѣ .... За роботу поденщикамъ еще въ доплату дано 32 к. Обѣдали у отца Патермуфія, городничого лищицкого, и сегожъ числа прибылъ панъ Юркевичъ въ Стародубъ.

29. Енералу отнеслъ рыбы щукъ 20. Куплено діогтю до Перегону за 20 к. Бабѣ досмотруючой дитины 20 к. На розницю пошло 10 к. Віехалъ зъ Стародуба около вечерень и прибувши до Левенки, тутъ и ночовалъ.

30. Віехалъ зъ Левенки рано и прибылъ предъ полуднемъ до Борщова, где и обѣдалъ, а одтоль о полдни прибылъ въ Перегонъ, а дитину Галю привезли вечеромъ.

31. Данъ въ Случокъ на шинкъ станъ горѣлки Ісаку Мигаліонку. Петру, маляру стародубскому, сину Михайла Лисого маляра, на покупку фарбъ до маліованя фурманокъ, колясокъ и протч. даны 2 р. Писано писмо до п. сотника варвинского о видачи стаднины моей моимъ же посланнымъ, которымъ и подорожная дана.

Мѣсяцъ іюнь.

1. Послѣ обѣда віехалъ зъ Перегону и попасовалъ коло Ковпинки, а потомъ прибылъ позно до Новгородка и сталъ квартерою у сотника.

2. Писалъ до полковника и до п. тестя о порушеню зъ Глухова п. обозного енералного. Далъ гончару задатку на поливаніе миски 20 к. Розышлось на розницю 5 к. За 13 фунтовъ желѣза 20 к. Ковалямъ и стелмаху 8 к.

3. За рибу 6 к., на зеля, перецъ и оливу 6 к. Розышлось на розницю 10½ к. Михайлу Нестеренку, п. тестя родному брату, зъ

Бабы [176]), сотнѣ полку чернѣговского менской козаку, даны 20 к. Писалъ писма до полковника о Мархаленку, до жены, до тестя о роботникахъ, бывшихъ въ Брянску, и до Стефана, такожъ до атамана погарского, чтобъ зраховалъ (посчиталъ) старосту и обехавши грунтъ, здѣлалъ мапну (чертежъ).

4. Куплены въ Новгородку 20 мисокъ за 10 к., талѣрокъ 50 за 20 к., даны Гаевичу зъ Нѣжина 10 к., за 6 ящиковъ 15 к. Писано писмо до п. Чуйкевича о присилцѣ писемъ на футоръ Михайловского, въ Пекаровѣ [177]) мнѣ записанный. Мужикамъ левенскимъ Халимону Жайворонку и Данилу Кистереву зятю, которые были на роботѣ въ Брянску и пошли на плитахъ до Переволочнои, дано въ займы 20 к.

5. Въ Новгородку за рибу карасѣ 3 к. Писано писмо до п. обозного енералного зъ прошенiемъ прощенiя, что не моглъ его дождатися въ Новгородку. Тамъ же вручилъ сотнику наказному Демяну Нестеренку облѣкги Литвинковы на Iвана Василенка, значкового товарища въ Богдановцѣ. Вiехали зъ Новгородка и переѣхавъ Десну, обѣдали въ полѣ о 7 верстъ, а по полдни одтоль вiехавши, прибыли завременно въ дворъ Дмитровскiй спаского новгородского монастыря и тутъ сыскавши Дмитровского и зъ Вовны [178]) войтовъ допрашовали.

6. Посилали по войтовъ глазовского, пигаревского и жиховского и допрашивали ихъ по силѣ указу суда енералного, и опись въ дворцѣ Дмитровскомъ чинена всѣхъ движимостей.

7. Писаны писма до жены и до Стефана въ домъ, и до сотника наказного новгородского о присилцѣ выписки зъ ревизiялныхъ книгъ о селахъ монастирскихъ, да до Данила Зiневича посланъ отвѣтъ. Поехалъ Егоръ Андрiевъ Немчиновъ, графскiй прикащикъ, въ Глуховъ.

8. По полдни одправленъ Антонъ Донъ въ Глуховъ зъ писмами, а писма писаны въ С. П. Бурхъ до п. Горленка подъ числомъ iюня 5, до Новоторжцева и Маркелловича Леонтева подъ числомъ iюля 2, до Iвана Александровича Дурова подъ числомъ апр. 18, до Кирiака Андрiевича Кондратовича подъ числомъ мая 30, до графовъ Гаврила и Мойсея Владиславичовъ мая 30, въ Москву до

---

[176]) Село сосницкаго уѣзда.

[177]) С. Пекаревъ, сосницкаго уѣзда. См. слѣд. стран., стр. 4 и 5.

[178]) С. Вовна новгородсѣверскаго уѣзда.

Уріила Іванова мая 30, въ Глуховъ до п. Скоропадского, до п. Пасека и Лукомского подъ числомъ іюня 7, да чрезъ тогожъ Дона посланы писма до подскарбія п. Маркевича и обозного зъ пунктами и до сотника новомлинского о футорѣ Михайловского, записанномъ мнѣ за долгъ въ Пекаровѣ. Дано Антону Дону 25 к.

9. Писано въ Новгородокъ по Маджугу и по Захарченка, да о цѣнѣ, почему теперь продается на торгахъ збоже. Віехали зъ Дмитровки послѣ полдня и не доєжжая Жихова, ось зломалась, чего для въ Жиховѣ и заночовали въ дворѣ Петра ткача; тутъ нодробили двѣ оси, за которые дано 3 к.

10. Прибыли въ Пироговку и тутъ обѣдни слушали, а пополдни ездили къ мелници Ігната Котляра, а сами стояли въ домѣ сина его Василя Котляренка.

11. Обявленъ указъ пироговцямъ и приказано, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу Головкину. Зъ Пироговки о полдни віехали и заездили въ футоръ, который у монастиря одкуповуєтъ путивецъ Борошновъ; послѣ въ слободку Красѣчну Юркевичовъ и въ Гуту [179]) ихъ же, потомъ прибыли въ Жиховъ и тутъ ночовали. Вечеромъ прибылъ зъ Глухова Е[illegible] Немчиновъ.

12. Обявленъ указъ жиховцямъ, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу его сіятелству Головкину. И сего дня прибыли воспять до Дмитровки.

13. Пантелеймонъ Юркевичъ привезъ мнѣ шила штукъ разныхъ числомъ 23, да кубокъ стекляный, зъ которыхъ три штучки п. Холодовичу сотнику воронежскому даны.

14. Село монастырское Вовну отказали отъ монастыря и отдали во владѣніе графу Головкину.

15. Послано чрезъ новгородціовъ писмо писанное до Стефана Чорновского, старости поповского, о прибытіи его въ Новгородокъ. Сего числа совсѣмъ окончивши порученную намъ коммисію, розехались зъ Дмитровки, а одправа дѣла зъ доношеніемъ въ судъ енералный вручена канцеляристѣ войсковому Григорію Лизаневичу. Прибыли мы зъ п. сотникомъ воронежскимъ въ Новгородокъ.

[179]) Красична и Гута деревня новгородсѣверскаго уѣзда. Д. Гута возникла изъ стекляннаго завода (—гута), гдѣ и выдѣлывалось то стекло, о которомъ говорится подъ числомъ 13-мъ.

16. Обѣдали у Стефана Маджуги, а послѣ обѣда были и въ монастырѣ, одкуду и одехалъ сотникъ воронежскій. За рибу 8 к., за миски поливаные въ доплатку прежде данного задатку еще дано 10 к. Цилюрику 3 к.

17. Писано до Стефана и одправлена на подводѣ въ Перегонъ посуда, а именно мисокъ деревяныхъ 20, талѣровъ 50, мисокъ поливаныхъ 14, приставокъ чотыри, горшикъ одинъ зъ кришкою, шила снопковъ 21, ящиковъ 5, рибы язиновъ 3, лящовъ 2, судакъ 1. Писаны писма до п. Скоропадского и до писаря Черняховского въ Глуховъ, а въ Стародубъ до писаря судового и до Семперовича. За шугалію въ Новгородку купленную дано 70 к., за сущики 12 к. Яковъ Литвишко уступилъ мнѣ пудъ мѣди, за которую доплачено 4 р. Віехалъ и зъ Новгородка послѣ вечерень и ночовалъ въ полѣ за Мамикиномъ о милю.

18. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Перегонъ и писалъ въ Новгородокъ и до панеи въ Стародубъ, чтобъ пріездила до Перегону.

19. Былъ на футорѣ, и одтоль поворочаючомуся, пришло известіе, что Остапъ Косикъ жену свою убилъ, о которого сиску и о убитой ос[illegible] посланъ ордеръ до сотника погарского зъ урядомъ. Привезена мѣдь зъ Новгородка, у Литвишка купленная, 40 фунтовъ, такожъ и сущики. Дано маляру еще 10 к.

20. Осматривали тѣло убитой и велѣли описать пожитки, да и церкви осматривали жъ и иконостасу, чтобъ иконостасъ дѣлать, а церкву поправить. Взялъ у Ноздры за станъ горѣлки 2 р. 20 к. Сего числа зъ лукинцями розехали поле за Ворою и онымъ перегонского часть грунта уступлена за Могилою Дѣвкою, при бытности атамана городового погарского.

21. Тіежъ лучинци подали мнѣ прошеніе о томъ грунтѣ, на который обѣщано имъ отъ мене и писмо. Врученъ домъ въ опеку Косиковъ Якову Козлу, козаку городискому, и емужъ вручены облѣги всѣ и давные и сего-годные Косиковые для доправки денегъ.

22. Віехалъ рано зъ Перегону и въ Борщовѣ задержалъ мене п. Григорій (Гамалѣя), ради прибытія къ сему п. Яна Квитки, полковниченка харковского, а одтоль поехавъ послѣ полдня и прибылъ въ Случокъ, видѣлъся зъ Романовичомъ и розговоръ зъ нимъ имѣлъ; послѣ прибылъ еще завременно до Левенки и тутъ ночовалъ.

23. Пообѣдавши, зъ Левенки віехалъ и прибылъ до Стародуба; подано доношеніе въ канцелярію полковую о коняхъ, у Романовича взятыхъ въ спаши пшеници.

24. Прибылъ въ Стародубъ п. Іванъ Квитка и обѣдали вмѣстѣ у панеи тещи купно зъ п. Іваномъ Гамаліею. Обослано насъ узваромъ отъ п. Іскрицкого ради рожденія дочери его Татіаны. Розышлось на розницю 27 к. Спѣцару дано 6 к. Одехалъ п. Григорій Юркевичъ, писарь полковой стародубскій, въ Глуховъ.

25. По полученной вѣдомости о слабости дочери Ганны, отехала жена до Перегону. Дано за вичинку вовка и лисици 13 к. Розышлось 5 к. Лукирцѣ за мите кафтана бѣлого 10 к.

26. Обѣдали у мене п. Іванъ Квитка, обозный полку харковского и п. Іванъ Гамалія юдиновскій, зъ которымъ доволно пили, послѣ были у генерала квартермейстера фонъ Штофеля. Розышлось на покупку травы и проч. 27 к. На вино пошло 1 р. 40 к. За зроблене канчука на тростѣ Пищолцѣ дано 10 к.

27. Было молебствіе зъ пушечною стрѣлбою и при обѣду генерала стрѣляно зъ пушекъ и мѣлкого оружія. Былъ у мене п. Яковъ Полуботокъ и синъ полковника полку олонецкого драгунского, Лесли Юрія Федоровича, Давидъ.

28. Были крестины у п. Іскрицкого дочери новорожденной Татіаны. Воспріемниками были полковникъ Гаврило Івановичъ Давидовъ зъ панею тещею моею, и п. Іванъ Миклашевскій зъ полковницею Дуровою. Розышлось на крестинахъ 30 к.

29. Обѣдни слушали у церкви Петра и Павла, а обѣдали въ домѣ. Розышлось 9 к. Алексію на его потребы даны 10 к.

30. Обѣдали дома, где и п. Федоръ Ширай обѣдалъ же. На мясо и проч. пошло 14 к. Спѣцару 3 к. за направу стула. Отехалъ п. обозный нашъ въ домъ свой.

Мѣсяцъ юль.

1. Слушали обѣдни въ церкви вознесенской. Послѣ былъ я у полковника. На мясо пошло 13 к. Сего числа г. генералъ Загряжской подъ Лищичи для смотренія полковъ отехалъ. Принесъ ткачъ серветъ 80 локоть, локоть отъ роботы по 2 к., да полотна семдесятъ 1 локоть, отъ роботы за локоть по копѣйкѣ; и того 2 р. 31 к. Сего числа отдана мѣдь въ роботу Карпу Савеліеву, котляру, а

именно ломаной разной мѣди 57 ф., да казанокъ зъ желѣзомъ чотиры фунта, и того 61 фунтъ зъ желѣзомъ. Посланы чрезъ Осипа Булахова два рубли до Степана въ Перегонъ на дворовые росходы и пять сотъ цвяшковъ. За вичинку чотырохъ габелковъ 16 к. Отехали обое мы до Левенки и тамъ ночовали.

2). За стіонжку чорную для жены, за шнурокъ до запасокъ, за шовку лотъ и на стручки дано 30½ к. Присланъ столъ и ложко одъ п. Мануила Зиневича, дозорци (смотрителя) ропского. Былъ у мене г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель и позабавилъся чрезъ нѣсколько годинъ. Въ Перегонъ посланы пара шоръ, два столики, ослонъ и старая таратайка зъ двома колесами, 3 хомуты зъ 3-мя дугами.

3. Розышлось на розницю 15 к., за мясную руру зъ печенею...

4. Маляру на золото 8 к., за вичинку 10 овчинокъ бѣлыхъ полковника Веревкина 10 к. Обѣдалъ у полковника. Вчора по полдни отехала полковничая невѣстка Катерина Андріевна зъ Стародуба. Вчорашняго числа обѣдалъ у мене п. Іванъ Булавка бунчуковый и коммисаръ полку чернѣговского.

5. Былъ зъ рана у мене п. Селецкій, сотника полку нѣжинского дѣвицкого братъ, такожъ отецъ Іванъ, священникъ духовскій, которому дано 10 к., паламару 2 к., крашениннику за офарбоване полотна на крашенину 44 аршинъ дано 44 к., за крашенины 7 аршинъ 20 к.

6. Лучанѣ послѣ обѣда одправилися, которымъ дано на 2 кунтушы сукна да двѣ штучки китаю и штучку крашенины; Дацку Никитенку за Степана Кочержинского 80 к. На дорогу имъ 20 к., да ему жъ Дацку коня сивого лубенского дано.

7. Vacat. 8 числа отехалъ въ Семіоновку и едучи чрезъ Янжуловку, былъ тамъ въ дворѣ Шпетенковомъ. Бабѣ даны 10 к. Прибылъ до Семіоновки позно.

9. Былъ въ обозѣ его м. п. обозного войскового енералного и тамъ обѣдалъ, и по обѣдѣ п. обозный отехалъ до Курознова, а я позабавилъ у разныхъ п.п. бунчуковыхъ до смерку и уже позно прибылъ на квартеру до атамана семіоновского.

10. Рано пріехалъ ко мнѣ п. Борковскій, которому и тестаментъ меншій я отдалъ, а онъ мнѣ свой далъ же и провожалъ менежъ онъ и п. Полуботокъ. Отехавши зъ Семіоновки по полдни,

заездилъ до Желѣзного Мосту [130]) и тамъ Григорія Яворского велѣлъ наказать за матку, потомъ прибылъ въ Курковичи.

11. Прибылъ тудажъ п. Пекалицкій и отецъ Григорій Хоминскій, священникъ архиповскій, въ которого дѣлѣ писано писмо до асаулиной Яворской.

12. Тамъ въ Архиповичахъ мешкаючіи расколщики, называючіесь Неклюдовы и Россріи, Фома 1 р., Андрей 50 к., да зъ Лужка мужикъ 32 к., да еще другіе 22 к. Сторговалъ дворъ тамъ же у Архипа Ломаки зъ двома сѣножатми за 20 р.; даны ему тогдажъ 2 р., а послѣ въ Стародубѣ 4 р. Сегожъ числа прибылъ въ Стародубъ.

13. За траву 6 к., за 12 дощокъ липовковыхъ 29 к., крашенинику 20 к. Розышлось на розницю 4 к.

14. Ткачу за роботу 3 р., за канчукъ 12 к., за вино 40 к.

15. Былъ у полковника олонецкого полку Юрія Федоровича Лесли. Дано бандуристамъ 20 к. Даровалъ канчукъ на тростинѣ капитану олонецкогожъ полку Семену Федоровичу Лесли.

16. За мясо 16 к., за траву 10 к. Косику Остапу дробнихъ 1 р.

17. Его м. п. обозный енералный зъ ассистенціею былъ у мене въ домѣ. Сего числа Петрошу даны 20 к., которому родился синъ Іванъ. Взято вина 3½ гарца. Віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Случокъ, тамъ и ночовалъ.

18. Обѣдалъ у п. Григорія въ Борщовѣ; послѣ прибыли въ Перегонъ.

19. Былъ на футорѣ.

20. Одправлена экспедиція въ Глуховъ въ дѣлѣ Рубайленковъ чрезъ ихъ же и писалъ до п. Юркевича. Івану Храпковскому погарскому за Павлика заплочено 1 р. 30 к.

21. Получилъ писмо чрезъ войта бозкого [131]) Ничипора Черняіова одъ п. Федора Марковича и къ немужъ отвѣтовалъ. Обѣдали у мене въ Перегонѣ п. Іванъ Квітка, обозный полку харковского, зъ сотникомъ ізюмского полку города Царя Борисова, да п. Григорій Гамалія зъ панею. На мясо пошло 30 к., на муку 10 к., за калачи 4 к. Бабѣ дитячой даны 50 к.

---

[130]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[131]) Д. Бозская стародубскаго уѣзда.

22. Тіежъ обѣдали, що и вчора. За вино въ Погарѣ купленное 1 р. Прясцѣ господинѣ 25 к. и на запаску, за медъ 60 к., на мясо въ Погарѣ 28 к., за медъ 60 к., на калачи 5 к., на свѣчи 5 к. Сегожъ числа вечеромъ прибылъ на футоръ Василіовку,

23. Обѣдали сегожъ числа на Василіовцѣ у мене Федоръ Марковичъ, Якимъ Троцкій и Лука Марковичъ и розговаровали о разныхъ рѣчахъ и грунтахъ, а по обѣдѣ и я ихъ провожалъ до Бозкои.

24. Обездили грунта и по разныхъ контроверсіяхъ обѣдали у менежъ.

25. Приходили къ помиркованю и не заключа розехались. Прошлой ночѣ побрали сѣно, на моей сѣножати купленное. Обѣдалъ я у Марковичовъ зъ товарищи, отъ нихъ прибылъ въ Перегопъ, где засталъ сотника бакланского п. Косача.

26. Одписовалъ до п. Корсака о сѣножати дарневской Москаленка. При віездѣ зъ Перегону далъ Мойсею Оршавѣ на расплатку за вино и на другие потребы 3 р. Самъ по обѣдѣ прибылъ до Стародуба, а жена отехала до Левенки.

27. На траву и проч. 6 к. Отвѣтное писмо послано до сотника погарского о курѣнчикахъ. Василю Янджулу далъ реестръ о покупкахъ въ Густинѣ [181]), а до Стефана писалъ о висилки чотирохъ куфъ горилки въ Семіоновку.

28. Карпу кухару далъ 1 р. и чвертку жита. Архипу Ломацѣ еще даны чотири рубли за дворъ купленный. На мясо 12 к.

29. У отца Івана духовского была свадба, которого и зятя его обослано зъ дому моего дробыною, хлѣбомъ и водкою. На мясо 18 к., на другую розницю розышлось 14 к. За столъ зъ Кривця привезенный дано 30 к. сверхъ прежнихъ 20 копѣекъ.

30. Данъ квитъ індуктовый одъ Павла Каленикова на пять куфъ. Прибылъ на ночъ въ Левенку. На чаплики и мило 3 к.

31. Обѣдалъ и дніовалъ и ночовалъ въ Левенци.

Мѣсяцъ августъ.

1. Пріехалъ зъ Левенки въ Стародубъ и одправилъ въ Семіоновку куфу горилки при писмѣ до Василя Янджула и къ немужъ квитъ на 5 куфъ індуктовій и подорожную людямъ при горѣлцѣ

---

[181]) Въ густинскомъ монастырѣ, прилуцкаго уѣзда, гдѣ въ это время была ярмарка.

одправленнимъ. Да посланы писма до п. обозного енералного и Борковского. Дано кравцямъ 15. Розышлось 5 к.

2. Спѣцару дано 10 к. Розышлось 6 к. Въ Случокъ Жорову дано барило горилки въ 66 квартъ цеховыхъ.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. Скоропадского и Юркевича зъ посылкою челобитной о млинахъ на Ворѣ. Послано до Перегона желѣза 18 фунтовъ, у Янченка взятого. Взято 40 фунтовъ лою у Брезкуна. Дано на ġноти 3 к. Евдашцѣному сыну на желѣзо до столовъ 5 копѣекъ. Панеи 20 к., за роблене свѣчъ 10 к.

4. Дано до панеи шапки на повсть, на баволну и шовкъ 10 к. Розышлось 12 к. За вино Рибнику 40 к.

5. Степану рымару 1 р.

6. Прислано отъ одного чоловика 2 лящи, отъ Василя Котляревича 10 лящовъ, одъ хоружого Данченка щукъ 9. Розышлось на розницю 64 копѣйки. Сповѣдался и коммунѣковалъ. Обѣдали у полковника и отехали на ночъ въ Левенку. Максиму шапочнику за зроблене шапки панеи и Василковѣ 20 копѣекъ, за лучину и проч. 14 копѣекъ.

7. Обѣдали въ Левенцѣ, а по обѣдѣ вiехали наши п. тесть и теща и жена къ Кiеву. Женѣ на дорогу даны 8 р. Я возвратилъся въ Стародубъ. Посланы козаки за нашими вслѣдъ.

8. Обѣдали у мене Данченко хоружiй да Хомѣнскiй и Багинскiй. Куплена да неплачена фляша вина у п. Середи бурмистра. Розышлось на розницю 12 копѣекъ.

9. Розисковали по дѣлу Соколова. Былъ у маiора корпусу меклембурского Лепела. Курiеръ прибѣгъ до п. обозного съ походу отъ генерала Загряжского.

10. За роботу цѣны корпуса меклембурского драгуну 50 копѣекъ. За два фунты корки лимонной 24 копѣйки. За сѣно 5 к.

11. Петру маляру 40 копѣекъ. Розышлось на розницю 21 к. Полученъ указъ о виступленiи въ походъ до Мигновичъ.

12. Позичилъ п. Iвану Квитцѣ, обозному полковому харковскому 30 р. За прироблене дишля до коляски 15 копѣекъ.

13. Даны цехмистру ткацкому Минѣ Григорiеву 4 основы на полотна, а платить за роботу отъ локтя по осмаку, да не достало втоку пяти фунтовъ. Прiехалъ енералъ Кейтъ... Дано на потребы до кафтана перешиваючогось 13 к.

14. Писано до п. Івана Гамалѣи въ Юдиновъ и послано цукру голова, да за негожъ перенялся за ɡарнецъ вина платити копу Греку. Пріехалъ п. обозный енералный. Розышлось на медъ и прочее 13 к. Алексію 4 к.

15. П. обозный енералный зъ командою своею переходилъ черезъ городъ. Обѣдалъ одинъ, а вечеряли два Гамаліи лохвицкіи.

16. Обѣдали Гамаліи, а послѣ обѣда Троцкій и Лука Марковичъ были, и другіе гостѣ гуляли зъ музикою. Алексѣй Алексіевичъ Мажаевъ изъ московского полку поручикъ былъ у менежъ и долго въ ночъ трактовали о грунтахъ Доболской (?) зъ Троцкимъ.

17. За брусницѣ 90 к., за соль 14 к. Лукирцѣ 12 к., на мило 2 к.

18. За Ярмолу п. Григорія Гамаліи заплатилъ 8 р. П. Александру (Корецкому) швагру своему позичилъ въ дорогу въ войско 30 р. Розышлось 9 к.

19. За виписѣ подписку (помощнику писаря) ратушному 50 к., за мясо 36 к. Офѣцери обѣдали; маляра Петра сестрѣ дѣвчинѣ 20 к. Цехмистру ткацкому за роботу скатертей 3 р.

20. Самому маляру Петру 40 к. Розышлось на розницю 27 к.

21. Данъ Япченку цукоръ 51¾ фунта за долгъ 10 р., и за желѣзо отойшло 35 к. За мясо и кури 12 к.

22. Ничего. Числа 33. За мясо и на другій росходъ 25 к. Спѣцару дано 10 к., передъ симъ емужъ 10 к.

24. За пару стрименъ 30 к., за роботу отъ направы лихтаровъ мосенжнихъ мекленбурцю 20 к. Договорилъ расколщика оправлять книги до церкви левенской пять, давать 1 р. 80 к., а дано задатку 50 к. За медъ Ляшисѣ заплачено 30 к., за пудъ соли 40 к.

25. Обѣдалъ у полковника, а послѣ отехалъ въ Левенку и тамъ въ лазнѣ мился, а одтоль прибыли въ Случокъ на ночъ до п. Коменка.

26. Слушали обѣднѣ въ Суходолѣ, а одтоль прибыли на обѣдъ до Борщова, зъ Борщова въ Перегонъ зъ п. Федоромъ (Шираемъ) швагромъ.

27. Былъ въ Городищѣ и за Ворою и на Бѣлявицѣ. На мясо 24 к.

28. Писаны писма въ Глуховъ чрезъ Коменка до п. Скоропадского, до судіи енералного Борозны и до Юркевича, и въ Почепъ за Кобузикомъ ковалемъ до поруччика Полянского, до Лукина и до сотника наказного Губчица.

29. Ездилъ до Курова и тутъ приходила до мене громада.

30. Былъ въ Василювцѣ.

31. Сими днями розышлось на розницю 45 к. Обослала Галецкая родинами за внука Петра.

Мѣсяцъ септеврій.

1. На вечерню отехалъ до Погари, и тамъ ночовалъ въ домѣ Панюшки.

2. По службѣ заходилъ до п. Григорія Черняка, а послѣ ко мнѣ и онъ и канцеляристъ Ливандовскій, да поруччикъ Козма Савватіевичъ Glотовъ пришли и обѣдали и долго гуляли, потомъ были у войта и ночовалъ въ Погарѣ на той же квартерѣ. На мясо и кури 10 к.

3. Получилъ писма зъ С. П. Бурха. На мясо пошло 17 к. Отехалъ зъ Погарѣ передъ обѣдомъ и пообѣдавши въ Перегонѣ, отехали на ночъ до Василіовки.

4. Въ Василіовцѣ обездили грунтъ между Чубаровомъ и Суворовомъ и въ Ісаевцѣ были.

5. Надъ вечери віехали зъ Василіовки въ Перегонъ. Дано на мясо 10 к.

6. Въ вечерѣ пришла вѣдомость о прієздѣ нашихъ зъ Кіева въ Буду.

7. Рано отехалъ п. Федоръ швагеръ, чрезъ которого и до жены о пріездѣ ея сюда въ Перегонъ писалъ, да писалъ противъ писма полковничого, что развѣ завтра віеду до Стародуба. Сего числа зъ Ровницкимъ да старостою евдоконскимъ да изъ лукинцями о спорнихъ грунтахъ договоръ заключили.

8. Пріехала панѣ въ Перегонъ; ездили въ Суворовъ до церкви, я по обѣдѣ былъ въ Чубаровѣ, послѣ въ Погарѣ и приказовалъ, якъ дворъ купленный у Сороки строити.

9. Надъ вечери віехалъ зъ Перегону и прибылъ коло полночи въ Левепку и тутъ ночовалъ.

10. Рано віехавъ оттуду, прибылъ въ Стародубъ, а послѣ обѣда у полковника своего былъ и отъ него къ генералу ходилъ.

11. Генералъ Кейтъ и два полки пѣхотни, первый московскій и бутирскій, вышли въ походъ до Переясловля. На мясо 21 к.

Слюсару за подѣлане муштука и проч. 16 к. Вечерялъ у маіора чернѣговского полку Петра Івановича Стрешнева зъ п. тестемъ.

12. Тогожъ маіора обослали водкою, вишніовкою и хлѣбомъ и двое картъ ему подарилъ, а послѣ обѣда онъ же былъ въ домѣ моемъ, которому сиръ и два кавуна поднесъ, а онъ мнѣ далъ часть »Розговоровъ въ государствѣ мертвыхъ«. Простясь, отехалъ въ Буду п. тестя, где и ночовалъ. Сего числа два полки пѣхотныхъ, чернѣговскій и суздалскій, пошли зъ Стародуба.

13. Данъ рондзикъ до переправи Пищолцѣ и емужъ дано 20 к. За мясо росплаченось 12 к., за медъ 12 к., за лихтарнѣ 2 к., за рогожи 12 к.

14. Петрошъ отпущенъ на время въ Перегонъ, которому дано на его нужду 20 к.

15. За мясо 6 к.

16. За мясо 7 к.

17. Отобрано у ткацкаго цехмистра двѣ штуки полотна, въ которихъ по 77 локоть. За мясо 12 к. Обѣдали у мене панѣ теща, капитанъ Корнилий Трофимовичъ Шалигинъ зъ женою своею Василисою Андреяновною и асаулъ зъ асаулкою. За медъ 8 к.

18. За мясо 6 к. Золотарю 56 к. за вичищене сребра отъ евангелія.

19. На рибу 10 к. Шевцю 9 к. Кравцю 9 к., за Часловець 40 к. Аксамиту до евангеліи левенскои 3 чвертки, за который надлежитъ 1 р. 20 к. У Федора Янченка взято пудъ желѣза и 3 фунти.

20. На мясо 12 к., за медъ 8 к. Золотарю, которому данъ рондзикъ до передѣлования, дано 10 к. На крашенину до юпки 4 к., молодикамъ на баню 2 к., Алексію на его нужды 15 к.

21. На розницю 4 к. Костантій пріехалъ въ Стародубъ.

22. Розышлось на розницю 16 к.

23. Обѣдали у мене мекленбурского корпуса пѣхотный маіоръ Лепелъ и отъ кавалеріи капитанъ Цибетъ. На мясо еще 23 к.

24. Прибылъ капитанъ Максимовичъ. На мясо и кури пошло 17 к. Дано кравцю на шовкъ 10 к. Дано еще інтролѣgатору 1 р.

25. Взято у Федора Янченка 500 грибовъ, которіе отосланы Славую по 7 к., за полтретя локтя штамету 55 к. На нитки до епанчи 3 к. За подшите вовками епанчи 25 к., на нитки 5 к.

26. Бондарю 16 к. Взято у Осипа Булахова 4 р., должные имъ Яружному за нитѣ. Былъ у капитана Цибета и у поруччика Ліоне. Програлъ 50 к. Розышлось на розницю 11 к.

27. Рубайленки лубку меду принесли. Розышлось на розницѣ 18 к. Дано Карноуху за перешиване епанчи 22 к. До сего числа у Серединомъ дворѣ набрали 21 фляшу вина. Отехалъ Максимовичъ и я віехалъ зъ Стародуба до Перегону.

28. По обѣдѣ зъ Левенки віехавши, прибылъ въ Перегонъ на ночъ.

29. Позно віехали къ Мглину, ночовали въ Погарѣ; тутъ писано писмо до сотника погарского о визиченню деревнѣ. За медъ и пиво 49 к., на свѣчи и діоготь 6 к.

30. Обѣдали у Гетуна. На стенжки пянеи 30 к. Назадъ прибыли въ Перегонъ на ночъ.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Отехалъ въ монастырь чолнскій и видѣлся въ Погарѣ зъ маіоромъ Віттеномъ.

2. Учинено рѣшеніе о намѣстнику чолнскомъ Гавріилу за мою обиду. Помѣнялся я табакерками зъ отцемъ Варсонофіемъ, которій зъ другими черницями былъ у мене въ наметѣ (палаткѣ).

3. Розехалися зъ монастыря чолнского и обѣдалъ въ Романовцѣ. Одтоль заездилъ до Стечни и видѣлся зъ тамошнимъ ігуменомъ Гавріиломъ Великошапкою, куда надехали и отецъ Варсонофій зъ товарищи, а я заразъ отехалъ и прибылъ ночю въ Перегонъ.

4. Былъ на Василіовцѣ и возвратился на ночъ въ Перегонъ.

5. Пришло извѣстіе, что отецъ Варсонофій зъ товарищи прибылъ въ Ісаевку и для того отехалъ на Василіовку и тамъ ночовалъ.

6. Рано прибылъ въ дворецъ ісаевскій и тамъ послѣ чаю ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообѣдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали.

7. Ездили къ обѣднѣ въ Городище, а послѣ того обѣдали у мене-жъ въ Перегонѣ, а по обѣдѣ подарили отца Варсонофія хусткою и кошелкомъ и они коло вечерень отехали.

8. Дніовалъ въ Перегонѣ.

9. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ до Стародуба.

10. Росплатка учинена зъ Федоромъ Янченкомъ за покупки, на ярмарку десятовскомъ [193]) справованные и за проч. 30 р. 48 к.

11. Остапу Качану на покупку дерева для робленя полукаретки дано 30 к.

12. Въ 11 часу по полуднѣ пожаръ былъ, згорѣлъ дворъ Черняковъ. По сее число на розную подробицю розышлось 1 р. 70 к.

13. За два кожухи мужеский и женский даны 80 к. Прислалъ Валкевичъ возовъ 10 сѣна, а ему позычено пять копъ дранѣ. Былъ я у маіора Лепела и долго сидѣлъ въ ночъ.

14. Ездилъ до Левенки, заплатилъ за 20 кафель 40 к., да за мясо прошлыми часы и за лой взиманный у Брезкуна 1 рубль 35 к. За 5 бочокъ соляних 10 к., на рогожи 12 к. Розышлось на розницю 7 к.

16. Розышлось на розницю 21 к., за пудъ салакуму 86 к. Пришолъ указъ всѣмъ въ походъ.

17. Писаны писма до отца Варсонофія, свинского намѣстника и отца городничого лищицкого зъ кгазетами. Алексію даны 3 к. За подкурене пари соболей 20 к. Максиму. Взялъ у Федора Янченка 50 р. Дано за сто оселедцовъ 35 к.

18. Дано Алексію 3 р. Розышлось на розницю 7 к.

19. Івану лучанскому на чоботы 22 к., на рукавицѣ 10 к., на розницю 7 к.

20. Кравцямъ 20 к., на розницю 8 к.

21. Крестили дитя служителя полковничого Микиты, сина Андрея. Данъ кумѣ 1 р. Попу, бабцѣ, дякону и паламару 41 к. Въ доплату покойному Стефану римару за роботу 32 к. Вечеромъ былъ у капитана Цибетъ и лейтинанта Ліоне. Сего числа снѣгъ випавъ.

22. Заплатилъ графу Гаврилу 50 р. и послалъ чрезъ Данила, писара его. За два чопы до винницѣ Качановскому данъ 1 р., у Жорова за горилку взятій. Привезены книги зъ Санктпитербурха. Послано писмо до Лишня о покупцѣ 20 пудъ меду.

23. Взялъ 100 р. у Михайла Словинского на жито, подрядившись чвертку по 50 к. Панъ Екимовичъ, асаулъ полковый стародубовскій, пожекгнался, въ походъ отходя. Програлъ въ карты 37 к., да еще пошло 3 к.

---

[193]) Ярмарка въ г. Стародубѣ въ десятую послѣ Паски пятницу.

24. Далъ Робаковскому на покупку жита 24 р., служителю, родинный хлѣбъ одъ панѣи Чернолузской привозившему, 10 к., а родилъся у еи синъ Петръ сего 21 числа.

25. Данъ рубль інтролѣgатору (переплетчику) до порахунку. На мясо 4 к. Одехалъ зъ Стародуба Василій Федоровичъ Милниковъ. Вечеряли у насъ Іскрицкій зъ женою.

26. Подметное писмо на полковника сискано и спалено. На рибу дано 10 к. Былъ капитанъ Блюхеръ у мене и панъ тесть, и обѣдали, также капитанъ Ленку.

27. Полковнику через Якова цилюрика позыченъ Военный Уставъ, а п. Іскрицкому мовца полскій. Розышлось на розницю 45 к., на мясо 15 к. Былъ у мене капитанъ Ленку въ вечери.

28. Остапу Кочану дано на деревню для дѣланя коляски 30 к., чернцю зъ Святыхъ Горъ 1 р. На мясо и на розницю пошло 28 к. Даны Брезкуну двѣ яловицѣ.

29. Далъ інтролѣgатору 50 к. Далъ Балдовскому на жито 20 осмачокъ 32 руб. Максиму шапочнику 20 к. Петрошу данъ 1 р.

30. Взято у Ляшихи полрубля. Панѣи дано на стенжки 40 к. Дано за коня капитану Цибету 15 р.

31. Взято у Ноздри 10 р. Дано за направу парика 50 к. Війшли меклембурци.

Мѣсяцъ ноеврій.

1. Послалъ въ Мглинъ на медъ чрезъ Дениса Лишня 10 р. Дано крашенинику за фарбоване крашенины 45 к., за мясо 8 к.

2. Писару судовому Косачу за дворъ сорокинскій погарскій ad interim 20 р. Взялъ у погарцовъ на коней до порахунку: у куровского Грицка Пахоменка 8 р. 57 к., перегонского Сидора Сѣдкового 10 р., чубаровского Василя Кизенка 4 р. Дано за медъ и пиво 15 к. Кравцямъ на нитки 5 к.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. дядка и до п.п. Пасека и Скоропадского за нихъ же и отправлены чрезъ козака одъ п. дядка присиланного, которому на дорогу дано 5 к.

4. Золотару Івану за позолоту до рондзика и шаблѣ данъ червонецъ и еще часть золота, томужъ золотару на живое срѣбро 30 к. Вчера и сего дня за мясо 20 к. Антону Дону, посланному

въ дѣлѣ п. Іана Миклашевского зъ інструкціею по Сейновича даны 50 к. На розницю розышлось 15 к.

5. vacat. 6. Писалъ писмо зъ газетами до отца Варсонофія, намѣстника свинского, и о одсилцѣ оного писма къ атаману. Дано Чубѣ за чинбу зайцовъ и куницѣ 9 к. На нитки до подшиваня шлямового кунтуша 3 к. Обѣдалъ у полковника, а послѣ былъ у г. совѣтника адмиралтейского, скуповуючого пенку, Андрея Федоровича Хрущова, которого сожителница Анна Александровна зъ Колтовска, а потомъ были у Спасибенка на весѣлѣ.

7. Рано былъ у капитана меклембурского Ланку. Золотару Івану за камушокъ, въ перстень вправленный, дано 10 к. Розышлось на розницю 6 к. Семенко, сынъ п. Івана Гамаліи юдиновского умре. Въ вечерѣ былъ у мене помянутый г. Хрущовъ зъ жоною.

8. На куры 16 к. Дякону почепскому Петровскому позичены 40 к. Пугачевскому даны 10 к. Обѣдалъ у полковника для воспоминанія пранятія имъ полковои команды.

9. Шевскому цехмистру за роботу 4 паръ чоботъ 16 к. Івану Лучанскому на рукавици 10 к. Лаврину за рибу 9 к.

10. Алексію даны 2 р. За падло живодерамъ 5 к. За панчошки мнѣ и Василковѣ 17 к. Евтуху кравцю за роботу 20 к. Золотару Сергию до порахунку за роботу данъ 1 р. Взято у Парфененка 20 пудовъ меду въ 12 локошкахъ, которые и посланы въ Перегопъ.

11. Обѣдали у насъ полковникъ панъ, г. Хрущовъ зъ женою и прочіи, а послѣ обѣда были на весслю у Гомяници. За пошите кунтуша—шубы дано 23 к.

12. Вечеромъ былъ купно зъ Василевичемъ у капитана Ланка и вигравъ тамъ въ карты 1 р. 60 к.

13. Обѣдали и весь день пробавили у п. Демяновичевой, а вечеряли дома. Прошлими днями розишлось на мясо и проччее.

14. Весь день пролежавъ, до сего-жъ дня былъ у меня Гомяніця зъ женою своею и зъ новобрачными зъ хлѣбомъ и подарками, которимъ дано 1 р., да былъ-же Никита Андріановичъ. Музикамъ 20 к.

15. Весь день пролежалъ дома; обѣдалъ зъ нами Іскритскій и взялъ книгу Пуфендорфъ, а у п. тестя Вадоменумъ медікумъ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, *отчество* и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* переписке, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ *полями*, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.